

Бруно
Травен

Сокровище
Сьерра-Мадре

**Бруно
Травен**

**Сокровище
Сьерра-Мадре**

Калининградское
книжное
издательство
1989

84.4Г
Т 65

В. TRAVEN
Der schatz der Sierra Madre

Перевод с немецкого С. С. Григорьевой

Художник С. И. Соболев

Травен Б.

Т 65 Сокровище Сьерра-Мадре: [Пер. с нем.
С. С. Григорьевой]. — Калининград: Кн.
изд-во, 1989. — 272 с.

Т $\frac{4709010100-022}{M144(03)-89}$ 15-89

84.4Г

ISBN 5—85500—056—7

© Перевод и оформление.
Калининградское книжное из-
дательство, 1988

Если в поисках сокровища не считаешься с трудностями пути, пройти который может не хватить всей жизни, значит, ищешь настоящее сокровище.

Настоящее сокровище распознаешь не сразу — оно в глаза не бросается.

I

Садовую скамью, на которой сидел Доббс, никак нельзя было назвать удобной. Одна планка была выломана, другая прогибалась, и сидеть на этой скамье было сущим наказанием. Впрочем, заслужил он это наказание, или оно было незаслуженным, как бывало не раз,— об этом Доббс в данный момент не думал. Да и то, что ему неудобно сидеть, он, пожалуй, заметил бы лишь тогда, когда его об этом спросили.

Занимавшие его мысли были обычными для большинства людей. Это была проблема, где бы раздобыть денег? Если у тебя есть немного денег, тогда легче их добыть, так как можно кое-что предпринять. Если же не иметь ни копейки, то очень трудно решить этот вопрос положительно.

У Доббса не было ничего. Спокойно можно было сказать, что у него было еще менее, чем ничего, так как у него даже не было целой одежды, которая бесспорно, при стесненных обстоятельствах, является каким-то начальным капиталом.

Но кто хочет работать, находит работу. Только ни в коем случае не следует обращаться за нею к тому, кто любит повторять эту фразу, он работу не предложит и даже не подскажет, к кому следует обратиться с просьбой о работе. Он именно потому и говорит эту ходячую фразу, что совсем не знает жизни.

Доббс был согласен ворочать камни, если бы ему предложили такую работу. Но даже такой работы не было, так как слишком многие ожидали ее, и местные белые могли на нее рассчитывать скорее, чем чужак.

На углу площади чистильщик обуви поставил свое высокое одноногое железное кресло. Остальные чистильщики, которые не смогли приобрести такое, шныряли вокруг площади со своими ящичками и раскладными стульчиками и приставали ко всем, у кого ботинки не были начищены до зеркального блеска. Доббс хотел бы посидеть на одной из бесчисленных скамеек или прогуляться, но его не оставляли в покое. Значит, и чистильщикам было нелегко найти работу, а ведь по сравнению с Доббсом они были просто капиталистами, так как владели орудиями своего ремесла, которые стоили не менее трех песо.

Даже если бы у Доббса и были эти три песо, чистильщиком он бы стать не смог. По крайней мере, здесь, среди уроженцев этого городка. Еще никогда здесь белый не пробовал чистить сапоги на улицах; белый, сидящий в отрепьях, голодный, на скамейке на площади; белый, который просит

милостыню; белый, который совершил кражу со взломом, не подвергается презрению остальных белых. Если же он станет чистить на улице ботинки, или попросит милостыню у индейцев, или начнет разносить в ведрах холодную воду и продавать ее, тут он опустится ниже всех белых уроженцев города и все равно помрет с голоду, так как ни один белый не будет более считать его равным себе, а цветное население увидит в нем нежелательного конкурента.

На высокое железное кресло на углу взгромоздился господин в белом костюме, и чистильщик занялся его коричневыми ботинками. Доббс встал, побрел к креслу и тихо сказал господину несколько слов. Тот, едва взглянув на него, достал из кармана брюк монету в одно песо и дал Доббсу. Минуту Доббс стоял пораженный, затем вернулся на свою скамью. Он ни на что не рассчитывал, во всяком случае не более, чем на 10 центаво. Он держал руку в кармане и ощущал там свое песо. На что же оно потянет? Обед и ужин, или два обеда, или десять пачек сигарет «Артист», или пять стаканов кофе с молоком и французской булочкой, которая ничем не отличается от простой булочки.

Вскоре он покинул скамью и спустился к отелю Озо Негро. Гостиница была просто ночлежкой. С одной стороны фасада был магазин обуви, рубашек, мыла, дамского белья и музыкальных инструментов; с другой стороны продавались пружинные матрасы, шезлонги и фотоаппараты. Между этими магазинами был широкий проход, который вел во двор. Во дворе стояли ветхие и прогнившие деревянные бараки, которые, собственно говоря, и назывались гостиницей. Во всех этих бараках были маленькие, узкие, темные, без окон, комнаты. В каждой комнате стояло от четырех до восьми

топчанов. На каждом топчане лежала грязная подушка и старое засаленное шерстяное одеяло. Свет и воздух поступали через двери, которые всегда были распахнуты. Несмотря на это, комнаты были сыроваты, так как у них не было пола и солнце освещало лишь небольшой квадрат земли у двери. Не было также ни малейшего дуновения воздуха, как и во дворе. Атмосфера насыщена была испарениями уборных, не имевших водослива. Кроме того, посреди двора, в баках из-под консервных банок, все время кипятили белье, потому что в отеле, кроме всего, находилась еще и китайская прачечная.

Слева в проходе между домами, не доходя двора, была маленькая каморка, в которой сидел портье. Рядом было еще помещение, загороженное доверху проволочными сетками. Здесь на полках на хранении лежали чемоданы, ящики, пакеты и картонные коробки постояльцев. Здесь лежали чемоданы тех, кто провел в отеле, может быть, только одну ночь; многие чемоданы и ящики были покрыты густым слоем пыли: денег, которыми обладал постоялец, хватило лишь на одну ночь. В последующие дни, а также и в последующие ночи он был где-то в другом месте. В один прекрасный день он все же возникал, брал рубашки, брюки или что-то еще из чемодана, запирали его и снова сдавал на хранение. А однажды он вообще решил отправиться в дорогу. Так как ни на поезд, ни на пароход денег у него не было, он шел просто на своих двоих, и чемодан ему был ни к чему. Сейчас этот человек возможно где-то в Бразилии, или засыпан песком пустыни, или умер с голоду на одной из тропинок буша, либо просто убит.

Через год, когда камера хранения чемоданов переполнялась так, что вещи вновь прибывших уже

туда просто не вмещались, хозяин ночлежки устраивал генеральную уборку. На вещах иногда была прикреплена записка с именем владельца ящика или картонки. Иногда человек, похоже, забывал, какую фамилию он указал, а так как он за это время успевал порой сменить ее, то не мог потребовать выдать ему его чемодан, потому что не мог вспомнить прежнюю фамилию на бирке. Он пытался описать чемодан. Тогда портье спрашивал фамилию, и так как ответ не совпадал с тем, что указано на приколотой к чемодану бирке, то чемодан не возвращали.

Частенько бирка с фамилией просто падала. Иногда фамилия была написана мелом и давно стерлась. Иногда в спешке портье просто забывал спросить фамилию и надписывал синим карандашом на картоне номер топчана, однако владелец картонки номера топчана вообще не знал, а если бы и знал, то позабыл бы наверняка. Никакой даты никогда вообще не ставили.

Итак, никак нельзя было установить, как долго чемодан или ящик лежали в камере хранения... Длительность срока хранения определяли по толщине слоя пыли, покрывающего вещи. По этому признаку портье почти безошибочно определял, сколько недель лежит здесь чемодан или мешок из-под сахара. За хранение не платили. Когда же камера переполнялась, вещи, покрытые самым густым слоем пыли, извлекали наружу. Хозяин ночлежки рассматривал содержимое и сортировал его. В большинстве случаев это были отрепья. Очень редко в каком-нибудь чемодане находили что-то стоящее, так как тот, у кого была хоть одна ценная вещь, редко приходил ночевать в Озо Негро, либо он ночевал там только раз. Отрепья владелец ночлежки дарил оборванцам, ночевавшим у

него и вымаливающим эти тряпки, а иногда отдавал проходящим мимо бродягам. Ведь так всегда водится на этом свете: какими бы рваными ни были штаны, какой растерзанной рубаха и стоптанными сапоги, находится кто-то, кто считает их еще весьма приличными, так как ни один человек на земле не может быть настолько беден, чтобы не нашлось еще беднейшего.

У Доббса не было чемодана, который следовало бы сдать на хранение, не было даже картонной коробки или бумажного мешка. Он бы не знал, что туда положить, так как все, чем обладал, он носил в брючных карманах. Пиджака не было уже много месяцев.

Он вошел в маленькую каморку портье. В этой каморке, в передней стене было, правда, окошко с полочкой, но никто этим окошком не пользовался, даже сам портье. На этой полочке стояли у самой форточки бутыл с водой и фаянсовая кружка, из которой пили все постояльцы. В спальнях не было ни воды, ни посуды для нее. Тот, кого мучила жажда, должен был идти сюда к окошку и пить тут. Некоторые опытные ночлежники, особенно те, кому по ночам часто хотелось пить, брали с собой в спальню пустую винную бутылку, наполненную водой.

Портье был еще совсем молод, ему едва ли исполнилось двадцать пять лет. Он был небольшого роста, худой, с длинным острым носом. Он работал с пяти утра до шести вечера. А в шесть вечера другой заступал на дежурство до пяти утра, так как ночлежка была открыта и днем, и ночью без перерыва, и не столько из-за поездов, прибывавших ночью лишь тогда, когда они шли с опозданием, сколько из-за тех ночлежников, которые работали

в ресторанах и других местах, где работа кончалась поздней ночью, а иногда и вовсе под утро.

Днем и ночью кого-то здесь будили, так как всегда кому-то следовало встать в определенное время на работу. Здесь спали ночные сторожа, пекари, асфальтировщики, мостильщики, разносчики газет, булочники-лоточники и рабочие таких профессий, которые сразу одним словом и не назовешь. Многие из них могли нанять себе отдельные комнаты, где они могли бы лучше выспаться в чистоте и не рядом с неизвестными чужестранцами и босяками. Но из-за побудки, из-за желания точно являться на работу они жили здесь, в гостинице, где могли точно рассчитывать на то, что их разбудят минута в минуту в заданное время.

Оба портье были очень опытными. Каждый день прибывали новые постояльцы, а старые исчезали. Люди менялись ежедневно. Здесь можно было встретить людей любой национальности. Перед окошечком проходили белые, желтые, черные, коричневые, краснокожие. Но дежурный портье всегда знал, платил ли человек или нет. Когда он сомневался, он записывал в журнал и следил из окошечка за человеком, в какое помещение тот направляется.

Было несколько еще совсем маленьких комнат, в которых стояла только одна кровать, довольно широкая и с матрацем. Матрац был, правда, очень жестким, но постояльцы были неизбалованны. Эти помещения предназначались для двух человек и стоили для каждого один песо. Это были комнаты, которые снимали люди, проходящие с женщиной. Для одиноких женщин и девушек имелось несколько барачков с несколькими топчанами по пятьдесят центаво. В этих помещениях было по две двери, но двери не закрывались и так косо висели на своих

петлях, что их закрыть было просто невозможно. Топчаны для женщин, однако, имели москитные сетки, за которыми девушки могли укрыться и раздеваться. Это особенно устраивало девушек простого происхождения и индианок, которые очень ловко приноровились за этими сетками раздеваться и одеваться и проводить там ночь так незаметно для окружающих, будто они находятся за четырьмя каменными стенами отдельного дома. Большой частью это были кухонные работницы и судомойки из ресторанов, которые подолгу жили здесь. У мужчин здесь было слишком много своих забот, и им было не до девушек. И девушкам в этой ночлежке, где все было нараспашку, было гораздо спокойнее, чем где-либо в другом месте, скажем, под названием «Семейный пансионат». Постояльцы Озо Негро, несмотря на то, что были в отрепьях, растерзали бы мужчину, который отважился бы пробраться к девушкам, чтобы совершить гнусность.

В ночлежке этой были постояльцы, которые жили здесь по два, три и даже по пять лет. Так как они занимали всегда один и тот же топчан, тот же угол, то они устраивались там так же уютно, как в частном пансионе. Только их соночлежники менялись почти каждую ночь. Но бывало, что долгоживущих постояльцев было достаточно, и они занимали целое помещение. Жизнь для людей была здесь гораздо удобней, чем в частном пансионе. Они могли приходить, когда хотят, не приводя при этом в бешенство хозяйку, они могли уходить, когда хотят, не беспокоив никого, и, когда они возвращались, довольно нагрузившись, опять же никто не беспокоился.

В комнатах не было шкафов. Вещи висели на гвоздях, вбитых в деревянные стены. Некоторые постояльцы, жившие здесь уже порядочное время

и имевшие работу, клали свое воскресное платье в большой деревянный ящик, который они закрывали висячим замком. Другие завешивали мешковиной свой костюм, чтобы уберечь его от пыли. Некоторые заматывали костюм толстой веревкой, да так ловко, что ничего нигде и не высывалось. Кражи бывали редко, так как если кто-либо из постояльцев шел со свертком, дежурный портье смотрел на него недоверчиво, а если портье узнавал, чьи штаны он несет, то и вовсе останавливал несущего. А оба портье четко знали пиджаки и брюки своих постоянных жильцов.

Портье было довольно тесно в его каморке, так как она была набита всевозможными предметами. Это были пакетики, коробочки, совсем маленькие дамские сумочки и всякие прочие мелочи, ради которых едва ли стоило открывать проволочную сетку камеры, так как их сдавали очень ненадолго, на полчаса или около того. Иногда их брали в срок, а иногда неделями они валялись, и о них просто забывали владельцы, когда внезапно уезжали на другой край земли, нанявшись матросами в порту. Если корабль должен был вот-вот уйти в море, а некоторые матросы не явились, то брали тех, кто быстрее мог собраться и уйти, в чем стоял, бросив все.

Кроме всего прочего, в каморке был высокий стеллаж с полотенцами, мылом и мочалками для тех, кто собрался помыться. В ночлежке были только душевые. Каждая кабина стоила двадцать пять центаво. Вода была прохладной, но и ее было в обрез.

Затем была еще полка для писем и всяких бумаг. Все покрывала пыль.

И, наконец, там стоял сейф. В нем хранились ценности, которые сдавали ночлежники: деньги, ча-

сы, кольца и амулеты, представлявшие собой какую-то ценность. Здесь же лежали компасы, инструмент для полевых измерений и тому подобные вещи, нужные геологам и золотоискателям. Потому что даже владельцы таких инструментов порой скатывались довольно-таки низко и приживались здесь, как постоянные ночлежники. В каморке висели разные ружья, револьверы и рыболовные снасти.

На маленьком уголке стола, еще не загроможденном бумагами, пакетиками и коробками, лежала толстая книга регистрации приезжающих. Здесь записывали всех гостей ночлежки. Только фамилию, номер койки и уплаченную сумму. Имя постояльца, его национальность, его профессия, цель, с которой он прибыл,— это вовсе не интересовало хозяина. Еще меньше это интересовало полицию, которая никогда даже не видела регистрационной книги. Книга интересовала еще разве что сборщика налогов, когда хозяин пытался с помощью ее доказать, что поборы слишком велики.

Доббс обратился к портье, положил свое песо на стол и сказал:

— Доббс, на две ночи.

Портье полистал книгу, нашел свободную страницу и вписал «Джоббс», так как он недослышал, но был слишком воспитан, чтобы переспрашивать; затем вслух добавил:

— Комната восемь, кровать два.

— Ладно,— сказал Доббс и пошел, куда ему было указано.

Он мог бы улечься тотчас. На остаток вечера, всю ночь, следующий день полностью и последующую ночь, а также до полудня после последующей ночи. Выспаться как следует, если бы пожелал. Но он был голоден и должен был идти «на охоту» или «рыбную ловлю».

«Клев» был однако не очень хорошим. Ему никто ничего не подал. Затем он увидел, что впереди идет господин в белом костюме. Он нагнал его, пробормотал что-то, и тот дал ему 50 центаво.

С этими пятьюдесятью центаво Доббс пошел к китайцу, чтобы пообедать. Обед давно кончился, но у китайца всегда найдется, чем пообедать. А если уже поздно называть это обедом, то это называют ужином, хотя бы только что пробило четыре пополудни.

Затем Доббс немного отдохнул на скамье и наконец вспомнил о кофе. Некоторое время он «охотился» безуспешно, пока снова не увидел какого-то господина опять же в белом костюме. И господин дал ему 50 центаво. Серебряной монетой.

«Мне сегодня везет у господ в белых костюмах»,— сказал про себя Доббс и направился к круглому кафетерию на площади Плаце де ла Либерстад, возле таможни и пассажирской пристани.

Он уселся на высоком стуле в баре и заказал стакан кофе и два рогалика. Стакан на три четверти наполнили горячим молоком и затем долили горячим черным кофе. Затем перед ним поставили сахарницу, два прекрасных коричневых рогалика и воду со льдом.

— Почему это вы, бандиты, снова повысили цену на кофе на пять центаво? — спросил Доббс, размешивая целую горку сахара в стакане.

— Издержки слишком велики,— ответил официант, ковыряя во рту зубочисткой и лениво облокачиваясь о стойку бара. Доббс задал вопрос лишь бы что-то сказать. Для него и ему подобных это, правда, была сумма и разница между пятнадцатью и двадцатью центаво была ощутима. Но повышение цены его не взволновало. Когда он добывал пятнадцать центаво, то мог достать и недостающие

пять, а если он не мог добыть двадцать, то и пятнадцати у него не было. В общем, все это его не волновало.

— Я не покупаю лотерейных билетов, проваливай и оставь меня наконец в покое! — закричал он на индейского мальчугана, который уже пять минут размахивал длинными бумажными лентами лотерейных билетов перед его носом.

Но от мальчишки не так-то легко было отвязаться.

— Это лотерея штата Мичиган. Шестьдесят тысяч песо — главный выигрыш.

— Убирайся, разбойник, я не играю в лотерею.

Доббс обмакнул свой рогалик в кофе и затем отправил в рот.

— Весь билет стоит только десять песо.

— Сукин сын, у меня нет десяти песо,— Доббс хотел глотнуть кофе, но он был слишком горячим, к стакану было не притронуться.

— Тогда возьмите четверть билета, это составит только два песо пятьдесят.

Доббс быстро поднес стакан ко рту. Но, попытавшись глотнуть, обжег себе губы, и даже пальцам стало слишком горячо, так что стакан сейчас же пришлось поставить.

— Если ты не уберешься со своими ворованными лотерейными билетами, то я выплесну на тебя воду.

Доббс был разъярен. Не из-за назойливого мальчишки, а потому, что ошпарил язык. Он не мог излить свою ярость на свой язык или на кофе, который опасался пролить, оттого-то он и взъярился на мальчишку.

Мальчишка не обиделся. Он привык к таким вспышкам. Он был неплохой коммерсант и считал, что тот, кто может позволить себе чашку кофе и

два рогалика, тот может купить и лотерейный билет на благо штата Мичиган.

— Тогда возьмите одну десятую, сеньор. Стоит только одно песо.

Доббс взял стакан воды со льдом и покосился на мальчишку. Мальчишка увидел это, но не двинулся с места.

Доббс глотнул воды. Мальчишка при этом махал лотерейными билетами перед его носом. Одним рывком Доббс выплеснул воду ему в лицо, и билеты намокли.

Мальчишка, однако, не рассвирепел. Он только рассмеялся, стряхнул воду с билетов и тыльной стороной ладони смахнул воду со своей рваной рубахи. Этот «водопад» он посчитал скорее выражением дружественного начала сделки, чем знаком вражды. В его голове твердо засела мысль, что тот, кто может позволить себе кофе с молоком да еще с двумя рогаликами к нему, должен купить лотерейный билет, чтобы с помощью выигрыша вернуть издержки.

Самый большой стакан кофе, однако, в конце концов кончается. Доббс высосал последнюю каплю, которую только можно было вылизать, не разбив стакана. Он подобрал последнюю крошку чудесного рогалика и дал свой полтинник (пятьдесят центаво), чтобы рассчитаться. Он получил сдачу двадцать центаво одной серебряной монетой. Этого, казалось, ждал мальчишка.

— Купите же одну двадцатую монтерейской лотереи, сеньор. Стоит только двадцать центаво. Главный выигрыш двадцать тысяч песо. Вот возьмите этот счастливый билет.

Доббс взвесил монету на ладони. Что ему с ней сделать? Купить сигарет? Ему их сейчас не хотелось. Лотерейный билет отпадает. Отпадает и все.

А ведь можно было бы пару дней надеяться. Ведь это продолжается не месяцы, а несколько дней до тиража...

— Ну, давай сюда твой билет, сукин сын! Лишь бы ты наконец убрался отсюда с твоей лотереей.

Юный коммерсант с готовностью оторвал одну двадцатую от длинной ленты. Это был клочок папиросной бумаги. Такой тонкой, что рисунок пропечатался насквозь.

— Это счастливый номер, сеньор.

— Почему же ты сам не покупаешь его?

— У меня нет денег на это. Вот билет. Большое спасибо. Надеюсь, следующий раз вы не забудете меня.

Доббс сунул билет в карман, даже не посмотрев на номер. Затем он отправился купаться. Это было довольно далеко. Надо было миновать асфальт и спуститься вниз по горе к реке. Прежде чем очутишься у самой реки, нужно преодолеть канавы и ямы, перепрыгивая их, и брести местами по болоту.

В воде уже толкалось множество индейцев и белых, которые стояли на той же ступени общественной лестницы, что и Доббс, и жили за счет того, что выбрасывали более состоятельные сограждане. Ни у кого не было плавок, но никого это не беспокоило. Мимо этих небольших пляжей проходили порой женщины и девушки, также не видевшие ничего дурного в том, что мужчины купаются здесь нагишом, их это не сердило и не волновало. Конечно, изнеженные европейские или американские женщины считали бы ниже своего достоинства прогуливаться мимо... Они стояли высоко на своих балконах и у окон домов и через сильные бинокли следили за купающимися. Дамы, которые жили вдалеке отсюда, на другой стороне авениды Гидальго, в колонии Гваделупа и других районах,

охотно принимали приглашения на чай от местных дам. Каждая приносила свой бинокль, чтобы с вышины обозревать широкий ландшафт, так как вид был стоящим. Поэтому данная колония и называлась Колония Буэна Виста.

Купание освежило, и Доббс сохранил двадцать пять центаво, которые он должен был бы заплатить за душ в отеле. Но купание имело также и теневые стороны. Это были огромные раки, засевшие в иле. Раки эти порой принимали пальцы купальщиков, чаще всего большие пальцы, за кусочки соблазнительного мяса, которыми не стоит пренебрегать. Было очень неприятно, когда такой мощный матерый рак хватал тебя за палец и пытался уползти назад вместе с пальцем.

Река разделялась здесь на несколько рукавов. Кое-где по берегам сидели ловцы раков. Это тяжелое занятие, и оно по плечу лишь тем, у кого невероятное терпение.

Ловили раков большей частью индейцы или очень бедные метисы. Наживкой служило старое вонючее мясо. Чем более вонючее — тем лучше. Большой кус такого мяса насаживали на крючок, находившийся на длинном шнуре. Затем его забрасывали как можно дальше в рукав реки. Здесь оно лежало довольно долго. Потом ловец очень медленно начинал двигать шнур, еле-еле, так медленно, что это было едва заметно. Целую вечность длилось все действие, пока крючок с куском мяса опять не был на берегу. Затем шнур снова забрасывали и опять медленно вытягивали на плоский илистый берег. Шесть, а то и десять раз все повторялось напрасно. Крючок снова нужно было забросить, иногда с новым куском мяса (так как старый кусок был объеден со всех сторон), а затем его снова вытаскивали.

Раки клешнями хватали мясо, судорожно вцеплялись в него, так что их вытаскивали вместе с куском мяса, с которым они не в силах были расстаться.

Стоило потянуть побыстрее за шнур, тогда рак не успевал или это казалось ему подозрительным, и он бросал приманку. Иногда он так сильно сжимал клешни, что откусывал кусок мяса, и победа оставалась тогда за ним.

Терпеливые ловцы хорошо зарабатывали на этом, так как некоторые раки весили пол- а то и три четверти кило, а в ресторане платили хорошо, потому что мясо раков высоко ценилось гурманами.

Наблюдая за раколовами, Доббс решил, что это занятие не для него. У него совсем не было такого терпения. Самое малое необдуманное, порывистое движение — и все насмарку, жертва ускользает. Эта ловля требовала такого спокойствия, каким Доббс, выросший в большом американском городе, не смог бы обладать, даже если бы за каждого рака ему платили по пять песо! Он снова поплелся в город. Купание и прогулка опять пробудили аппетит, и надо было позаботиться об ужине. Некоторое время его попытки разжиться были напрасны, и ему пришлось проглотить немало унижений, но ничего не поделаешь, если ты голоден и другого пути достать ужин не видишь.

Наконец он увидел человека в белом костюме. Он подумал, что люди в белых костюмах ему сегодня приносят счастье, и решил рискнуть еще раз. И ему снова повезло: пятьдесят центаво, которых вполне хватило на ужин.

После ужина и небольшого отдыха на скамейке он решил, что неплохо было бы иметь немного мелочи в кармане, ведь никогда не знаешь, что может

случиться. Он никогда раньше не думал об этом, и эта мысль мелькнула у него, только когда он снова увидел человека, одетого в белый костюм, который шел прямо напротив него по той стороне площади. Доббс направился к нему.

Господин тотчас сунул руку в карман и вынул монету в пятьдесят центаво. Доббс протянул руку, но господин крепко держал монету. Затем он холодно сказал:

— Послушай-ка, мой мальчик, такой неслыханной дерзости я в жизни не видел и, если бы мне об этом рассказали, то я бы не поверил!

Доббс стоял оцепенев. С ним такого тоже никогда не случалось, чтобы кто-то прочитал ему такую длинную нотацию. Он даже не знал, остаться ему на месте или убежать. Но так как господин все еще держал монету, то у Доббса было чувство, что рано или поздно тот отдаст эту монету и что господину всего-навсего доставляет удовольствие прочитать проповедь.

«За пятьдесят центаво я охотно выслушаю проповедь, мне ведь собственно нечего больше делать»,— подумал Доббс. И он остался на месте.

— Сегодня после полудня вы мне рассказали басню о том, что вы еще ничего не ели. Я дал вам песо. Затем я снова вас встретил, и вы сказали, что нет денег на ночлег, и я дал вам пятьдесят центаво. А теперь скажите мне, зачем вам сейчас еще деньги?

— На завтра, на утро, на завтрак,— с полным самообладанием ответил Доббс.

Господин рассмеялся, дал ему монету и сказал:

— В последний раз я вам что-то даю. Просите-ка у кого-нибудь другого, а не только у меня. Мне это начинает надоедать!

— Простите пожалуйста, — сказал Доббс, —

только я не знал, что это всегда вы, я не смотрел вам в лицо, я его вижу в первый раз. Но больше я к вам подходить не буду.

— Для того, чтобы вы точно сдержали слово и больше не затрудняли меня, я даю вам еще пятьдесят центаво одной монеткой, чтобы у вас был завтрак и обед. Но в дальнейшем я бы желал, чтобы ваш бюджет строился без моего содействия.

«Похоже, этот источник тоже иссяк», — подумал Доббс.

И он пришел к выводу, что надо пошататься, наконец, по стране и увидеть, как оно там, в других местах.

II

Случилось так, что Доббс в своей спальне встретил человека, рассказывающего какому-то другому ночлежнику, что он хотел бы направиться в Тукспам, но у него нет спутника. Едва выслушав, Доббс обратился к нему:

— Эй, я пойду с тобой в Тукспам.

— Вы бурильщик? — спросил человек с кровати напротив.

— Нет, я по насосам.

— Ладно, — сказал первый, — почему бы и нет, мы отлично можем пойти вместе. — Звали его Барбером.

На следующее утро они отправились по бесчисленным нефтяным площадкам вдоль дороги в Тукспам, чтобы узнать, нет ли там работы. Сначала они позавтракали чашкой кофе и двумя булочками в кафетерии, а затем пошли.

Прямо в Тукспам попасть нельзя. Туда нет железной дороги. Только самолеты. И рейс стоит пятьдесят песо. Но туда, вниз, направляется масса

грузовиков. Кто-нибудь да посадит. Идти всю дорогу не так-то легко. Это более ста миль по тропической жаре, где очень мало тени.

— Самое хорошее,— сказал Барбер,— если нам удастся переправиться через реку.

Переправа стоила двадцать пять центаво, но их-то они как раз и не хотели тратить.

— Тогда ведь у нас ничего не останется,— сказал Барбер.— Нам лучше дождаться фраговых паромов Хуастека. Они нас перевезут даром. Но можно прождать и до одиннадцати часов, пока снова придет такой паром; они ведь не по графику, а когда наберут груз.

— Тогда давай посидим на этой стенке и пождем! — сказал Доббс.

На оставшиеся от завтрака деньги он купил пачку сигарет. 14 штук на десять центаво. Ему повезло. В пачке был чек на пятьдесят центаво, выигрыш, который он тут же реализовал у продавца сигарет, получив наличными. Итак он теперь обладал большой суммой в одно песо и десять центаво чистоганом.

У Барбера также была сумма в одно песо и шестьдесят центаво для путешествия. Они могли бы заплатить за паром, но так как спешить было некуда и они ничего не теряли от ожиданий, то решили спокойно ждать фраговых паромов и сэкономить деньги.

Здесь у переправы было оживленно. Десятки больших и маленьких моторок ждали пассажиров. Специальные суда привозили капитанов и бизнесменов нефтяных компаний, которые слишком спешили, чтобы пользоваться маршрутными лодками, ждавшими, пока наберется не менее шести пассажиров. Суда всегда останавливались здесь, и рабочие, работавшие на той стороне, а жившие здесь,

утром и после обеда скапливались в количестве нескольких сот, а порой и тысяч, поэтому у переправы всегда было, как на ярмарке. Стояли буфеты с обедами или кофе, или тушеными бананами, или фруктами, сэнчиладо, с горячими пышками или сигаретами, либо просто сладостями. Все процветало благодаря переправе и с ее помощью. Автобусы и трамваи привозили пассажиров из центра потоками, один за другим. Это все продолжалось день и ночь непрерывно. На той стороне были рабочие руки, на этой — мозг, центральные бюро, банки. По ту сторону реки была работа, здесь отдых, развлечения, удовольствия. По ту сторону было богатство, золото страны, — нефть. Но по ту сторону оно не имело цены. Лишь здесь, на этой стороне, в городе, в многоэтажных зданиях бюро, в банках, в конференцзалах, в «Ойл Америка Кэйбл Сервис», нефть, абсолютно не имевшая цены по ту сторону, приобретала свою стоимость. Так как нефть, как и золото, не представляет собой ценности сама по себе, то ее стоимость определяется многими другими относительными свойствами.

У этой переправы встречались миллиарды долларов. Не в виде банкнотов, не в золотых монетах, даже не в виде чеков. Эти миллиарды проходили здесь в виде кратких пометок, которые делали в своих записных книжках, а то и просто на клочках, люди, переправлявшиеся в спецлодках, не ожидая маршрутных. Богатство и ценности в наш век встречаются в виде пометок, и их носят с собой в записных книжках.

В половине одиннадцатого пришел наконец фрахтовый паром, дополна груженный бочками, ящиками и мешками. Десятки индейцев, мужчин и женщин, сходили с него с корзинами, в которых они привозили в город дикорастущие плоды или

циновки, лубяные сумки, кур, рыбу, яйца, сыры, цветы или козлят.

Барбер и Доббс вошли на паром, однако прошел еще час, пока паром пошел обратно к другому берегу. Поездка вниз по реке была долгой, едва дошли до причала. Выше по реке, вдалеке, стояли рядами танкеры, чтобы принять нефть и везти ее за океан.

На противоположном берегу также царил оживленное движение; такая же ярмарка, что и со стороны городка. Не только вверх по реке, но и далеко вниз, почти до устья, стояли большие танкеры.

Далее, вдалеке от берега, на холмах расположены были огромные цистерны, заполненные доверху ценной нефтью. Бесчисленные нефтепроводы несли нефть вниз к берегу. Здесь с помощью шлангов ее перекачивали в танкер. Пока шла нефть, до заполнения цистерн, красный флажок показывал опасность: нефть-сырец источала газы, и при неосторожном обращении с открытым огнем танкер мог вспыхнуть, мог сгореть до основания, вплоть до самой ватерлинии.

Целые стаи продавцов фруктов, попугаев, тигровых кошек, тигровых и львиных шкур, обезьян, бизоньих рогов, торговцев с маленькими дворцами и соборами из ракушек, построенными весьма искусно, толкались здесь и предлагали морякам свой товар. Если им не давали денег, то они брали взамен и другие предметы: костюмы, плащи, кожаные чемоданы или что-либо, что они затем могли выгодно сменить.

Очистные сооружения извергали тучи дыма и газа. Клубы газа осаждались на легких и бронхах плотно и кололи словно тысячей тонких иголок. Люди кашляли, а когда ветер доносил этот газ че-

рез реку в город, то все население чувствовало себя как в гигантской душегубке. Непривычные вновь прибывшие чувствовали какое-то чувство неуверенности и страха. Они все время хватались за глотку или пробовали чихать, отхаркиваться, большей частью не понимая, что же случилось. Многих от колотья в глотке и в легких охватывало предчувствие близкой смерти.

Но старожилы не боялись. Когда этот колющий газ проносился над городом, они считали, что по переулкам струится золото, и видели все в розовом цвете, с какой стороны на это ни посмотреть.

В городе один за другим расположились салуны. Все они кормились за счет моряков. Лучшими покупателями были американские моряки. У себя на родине у них не было ни пива, ни вина, ни водки. Здесь они старались наверстать упущенное дома и так много пили про запас, что вряд ли могли бы выдержать столько в своей тупой стране, с ее идиотским сухим законом. Они привыкли к непомерным ценам за свою контрабандную водку, и здесь, где цена была нормальной, им казалось, что виски или пиво вообще ничего не стоят, они их расценивали как подарок.

Итак доллар перекочевывал в кантины и бары. А чуть подалее были красотки, выживавшие остатки денег. Но моряки никогда не чувствовали себя в обиде. Они были счастливы и того, кто попытался отнять у них путем всяческих законов и запретов выпивку или красотку, проклинали бы не задумываясь. Они не нуждались в опекунах. И ту миссию, какая, заботясь о моряках, заботилась лишь о чистой теплой постели, хорошем помещении, где можно было бы почитать газету, ценили они превыше всего. Кто хочет помолиться, всегда находит церковь; ее не следует переносить в обеден-

ный зал или в спальню и этим отвращать моряков хотя бы от тех крох религии, которые остаются у них еще со школьных времен. Моряки и заключенные — это те две группы в народе, какие можно рассматривать как наиболее беззащитную жертву, которую до тошноты можно пичкать религией. Но переедание никому еще не шло на пользу. И хотя оно всегда вредно и порождает свою противоположность, преступнику и моряку впихивают наибольшие порции религии.

Преступники в тюрьме и моряки на суше, после того как потратили все свои деньги, являются лучшими молитвенными аудиториями. Правда, и те, и другие предпочли бы киносеанс, но кино не бывает бесплатным.

Барбер предложил:

— Сейчас как раз время обеда, попробуем забраться на танкер. Может, нам обед обломится?

— Это неплохо придумано, — ответил Доббс. — В крайнем случае нас швырнут снова вниз, и все.

Около торговцев фруктами они увидели двух мужчин в майках. Барбер тотчас направился к ним и спросил:

— С какого вы?

— С «Норман Бридж». А что?

— Вы уже ели? — спросил Барбер.

— Нет, мы только собираемся.

— А как с обедом и для нас обоих? — спросил Барбер.

— Давайте, только поживей, с нами наверх. Вся команда направилась в город. Масса остатков.

Когда Доббс и Барбер спустя час покидали корабль, они едва могли передвигаться, так они наелись. Они присели к какой-то стенке, чтобы предаться пищеварению. Но затем их охватило бес-

покойство, так как им надо было идти дальше и найти пристанище на ночь.

— У нас есть два пути,— сказал Барбер.— Мы можем идти по главной дороге, оставаясь все время вблизи лагуны. Но я думаю, что это плохо. Здесь ходит слишком много народа. В кемпингах ничего нет, они переполнены бродягами. Работы тоже не найдешь, много желающих.

— Тогда мы вообще зря перебрались на эту сторону, раз все равно нам тут ничего не светит!

— Не светит? Этого я не сказал,— оправдывался Барбер.— Только на главной дороге меньше шансов, так как здесь слишком много шатается всяких! Мне думается, что лучше идти внутренней дорогой. Тут больше полей, которые лежат вдали от больших дорог. Здесь нам также встретятся кемпинги, которые только начали строить. Там всегда найдется какая-то работа. Пойдем сейчас вверх по реке и затем свернем налево и через полчаса очутимся в вилле Куаутеок.

— Тогда пойдем, если ты думаешь, что та дорога лучше,— сказал Доббс.

Вся дорога была заполнена нефтью, ничего кроме нефти. Слева на холмах стояли цистерны, как солдаты на марше. Справа была река. Вскоре корабли кончились, и берег реки стал свободен. Но вода была покрыта толстым слоем нефти, и все предметы, которые река и прилив выбрасывали на берег, были покрыты черным вязким слоем. Дорога, по которой они шли, тоже была во многих местах колеблющейся, вязкой из-за толстого слоя нефти, пробивающейся из забитых труб и сочащейся просто из земли. Нефть и ничего кроме нефти, куда ни погляди. Даже само небо также было будто покрыто нефтью. Тяжелые черные облака, которые извергались очистными установками, несли с собой

нефтяные газы. Затем стали встречаться пригорки, которые выглядели более приветливо. Там были деревянные коттеджи инженеров и служащих бюро. Здесь они жили привольно, на свежем воздухе, и то, чего не хватало им по сравнению с городом, они восполняли радио и проигрывателями, так как выезжать отсюда и поздно возвращаться было довольно сложно и не вполне безопасно. Вокруг шаталось достаточно всякой сволочи, готовой использовать любой шанс и не очень ценившей чужую жизнь.

Вилла Куаутемок это, собственно говоря, старый город, древнейший индейский город, который стоял здесь прежде, чем пришли испанцы. Он расположен в гораздо более здоровом месте, чем новый город, на берегу большого озера, где в необозримом количестве водится рыба, плавают утки и гуси. Естественная питьевая вода в старом городе гораздо лучше, чем в новом. Однако новый город быстро сумел намного перегнать старый, потому что он расположен вблизи океана по реке, по которой самые большие океанские великаны могут подыматься до главного городского вокзала и надежно стоять здесь на якоре, будто в собственной ванне. О старом городе едва ли вспоминают в новом. Тысячи, десятки тысяч жителей нового города даже не подозревают о том, что на другом берегу реки и в получасе от берега в глубь страны находится, собственно, первоначальный город. И два этих города, дочерний и материнский, все более отдаляются друг от друга. Новый город, которому ровно сто лет, в котором двести тысяч жителей и постоянная нехватка жилья, расположен в штате Тамаулипас, в то время как старый город — в штате Веракрус. Старый город становится все более деревенским, а новый город все более приближа-

ется к мировым стандартам, и его название становится известным в самых дальних уголках мира.

Едва путники, которые теперь сильно торопились, достигли верхней дороги напротив лагуны в конце города, они тотчас заметили индейца, который торчал на обочине дороги. На индейце были хорошие штаны, чистая синяя рубаша, высокая остроконечная соломенная шляпа и сандалии. Большая лубяная корзинка, наполненная поделками, стояла перед ним на земле. Они не обратили на него внимания и быстро пошли дальше. Немного погодя Доббс обернулся и заметил:

— Смотри, чего он хочет, этот индеец? Он все время идет следом.

Барбер обернулся и ответил:

— Это просто кажется. Теперь он остановился и вроде ищет что-то в кустах.

По обе стороны дороги и был сплошной густой непроходимый кустарник. Они пошли дальше, но когда они оборачивались, то видели, что индеец следует за ними. Казалось, он ускорил шаг, чтобы подойти поближе.

Барбер спросил:

— Нет ли у этого парня револьвера?

— Я не видел ничего такого,— ответил Доббс.

— Я тоже. Я спросил у тебя, чтобы просто удостовериться, что ты тоже ничего не видел. Вероятно, он не бандит.

— Точно этого не скажешь,— сказал спустя некоторое время Доббс, после того как он снова обернулся и увидел идущего следом индейца.— Он может быть шпионом бандитов и должен не спускать с нас глаз. Когда мы остановимся на привал, он нападет на нас или прибегут его сообщники.

— Неприятно,— сказал Барбер.— Лучше всего

было бы вернуться. Не знаешь, что у этих парней на уме.

— Что же у нас можно взять? — Доббс искал подтверждений.

— Взять? — повторил Барбер. — Но ведь на нас не написано, что у каждого только по одному песо. А если бы и было написано, то тем вернее они напали бы на нас, так как подумали, что у нас полно денег. Два песо и то для этих людей кажутся массой денег. Кроме того, у нас у каждого еще ботинки, рубаха и шляпа. Это все имеет какую-то цену.

Они, однако, пошли дальше. Оборачиваясь, они всегда видели индейца. Теперь едва ли далее, чем в пятнадцати шагах. Когда они останавливались, индеец также останавливался. Они занервничали. Вспотели. Доббс тяжело дышал. Наконец он сказал:

— Если бы у меня теперь был револьвер или ружье, я бы не колеблясь убил этого парня, тогда бы мы успокоились. Этого мне больше не вынести. Как ты думаешь, Барбер, если нам его поймать и привязать где-нибудь к дереву или стукнуть по голове, так, чтобы он не тащился больше за нами?

— Не знаю, — ответил Барбер, — будет ли это правильно. Может, он совсем ни в чем не виноват. Но если бы от него избавиться, это было бы хорошо.

— Я остановлюсь и дам ему подойти, — внезапно сказал Доббс. — Я не могу больше так мчаться. Это меня бесит.

Они остановились, но сделали вид, что хотят достать с дерева какой-то плод или птицу.

Индеец тоже остановился.

Доббсу пришла вдруг в голову мысль. Он все заинтересованней влезал в глубь дерева, будто уви-

дел там какое-то чудо среди ветвей. Как он и предполагал, индеец поддался на эту уловку.

Он приближался медленно, шаг за шагом, вытаращив глаза на дерево. Когда он подошел вплотную, Доббс, взволнованно жестикулируя, воскликнул:

— Вот, вот он убегает! — И при этом он указывал, протянув руку, на джунгли, привлекая внимание Барбера и якобы указывая ему убежавшего.

После этого он сразу обернулся и сказал индейцу:

— Куда же тебе, собственно, надо? Почему ты все время идешь за нами?

— Мне нужно туда, — сказал индеец и показал направление, куда как раз хотели отправиться Барбер и Доббс.

— Куда? — снова спросил Доббс.

— Туда. Туда, куда вы хотите пойти.

— Ты ведь не знаешь, куда мы хотим пойти, — сказал Доббс.

— Нет, я знаю это, — спокойно ответил индеец. — Вы хотите к нефтяным поселкам. Туда бы мне тоже хотелось, может, мне удастся найти работу.

Барбер и Доббс облегченно вздохнули. Это было правдой. Этот человек просто хотел найти работу, так же, как и они. Он и не выглядел бандитом.

Однако, чтобы изгнать малейшие остатки подозрения, Доббс спросил:

— Почему же ты не идешь один, а все время мчишься за нами?

— Я сижу вот уже три дня с раннего утра и до вечера здесь, на окраине города, и жду белых, которые собирались бы идти в поселок.

— Ты ведь и сам нашел бы дорогу?

— Да, это, конечно, так, — сказал индеец. — Но

я боюсь зверей. Их здесь много. Вот почему я не хотел идти один. Они могли бы меня сожрать.

— Я не думаю, что мы сами очень уверенно чувствуем себя с хищниками,— сказал Доббс.

— Все же,— ответил индеец,— они не любят белых, они охотнее нападают на индейцев. И когда я в вашем обществе, то они вовсе не придут и меня не сожрут.

Тут Барбер и Доббс посмеялись над собственными страхами, которые одолевали их, пока они не узнали, что индеец, которого они так боялись, боялся еще больше.

Индеец засеменил теперь рядом с ними или за ними, смотря по ширине тропы. Незадолго до захода солнца они пришли в индейскую деревню и решили переночевать здесь в одной из хижин. Индейцы очень гостеприимны, но каждый отсылал трех путников к соседу, сожалея, что у него мало места. В деревне было всего несколько домов. И последний из жителей деревушки не мог их принять. У него сделалось озабоченное и испуганное лицо, и он сказал:

— Лучше бы вам податься в соседнюю деревню. Это большое селение, там более тридцати хижин. Там вас охотно примут.

— Как далеко это, однако, отсюда? — спросил огорченный Доббс.

— Далеко?! — переспросил индеец. — Это совсем недалеко. Это лишь два километра. Вы там будете задолго до ночи. Солнце ведь еще не закатилось.

Ничего другого не оставалось. Они должны были отправиться в другую деревню. Прошли два километра, но ничего похожего на деревню не было видно. Еще два километра — и снова ничего.

— Этот тип нас крепко надул,— сердито сказал

Барбер.— Мне бы только хотелось знать, почему они не хотели нас оставить и послали в эту глушь.

Доббс не менее сердито ответил:

— Я ведь мало знаю этих индейцев. А следовало бы знать их получше. Они обычно никогда никого не отсылают. Но они нас испугались. Вот в чем причина. Нас трое, и мы можем легко убить всю семью в хижине.

— Какая чепуха,— ответил Барбер.— Зачем нам убивать этих несчастных? У них ведь нет ничего, пожалуй, они еще беднее нас.

— Однако они боятся. И ничего с этим не поделаешь. Они оценивают все совсем иначе, чем мы. Вот лошадь или две, или корова, или пара коз. Это все для них большая ценность. Мы ведь могли оказаться бандитами. Кто им может сказать, что это не так. А перед бандитами они испытывают просто животный ужас.

Барбер кивнул, а затем сказал:

— Это все хорошо. Но что теперь? Мы сидим в глубине буша, а через десять минут спустится глухая ночь.

— Нам ничего иного не остается, как остановиться здесь.— Доббс не видел иного выхода.

— Здесь точно недалеко деревня. Дорога наезженная, и коровьи лепешки, да и конские яблоки валяются повсюду... Но до жилья, может быть, еще не меньше часа ходу. Ночью мы идти не можем. Собьемся с дороги и попадем в какое-нибудь болото или в чашу, откуда нам не выбраться. И если даже мы придем в деревню, они могут натравить на нас собак. В такое время действительно подозрительно, если трое мужчин являются в деревню и просят приюта.

Почиркав спичками, они огляделись, чтобы найти подходящее место для ночлега. Но вокруг были

только кактусы и всякие другие колючки. По земле ползали всевозможные насекомые, что также не способствовало сну или просто покою.

Да еще этот индеец болтал тут о тиграх и львах, которые свободно бегают по этой местности. Индеец, должно быть, знал, что говорил, так как был местным. Они постояли некоторое время, потом все же устали и улеглись. Доббс лежал около Барбера. Но они не пролежали и двух минут, как между ними осторожно, медленно, но настойчиво, как собака, втиснулся индеец. Он чувствовал себя в безопасности только лежа между двумя белыми: ведь тигр не будет выбирать именно того, кто в середине, скорее того, кто сбоку. А для этой ночи ему хватит и одного.

Доббс и Барбер однако были не согласны с таким распределением мест: они давили и жали индейца так, что на нем, вероятно, появились синяки. Но он безропотно все переносил. И когда наконец кулаками и ногами им удалось выдворить его из середины, то он всего лишь выждал, пока ему не показалось, что они заснули. И стоило лишь одному или другому чуть-чуть повернуться набок, в образовавшуюся таким образом узкую щель снова стал втискиваться индеец и втискивался до тех пор, пока не вклинился опять во всю длину. В конце концов они перестали сопротивляться, так как это было совершенно бесполезно.

Барбер проснулся оттого, что по его лицу проползло какое-то насекомое. Он сел и смахнул его. Больше не было ничего. Он сидел и слушал пение и стрекотание ночного буша и вдруг весь подобрался. Он явно слышал, что кто-то осторожно подкрадывается к ним, несомненно это была постьупь большого зверя.

Как только он еще раз услышал шаги и убе-

дился в том, что он не ошибается, он растолкал Доббса.

— Что случилось? — сонно спросил Доббс.

— Там тигр или лев идут по следу. Сразу за нами.

— Я думаю, тебе кажется, — сказал Доббс, проснувшись. — Я не верю, что тигр подойдет и отважится на нас напасть.

Он также прислушался. Когда он услышал шорох, он, выпрямившись, сказал:

— Да, кажется, ты прав. Это большой зверь. Человек не бродит неслышно взад и вперед среди ночи. Он бы еще больше боялся, чем мы. Это зверь, у него довольно тяжелая поступь.

Бодрствовал индеец все это время или только сейчас проснулся, было неясно. Во всяком случае он решил, что самым надежным будет помалкивать и лежать тихо между своими попутчиками. Но вдруг он одним махом сел и сразу же встал. Лица его не было видно, так как стояла непроглядная тьма. Однако оно определенно было искажено ужасом. По его осипшему голосу оба белых почувствовали, как он сейчас должен выглядеть.

— Это тигр рядом с нами, совсем около нас, — сказал он дрожащим голосом. — Мы все пропали. Сейчас он прыгнет. Он стоит там в кустах и подстерегает нас.

У Доббса и Барбера сперло дыхание. Индеец ведь знает поступь и запах тигра. Он ведь из здешних мест.

— Что же нам делать? — спросил Доббс.

— Лучше всего кричать и устроить большой шум, — посоветовал Барбер.

— Это не годится. Этого тигр не испугается. Это его еще больше приманит.

Все трое стояли, затаив дыхание, и прислуши-

вались к шагам. Минутами они ничего не слышали, затем снова улавливали один или два шага.

— Я знаю выход,— тихо сказал Доббс.— Мы взлезем на дерево. Там нам будет спокойней всего.

— Тигры тоже лазают по деревьям,— так же тихо ответил Барбер.— Это ведь кошки. И взлезть или спрыгнуть с дерева им ничего не стоит.

— Однако это самое надежное место,— Доббс настаивал на своем плане. Он осторожно ошупал все кругом и наткнулся на магнолию. Не раздумывая долго, он стал взбираться на дерево.

Как только индеец заметил, что происходит, он тотчас же взобрался на дерево вслед за Доббсом. Свою корзину он взял с собой. Барбер не хотел оставаться внизу, в одиночестве и в конце концов взобрался на дерево вслед за другими.

Наверху, после того как они угнездились, насколько это было возможно в такой темноте, они вздохнули понемногу и стали рассматривать свое положение более спокойно. Они чувствовали себя все же надежнее здесь, чем на земле. Барбер был прав, когда сказал: «Внизу тигр мог кого-нибудь утащить. Здесь можно удержаться за ветви».

— Удержаться, конечно,— ответил Доббс.— Однако ногу или руку он может прихватить с собой.

— Лучше, чем дать ему утащить себя целиком,— подвел итог Барбер.

Усталость все больше овладевала ими, а страх утихал. Индеец был снова в середине, под ним был Барбер, над ним Доббс. Он чувствовал себя в полной безопасности. Все они привязали себя ремнями к ветвям, чтобы нечаянно не свалиться во сне.

Это была долгая ночь, часто сон прерывали кошмарные сновидения, а порой возникало полубредовое недолгое пробуждение. Наконец наступило утро.

При ярком свете солнца все выглядело совсем иначе; ничего не осталось от ночных кошмаров и видений. Даже земля выглядела намного привлекательней, чем ночью. Лишь в тридцати шагах виднелась травянистая лужайка, проглядывая между деревьев. Все трое сели и закурили по сигарете. Индеец вытащил несколько черствых лепешек и раздал каждому по одной. Пока они сидели, курили, жевали, даже не разговаривая, они снова услышали поступь тигра. Они вскочили. Теперь эти шаги они знали точно, как походку своих ближайших родных. И через десяток лет, как сегодня, они бы узнали снова эти шаги, настолько они врезались в душу. Ярким солнечным днем — тигр? Почему бы и нет?

Но так близко от людей? Это все же необычно.

Доббс повернулся в ту сторону, откуда ночью, да и теперь слышна была поступь. Он взглянул сквозь деревья, посмотрел на лужайку. Тигр был там.

Теперь все трое могли его видеть отчетливо.

«Тигр» пасся и был привязан к пеньку, чтобы не убежал. Это был безмятежнейший «тигр», который был рад, когда его оставляли в покое и не трогали его травы. Это был осел.

Индеец не сказал ничего. Он знал точно, что ночью слышал тигра, а он знал тигров. Доббс и Барбер посмотрели друг на друга. Они не сказали ни слова, но оба сильно покраснели. Потом они покатались со смеху.

Наконец Доббс сказал:

— Я прошу вас только об одном — не рассказывайте об этом никому. Иначе мы нигде больше не сможем показаться.

Деревня, о которой вчера вечером говорили индейцы, находилась не более чем в двадцати минутах ходьбы. То, что здесь был привязан и мог пастись осел, служило доказательством, что деревня была недалеко. Однако можно было и ошибиться, так как это мог быть осел лесоруба или угольщика.

В деревне они получили немного еды: бобы, лепешки и чай из листьев лимона. Уже далеко за полдень они пришли в первый лагерь. Доббс сразу отправился к надзирателю, но рабочих не требовалось.

— Вы хотите есть? — спросил надзиратель.

— Да, — сказал Доббс. — Мы бы охотно переночевали здесь, если можно.

— Наверно, найдется местечко, — сказал надзиратель и снова пошел в свой барак, предварительно указав на кухню, находившуюся через дорогу.

Индеец пристал к ним как банный лист. Он шел за ними, как привязанный. Когда они подошли к кухне, их встретил повар-китаец и решил, что им нужно есть на кухне, видимо, из-за индейца. Если бы Доббс и Барбер были одни, он бы их пригласил в столовую для белых рабочих. Для индейцев был другой кухонный барак.

— Этого парня нам надо как-нибудь отшить, — сказал с набитым ртом Доббс. — Мы ведь не можем таскаться с ним по всем лагерям. Так больше нельзя.

— Завтра рано утром мы прогоним его домой, — ответил Барбер, который не хотел портить себе аппетит, строя какие-то планы.

Затем Доббс и Барбер пошли к рабочим, чтобы узнать, что слышно здесь и в соседних лагерях.

— Ничего не слышно, — сказал длинный швед. —

Все колодцы мертвые. В четырех соленая вода, в двух песок, а в восьмом только одна глина. Во всех прекратили добычу. Вам незачем идти дальше. Там, дальше, южнее, начинают снова бурить. Но отсюда вам туда не попасть. Туда вам бы следовало добираться через Пануко или через Эбано, тогда вы попадете в этот район.

Они устроились на ночлег в одном из сараев, на старых мешках, где, в безопасности от ослов, могли наверстать сон, упущенный из-за «тигра».

Утром они слегка позавтракали и отправились в путь.

— Итак, прежде чем мы отправимся в два других лагеря, где, может, найдется какая-либо работа или, в крайнем случае, еда, мы должны избавиться от индейца,— сказал Доббс, когда они, отойдя от лагеря, прошли примерно полчаса.

— Послушай,— обратился Доббс к индейцу,— мы пойдем теперь одни. Ты нам больше не нужен.

Боязливо посмотрев на него, индеец сказал:

— Но тигры, сеньор!

— С тиграми разбирайся сам,— вмешался Барбер.— Мы хотим избавиться от тебя.

— Да, это так,— подтвердил Доббс.— И если ты не уйдешь добровольно, то мы применим силу.

Индеец стоял в нерешительности. Он и не помышлял о том, чтобы просить или возражать. Они сказали, чтобы он убирался своей дорогой, и этим он должен был удовольствоваться. Понимал ли он, что он им в тягость? Понимал ли он, что они вправе сами выбирать себе попутчиков, которые им симпатичны? Это было неясно. Он стоял молча.

Доббс и Барбер пошли. Но как побитая собака, которая не может расстаться со своим господином, индеец поплелся за ними. Им вовсе не руководили

привязанность или верность, или что-то похожее на эти чувства. Он был трезвым материалистом.

Он знал, что белые хотят выйти к нефтяным разработкам; что оба они всегда получают еду; и, наконец, если он будет держаться их, он никогда не пропадет с голоду. Если он пойдет один, то ни в одном лагере не получит и крошки даже от своих соплеменников, которые ошиваются там. Кроме того, страх перед тигром действительно был. В лагерь он хотел попасть любой ценой, чтобы попросить работу, но добираться одному или с другим индейцем он не решился бы. Он знал ужасы буша или джунглей лучше белых.

После того как Доббс и Барбер прошли около получаса, Барбер оглянулся и заметил:

— Этот краснокожий чертяка снова тащится за нами.

Доббс набрал камней и начал швырять их в индейца. Но индеец ловко увертывался, когда Доббс или Барбер время от времени поднимали камень и кидали в него. Он приотставал немного, чтобы в него не попадали.

— Нам от него не избавиться,— сказал Барбер.— Я больше не знаю, что делать.

— Убить, как паршивую кошку,— заявил Доббс в ярости, подняв снова камень и бросив его в индейца.

Тем не менее, когда они пришли в следующий лагерь, индеец поспешил вслед за ними в кухонный барак и получил свою порцию еды.

Надзирателю показалось странным, что вслед за белыми притащился индеец.

Доббс и Барбер рассказали надзирателю, что индеец повсюду бегаёт за ними, но надзиратель на это только пожал плечами. Он толком не знал,

что ему делать с этими двумя, которые ходят из лагеря в лагерь в сопровождении индейца.

Здесь в лагере они оттерли было индейца в сторону, чтобы его основательно отлупить. Но спохватились, что они не могут себе это позволить. Надзиратель сразу бы выставил всех троих из лагеря, если они начнут еще и драться. А остаться на ночь в буше было последним, что могли себе пожелать как Доббс, так и Барбер.

Так продолжалось и весь следующий день. Индеец рысцой бежал за ними, соблюдая точное расстояние, чтобы брошенный камень не попадал в него, и ко всему, что ему говорили эти оба, он оставался настолько тупым, что бесполезно было что-либо с ним делать. Он как приклеенный следовал за ними.

Наконец оба пришли к решению. Здесь в лагерьх едва ли найдется работа, и они собрались кратчайшим путем вернуться в город. Это было единственной возможностью избавиться от индейца.

Под вечер они попали в виллу Куаутемок, где они расстались с индейцем на полевой дороге. Он не удивился тому, что путешествие уже пришло к концу, снова уместился на том же месте, как и три дня тому назад. И там стал терпеливо ожидать новых жертв, которые захотят идти в лагерь.

Доббс и Барбер в тот же вечер пошли обратно на берег реки. Переправиться они уже не могли. Они заночевали здесь на этом берегу, под развесистым деревом, где они увидели еще трех ночлежников, которые обитали тут уже четыре недели: спали на воздухе под этим деревом, а еду получали на проходящих танкерах. Бывали голодные дни, а были и жирные. Бывали дни, когда ни с одного судна им не перепало ни куска хлеба, а

бывало и так, что они обедали или ужинали на трех или четырех судах. Это была чистая лотерея.

На следующее утро они на пароме переправились в город. За несколько дней их отсутствия в городе ничего не переменилось. У банка, перед ресторанами, где совершали свои сделки нефтяные дельцы, болтались все те же парни, которые были там и две, и три, и шесть недель тому назад, и отпускали все те же шуточки.

Барбер пошел своим путем, а Доббс тем временем лишь пришел к выводу, что на нефтяных участках так же трудно с работой, как и здесь. Этот вывод был весьма полезен. Не стоило упрекать себя, когда какую-либо возможность и упустишь, не ухватив ее обеими руками. Не оставалось ничего более, как бегать в поисках работы, которая иногда появлялась.

Но однажды утром Доббсу перепало кое-что из работы. Его наняли грузить детали машин. Это была тяжелая работа, а получал он ежедневно только три песо, из которых ничего нельзя было отложить на черный день. Спустя пять дней и эта работа кончилась. Однажды он очутился у парома, который переправлялся к железной дороге, ведущей в Пануко. Тут подбежали пятеро, которые, как казалось, очень спешили. Один из них, коренастый, грубоватый человек, увидел Доббса. Он остановился, сказал несколько слов своим спутникам и крикнул Доббсу:

— Эй вы! Ищете работу?

— Да,— крикнул в ответ Доббс и шагнул к нему.

— Подойдите! Живо! У меня есть работа для вас, если вы умеете пошевелиться.

Доббс теперь подошел вплотную.

— Я взял подряд оборудовать лагерь. Но один

парень не может ехать. У него лихорадка или малярия. Не знаю точно. Не стану его ждать. Вы можете занять его место!

— Я согласен, ладно. Сколько вы платите? — спросил Доббс.

— Я плачу восемь долларов в день. Питание вычтите. Один доллар или два. Я пока точно не знаю. Шесть долларов остается в кармане. Ну? Ну каково?

— Я еду с вами, — Доббс, который десять минут тому назад готов был бежать за работой в два доллара, как голодная кошка, теперь держал себя так, будто он оказывает любезность, что идет с ними.

— Но вы должны ехать тут же, сию минуту, — быстро сказал подрядчик. — Заезжать за вашими вещами некогда, на это нет времени. Поезд в Пануко отходит через четверть часа, а мы еще должны переправиться на ту сторону. Итак живо, живо! Проворней, чтобы как корова языком слизнула! — Он схватил Доббса за рукав и потащил за собой на паром.

IV

Пат Мак-Кормик, подрядчик, был американцем ирландского происхождения. Он уже был немолод. Большую часть жизни он провел на нефтяных участках Техаса и Мексики. Он был бурильщиком, водителем автокара, учетчиком, работал с насосами и со всевозможными другими видами аппаратуры, которые только встречаются на нефтяных участках. Последние годы он действовал более самостоятельно. Он взялся за оборудование лагерей. И на эту работу он заключал контракты. Он назначал цену после того, как тщательно изучал место, где будет оборудован лагерь. Для того

чтобы эта разведка прошла успешно, как раз и требовался его богатый опыт. Учитывалось все: на каком расстоянии лагерь был от ближайшей железнодорожной станции, на каком расстоянии от дороги, по которой смогут пройти грузовики, что вокруг — буш, джунгли или прерия. Есть ли поблизости вода, найдутся ли дешевые рабочие руки для подсобных работ среди местного населения — все следовало предусмотреть, прежде чем назначить цену. Если его цена казалась слишком высокой, то компания могла заключить контракт с другим; если цена была слишком низкой, подрядчику приходилось доплачивать самому. Но американские компании не скупилась, если можно было доказать, что так сложились обстоятельства или возникли новые условия, потребовавшие повышения суммы, по контракту они платили безоговорочно.

От Пануко они ехали на грузовиках, захватив попутно материалы, спускаясь в южные районы, пока дорога, довольно плохая, кстати, не окончилась. От этой конечной точки дорога, примерно в три мили, была прорублена в буше. Она была как раз такой ширины, чтобы смогли пройти индейцы-подсобники со своими нагруженными мулами. Дорога кончалась прогалиной диаметром около ста метров, которая также была вырублена в буше. На этой прогалине нужно было соорудить лагерь, так как специалисты-геологи этой компании нашли, что здесь скорее всего должна быть нефть.

Двадцать индейцев-рабочих, живших в окрестных деревнях, работали некоторое время здесь, чтобы пробить прогалину и расширить дорогу до пересечения ее с главным путем настолько, насколько потребуется для прохождения по ней грузовиков.

Первые несколько дней все шестеро спали в простой палатке. Два китайца обеспечивали еду.

Брусья, доски, инструменты, гвозди и винты уже были переправлены сюда на мулах и ослах, и каждые два часа прибывал новый караван. Караванщики работали также по контракту. Они получали оплату за сданный груз, а не по времени работы. Если бы им платили за время, то они по дороге могли бы лечь и поспать. Вырубка прогалины и дороги также оплачивалась по контракту. Люди при этом хорошо зарабатывали, лучше, чем если бы это была поденная оплата. Сначала построили только один барак, где могли бы ночевать и находиться днем белые рабочие. Затем последовали кухня и столовая. Все это заняло два дня.

Одного из рабочих освободили, чтобы он с целой ордой индейцев начал возводить новые бараки, а остальные пятеро под командованием Пата строили деррик.

Это была совершенно проклятая работа. Доббс еще никогда не устанавливал деррик. Брусья весом в центнер он должен был подтаскивать один под палящим солнцем. Спустя три дня его плечи напоминали сырое мясо. Кожа клочками и полосками свисала с шеи, наполовину обожженная, наполовину содранная.

Как только брусья были обработаны, нужно было сверлить отверстия для винтов, и все нужно было делать срочно. Ели тоже беспорядочно, чтобы полностью использовать дневной свет. На часы не смотрели. Начиная с первым солнечным лучом до последних лучей заката, все вертелись и крутились. После захода солнца продолжали еще работать при свете фонарей, если работу можно было делать при таком освещении. Ведь электричество появится много позже, когда придут машины.

Более умелые ставили брусья, скрепляя их болтами, ставили распорки, и все выше и выше становилась буровая вышка, все трудней становилась работа на колеблющейся высоте. Строители деррика крепко сжимали коленями распорку и снова, опираясь еще и бедрами, подтаскивали вверх один из тяжелых брусев; затем, на колеблющейся постройке, опять же держась коленями, они раскачивали болт до тех пор, пока тот попадал в просверленные отверстия и ввинчивался в них. Люди здесь должны были уподобиться обезьянам, даже быть более ловкими, чем обезьяны, чтобы не свалиться и не сломать себе шею или не переломать руки и ноги.

Наконец деррик, буровая вышка, был завершен. Тяжелые железные ролики, по которым проходят толстые проволочные тросы, подымающие и опускающие бур, были связаны сверху и накрепко завинчены. Самая тяжелая работа была сделана, теперь на очереди был машинный зал. Затем сарай для хранения инструментов и склады. Тем временем была закончена дорога, и первый грузовик мог проехать от железнодорожной станции прямо до места.

Узкая речка протекала в трех милях отсюда по бушу. К ней были проложены водопроводные трубы, и на берегу была построена водоразборная будка и поставлен моторный насос. До этого воду для лагеря доставляли в канистрах, навьюченных на ослов. Теперь ее накачивали насосом и хранили в бочках.

Затем прибыла паровая машина, ее притащил мощный трактор. На следующий день трактор, который целый день гудел и грохотал в буше, доставил паровой котел.

Еще через день были доставлены огромные де-

ревянные приводные колеса, подобные колесам водяной мельницы, над которыми проходили тросы и цепи буров и трубы. Прибыла также динамомашинка, была сделана проводка, и однажды вечером вспыхнули огни на площадке в буше, которая еще несколько недель тому назад лежала нетронутой в своем тропическом одиночестве, такой, какой она была с сотворения мира. Яркое электрическое освещение не давало больше места ночи. Буш лишился ночного спокойствия, и там, куда проникали лучи негаснущего света, буш начинал чахнуть. Наутро под электрическими лампами находили груды, миллионы желтых насекомых.

От грохота машин, непрерывно наполняющего теперь буш, обитатели его вынуждены были покинуть свою родину. Они должны были откочевать в необжитые новые области, где рассчитывали найти покой и пищу.

Наконец прибыли настоящие нефтяники. Работа строителей лагеря была закончена. Они отправились снова в город и стали ожидать новых контрактов. Новый контракт мог подвернуться и через три дня, и через шесть недель, но возможно было, что придется ждать и шесть месяцев. Нефть — это как игра в кости. Десять тысяч, двадцать тысяч, а то и пятьдесят тысяч долларов всаживают в строительство лагеря, а когда проводят бурение как можно глубже, на дне оказывается соленая вода или песок и глина вместо нефти. И буш возвращается своим законным владельцам, которые охотно берут его опять, а через год и следов человека не найти. Нефть — это игра случая. Можно потерять все состояние, а можно, обладая суммой всего в пять тысяч долларов, получить пять миллионов. И поэтому все, кто имеет дело с нефтью, сегодня богаты, а завтра бедны. Они работают целыми не-

делями и месяцами глубоко в буше или в джунглях. И то, что они заработали там тяжким трудом, спускают за три дня в городе. Но те, кто не транжирит деньги, осторожные и экономные, тоже лишаются своих сбережений. Бывает и так. Они ждут, ждут, ждут работу, пока не потрачен последний песо, и они вынуждены бывают просить милостыню у людей, которые идут в банк в Империале, в Луизиане, на Юге. Получить работу в нефтеносных районах — дело случая, так же, как дело случая наткнуться на нефть.

Так случилось и с Доббсом. Он стоял и не помышлял о работе. И тут она свалилась ему прямо в руки.

— Так как же будет с деньгами? — спросил Доббс подрядчика.

— А что случилось? — сказал Пат.— Не форсируйте события. Получите вы свои деньги. Я не убегу с ними от вас.

— Так дайте мне хотя сколько-нибудь,— настаивал Доббс.

— Ну ладно,— ответил Пат.— Я дам вам тридцать процентов.

— А остальные? — спросил Доббс.

— Еще не знаю. Я сам еще свои деньги не получал.

Доббс получил свои тридцать процентов зарплаты. Остальные тоже еще не получили денег.

Те, кто энергично требовал, получили у Пата сорок или пятьдесят процентов. Двое, которые не хотели портить настроение Пату, чтобы он при заключении следующего контракта взял их к себе, получили только пять процентов, потому что они ему лишь робко намекнули на то, что вечером еще не ели и не смогли заплатить за места в гостинице.

— Я бы хотел только знать, получил ли афе-

рист свои деньги или нет,— сказал Доббс одному из рабочих, Куртину, который также прислушивался к разговору о контракте.

— Да, если бы только знать,— ответил Куртин.

— Компании, бывает, долго тянут с выплатой по контракту, так как у них туго с наличностью, и начинается бурение, которое стоит уйму денег.

Целую неделю ни Доббс, ни Куртин не могли найти Пата Мак-Кормика. В отеле его не было. Но однажды Пат Мак-Кормик прошел по другой стороне улицы.

— Живей, поймай его! — крикнул Куртин Доббсу и чертом скакнул на ту сторону. Доббс тотчас последовал за ним.

Куртин схватил Пата за рукав рубашки. У Пата не было куртки.

— Где наши деньги, сукин сын? Подавай сразу же наши деньги, наш заработок, не то худо будет! Прибьем на месте! — Куртин говорил громко, крепко сжав кулаки.

— И побыстрее, не пробуй больше скрываться! — вмешался Доббс.— Мы ждем ваших денег уже больше трех недель.

— Успокойтесь же,— сказал вполголоса Пат и увлек их за собою в бар, где он заказал три больших стакана «Хабанеро». — Мы ведь можем обсудить все спокойно. Вот на следующей неделе у меня будет новый хороший контракт и вслед за ним еще один; первый в Алатлане, а второй в Корковадо. И я снова вас приглашу. Вы хорошие работники, с которыми я охотно поработаю. Ваше здорье!

Он поднял свой стакан и чокнулся с ними.

Они выпили.

Затем Куртин сказал:

— Это хорошо, что вы опять возьмете нас в ваши новые контракты, но без денег мы работать не согласны. Где наши деньги?

— Денег я пока еще не получил. Мне еще не переслали чек. — Одновременно он обратился к бармену и попросил: — Еще три больших «Хабанеро».

— Смотри-ка, — сказал нетерпеливо Куртин, — не думаете ли вы, что вы от нас так ускользнете и надуете, накачав водкой.

— Надую? — Пат сделал удивленный вид. — Я вас надую с помощью водки? Это не совсем...

— Совсем или не совсем, не играет никакой роли, — сказал Доббс. — Мы требуем свои деньги, заработанные тяжким трудом. Возьмете ли вы нас в новые контракты или не возьмете, нам безразлично, раз вы не платите.

— Собака проклятая, где наши деньги? — Куртин так закричал, будто лишился рассудка. Вероятно, водка оказала на него совсем не то действие, на которое рассчитывал Пат.

— Но я только могу повторить, что я еще сам не получил денег.

Тут Куртин схватил его за глотку и встряхнул со словами:

— Подавай сейчас же деньги, сволочь, иначе я разможжу твою башку об стол.

— Спокойствие, джентльмены, спокойствие, — вмешался бармен. Затем он перестал обращать на них внимание. Он протер стойку, удалив следы стаканов, и затем зажег сигарету.

Пат был сильным парнем, и он сопротивлялся. Но Куртин был разъярен. Доббс подошел ближе, будто хотел тоже прыгнуть на Пата. Тут Пат освободился от рук, сжимавших его глотку, отступил на шаг и сказал злобно:

— Вот вы, действительно, настоящие бандиты. Это следовало бы мне знать. Но лучше я дам себя разрезать на куски, чем я возьму вас, двух мерзавцев, еще раз по контракту. Вот ваши деньги и сгиньте с глаз долой.

— Тут мы вас и не спросим,— сказал Куртин.

Пат полез в карман брюк и достал кучу долларовых купюр: смятые деньги лежали просто в кармане.

— Вот ваши деньги,— сказал он Доббсу. Ментально он отсчитал правильную сумму. Он в уме точно считал до цента, сколько он кому должен. Он пододвинул деньги Доббсу, а затем отсчитал деньги для Куртина и бросил их ему.

— Так,— сказал он тоном, каким говорят с надоедливymi просителями,— а теперь не обременяйте меня больше. Вы получили ваши деньги, а я буду остерегаться брать в свой контракт таких проходимцев, которые ничего не смыслят.

Он бросил три песо на стойку бара за выпитый шнапс. Затем он сдвинул шляпу на затылок и покинул бар с таким видом, будто они нанесли ему страшные оскорбления.

V

— Почему же вы живете в «Кливленде»? — спросил Доббс Куртина, когда они вышли на улицу и проходили мимо Южного Отеля.— Там вы платите не менее трех песо за ночь.

— Четыре,— сказал Куртин.

— Пойдемте со мной в Озо Негро — пятьдесят центаво, — посоветовал Доббс.

— Там очень уж паршиво и живут только бичи и всякие босяки и бродяги,— сказал Куртин.

— Как хотите. Когда выйдут деньги, вы также

очутитесь в Озо Негро, как и все мы. Мне ведь тоже это не очень нравится. Но я хочу сохранить парочку пачек банкнот. Кто знает, когда снова что-то подвернется. Я и пытаюсь по-прежнему хожу к Чинку за пятьдесят, точно так, как прежде.

Они подошли на угол Плазы, где был большой ювелирный магазин «Жемчужина». Оба там остановились и стали любоваться драгоценностями. В витрине искрились золото и бриллианты. Там лежала диадема за восемнадцать тысяч песо. Они не разговаривали, рассматривали это скопление сокровищ, думали об их стоимости и о том, как много денег должны иметь люди в городе, чтобы покупать такие вещи. Может быть, то, что лежало здесь грудями, отвлекло их мысли от нефти. Все те, кто жил здесь, думали только о нефти, нефть была их сутью, способ их жизни был так или иначе связан с нефтью. Работали они или спекулировали — все это было связано с нефтью. Доббс и Куртин прислонились спиной к большим стеклам витрины и лениво посматривали на Плазу, за которой виднелись корабельные мачты. Это напоминало обоим о путешествиях, а также о том, что есть еще другие страны и другие источники существования, чем те, которые в этом городе были для них под вопросом.

— Что вы, собственно говоря, намерены предпринять, Куртин? — спросил Доббс, спустя некоторое время. — Все время околачиваться здесь и поджидать, пока чисто случайно что-либо перепадет? Это лишь ожидание и только ожидание. Денег становится все меньше, пока в один прекрасный день не обнаруживаешь, что денег нет совсем. И тогда вся музыка начинается сначала: просить подачку у тех, кто прибыл из какого-либо лагеря на день или на ночь. У меня вполне серьезно на уме нечто

другое. Как раз сейчас настало время, пока еще есть деньги. Когда они кончатся, тогда придется только оставаться здесь и не рыпаться.

— Тот же вопрос приходится решать и мне, уже в третий раз,— ответил Куртин.— Я знаю, как это происходит. Но у меня нет никакой идеи. Добыча золота, это единственное, что приходит на ум.

— Вот вы сказали об этом, — подхватил Доббс.— Об этом и я как раз думал. В конце концов, это не более отчаянная авантюра, чем ожидание работы на нефтяных участках. Едва ли есть еще одна страна, где так много золота и так много серебра ждут, когда их наконец добудут.

— Давайте перейдем на скамейку,— сказал Куртин.— Я хочу вам сказать, что я застрял здесь не из-за нефти, а из-за золота,— продолжал Куртин, после того как они уселись на скамью.— Я хотел подработать на нефтяных вышках лишь некоторое время, пока я получу достаточно денег, чтобы отправиться за золотом. Это стоит недешево. Сюда входит проезд, лопаты, кирки, лотки и прочий инструмент. На что-то надо прожить четыре или восемь месяцев, пока заработаешь. Когда же подобьешь бабки, то может статься, что ты напрасно потратил деньги и труд, так как золота не оказалось.

Доббс ждал, что еще скажет Куртин, но тот молчал и, видимо, не собирался больше говорить. Тут заговорил Доббс:

— Риск не так велик. Болтаться здесь и ждать работы — это такой же риск. Если повезет, то можно зарабатывать по триста долларов в месяц, а может, и больше, шесть, десять, восемнадцать месяцев подряд. Но если не повезет, если не найдешь работы, то так и так все потеряно. Конечно, золото не лежит так просто кучками, которые можно лег-

ко' поддеть на лопату и сложить в мешки. Это я знаю. Но если не золото, то, возможно, будет серебро, медь или свинец, или какие-либо ценные камни. Если ты один не можешь использовать и добывать все это, то всегда можно найти компаньона или компанию, которые откупят все, или того, кто войдет в долю, заплатив свой пай. Во всяком случае, я еще хорошенько все продумаю.

Они заговорили о другом. Такими трудными и важными были эти разговоры о добыче золота. Многие говорят об этом, строят планы, но из десяти тысяч лишь один решается, хоть это и кажется таким простым, как охота на кроликов. Здесь нет ни одного человека, который хоть раз не думал о том, чтобы заняться старательством. Сотни рудников других металлов, которые попадают в здешней земле, были найдены и разработаны людьми, пытавшимися найти золото, а потом бравшими то, что нашли. Некоторые рудники, которые не давали ни золота, ни серебра, приносят своим владельцам большее богатство, чем дают золотые прииски. Чем большее значение приобретает электропромышленность, тем ценнее становится медь. Может настать время, когда золото будут считать ненужным; о меди, свинце и многих других металлах нельзя, пожалуй, так сказать.

Никто не нападает на свежую мысль совсем самостоятельно, и никто еще совершенно один не разработал какую-либо оригинальную идею. Каждая новая идея — это продукт кристаллизации тысяч различных идей, принадлежащих разным людям. И вот кто-то находит лучшее слово и нужное выражение для новой идеи. И как только произнесено это слово, сотни людей вспоминают, что они уже давным-давно знали эту идею. Когда у человека возникает план, мысль о том, чтобы предпри-

нять что-то определенное, можно с уверенностью сказать, что множество людей вокруг имеют такой же или подобный план. Поэтому массовые идеи распространяются с быстротой пожара.

Что-то подобное произошло и здесь.

Куртин хотел еще одну ночь провести в «Кливленде» и лишь на следующий день перебраться в Озо Негро. Когда Доббс возвратился домой, то кроме него в комнате находились еще только три американца. Остальные постели, очевидно, на сегодня пустовали. Один из новичков был пожилым человеком, волосы его уже начали седеть. Когда Доббс вошел в комнату, то трое прекратили разговор. Но спустя некоторое время они продолжили беседу. Старик находился в постели, второй тоже лежал одетый на кровати, а третий сидел на своей койке.

Доббс начал раздеваться.

Сначала он не уловил, о чем шла речь. Затем он вдруг понял, что старик передает свой опыт золотоискателя младшим. Оба молодых прибыли сюда, чтобы искать золото. Так как в Штатах им рассказывали неслыханные вещи о золотых богатствах страны.

— Золото — это чертовская вещь, — сказал Говард, старик. — Оно меняет характер. Можно иметь сколько-то, еще столько же найти, все это упаковать так, что и не унести одному, но думаешь об одном: добыть еще немного. И тут перестаешь различать право и несправие. Когда отправляешься за золотом, то задумываешь остановиться на тридцати тысячах долларов. Если ничего не находишь, то свои претензии несколько снижаешь до двадцати тысяч, затем до десяти тысяч, говоришь, что вполне удовлетворишься пятью тысячами, если их найдешь, пусть даже нужно будет тяжело потрудиться.

Если при этом что-то найдешь, то сразу возникает опять мысль о задуманных тридцати тысячах, да и то кажется мало, повышаешь и повышаешь порог — хочется добыть пятьдесят тысяч, двести тысяч долларов. Затем начинаются всякие запутанные дела, тебя бросает то туда, то сюда, и покоя больше нет.

— Я не такой, — сказал один из двух молодых. — Я не такой, могу поклясться. Десять тысяч и точка. Конец, хоть бы там еще оставалось полмиллиона. Десять тысяч как раз та сумма, которая мне нужна.

— Кто сам там не пробовал, — сказал Говард в своей медленной манере, — тот и не поверит. От игорного стола можно легко отойти; от груды золота, которую только надо взять, чтобы стать ее владельцем, не отходит никто. Я добывал золото на Аляске и находил его, я добывал его в Британской Колумбии, в Австралии, в Монтане и Колорадо. Я собрал кругленькую сумму. И на тебе — я в Озо Negro, и все. Свои последние пятьдесят тысяч я потерял на нефти. Теперь должен кланчить деньги у старых друзей, на улице. Быть может, я с моими старыми костями еще раз попытаю счастья. Но у меня нет начального капитала. И вообще дело обстоит так: если идешь вдвоем или втроем, кругом витает смерть. Если идет дюжина, то на одного приходится мало и всюду царят ссора и убийства. Пока ничего нет, то товарищество существует. Но когда грудки золота растут и растут, то товарищество превращается в свинство.

И старик начал свои рассказы о золотых приисках. Рассказы, которые в Озо Negro проезжие гости из близлежащих ферм слушали с большим интересом, чем самые пикантные любовные истории. Когда рассказывал такой опытный старатель,

то он мог говорить ночь напролет, и никто не засыпал, и никто не возглашал: «Дайте, наконец, покой!» Такое требование покоя было бы, впрочем, тщетным, шла ли речь о золотых приисках, о воровстве или о любовных историях. Покоя можно было просить. Но если кто-то просил слишком часто или очень энергично, возникала пальба, так как рассказчики настаивали на том, что они имеют такое же право, как и любители тишины. Каждый человек имеет право рассказывать ночами, если это ему нравится. Если это кого-то раздражает, то его право поискать себе более тихое место. Тот, кто не может спокойно спать под грохот орудий, под тархтение повозок, под выхлопы машин, под шум проходящих хохочущих, поющих, болтающих, ругающихся людей, не должен пускаться в путешествия и останавливаться в ночлежках.

— Знаете ли вы байку о прииске «Зеленая вода» в Нью-Мехико? — спросил Говард. — Ее вы точно не знаете. Но я знаю Гарри Тилтона, который был при этом и от которого я услышал эту историю. На поиски отправилась компания в пятнадцать человек. Они шли не совсем вслепую. Издавна шли слухи о том, что в одной из долин имеется богатый золотой прииск, который разрабатывали старые мексиканцы и который затем захватили испанцы; последние путем ужасных пыток, вырывания языков, сверления черепа и прочих христианских доказательств любви заставили индейцев показать место прииска.

У самого прииска было маленькое озеро в окружении скал. И вода этого озера была зеленой, как смарагд. Поэтому прииск и назывался «Зеленая вода». Это был невероятно богатый прииск. Золото прямо лежало в разветвленных прожилках. Его нужно было просто вынимать.

Однако индейцы проклинали это месторождение, так говорили испанцы, потому что все испанцы, связанные с этим прииском, погибали. Некоторые от змеиных укусов, другие от лихорадки, еще одни из-за ужасных кожных болезней или из-за хворей, причину которых никто не мог объяснить. И однажды прииск исчез. Ни одного человека, который находился там, больше никто не видел.

Когда не стали приходить письма и донесения перестали поступать, испанцы послали на прииск экспедицию. Несмотря на то, что прииск был нанесен на карты и довольно легко можно было проследить путь туда, прииск найти не удалось. Хотя было не трудно определить его местоположение. Там было три крутых скалы, которые располагались в одну линию, тогда это означало, что вы на верном пути, и когда появлялась вершина четвертой скалы очень своеобразной формы, расположенная под определенным углом к этой линии, то это означало, что вы вплотную подошли к прииску и не собьетесь с пути. Но хоть искали несколько месяцев, не нашли ни прииска, ни озерца в скалах. Это было в 1762 году.

Этот богатый прииск никак не исчезал из памяти тех, кто интересовался золотом. Когда Нью-Мехико был аннексирован американцами, снова нашлись люди, желавшие разыскать его. Многие не вернулись. А те, кто вернулся, стали полуидиотами от напрасных поисков и от галлюцинаций, которые возникали при бесцельном блуждании в скалистой долине.

В середине восьмидесятых годов XIX века, кажется, году в 1886-м, люди снова отправились на поиски, снова пятнадцать человек. У них были списаны старые доклады и были копии старых испанских карт. Ведь казалось совсем простым найти

четыре верхушки скал. Они очень старались точно определить направление по верхушкам скал, но прииска не было. Они копали и взрывали то тут, то там, но от прииска не было даже следа. Они работали партиями, в каждой партии по три человека, чтобы захватить поисками большие участки. Запасы продуктов истощались постепенно, но люди не сдавались.

Однажды под вечер одна партия поужинала, костер пылал, но кофе никак не вскипал, так как дул сильный ветер и охлаждал чайник. Поэтому один из старателей попытался углубить кострище. И когда он раскопал его примерно на фут или полтора, он нашел кость. Он отбросил ее в сторону, не рассматривая, и сдвинул костер в углубление, оставив отверстия для тяги.

И вот, когда партия так сидела за ужином, кто-то взял кость и начал ею рисовать на песке.

Тут его сосед вдруг сказал: «Покажи-ка эту кость». И спустя некоторое время он заметил: «Это лучевая кость человеческой руки. Откуда же она?»

Тот, кто углублял место для кострища, ответил, что он наткнулся на эту кость, когда копал песок. «Тогда здесь должен лежать целый скелет, ведь не могла сюда попасть одна единственная кость»,— задумчиво сказал сосед.

Стемнело. Они завернулись в свои одеяла и заснули.

На следующее утро тот, кто нашел лучевую кость (я буду звать его Билл, так как я не знаю его имени), итак, Билл сказал: «Там, где лежала лучевая кость, должен быть скелет. Ночью мне в голову пришла мысль. Я спросил себя, как попал сюда этот скелет?» «Просто: кого-то убили или он умер с голоду»,— раздался чей-то голос.

«Это, конечно, возможно, — согласился Билл. — Многие здесь шастали, но я не уверен, что их убили именно здесь или что они именно здесь умерли с голоду. Мне пришло в голову, что рудник засыпало либо песчаной бурей, либо при землетрясении или обвале и тому подобном. И так как из испанцев никто не вернулся, то они были засыпаны вместе с рудником. Их засыпало вблизи рудника. Хотя эта кость вполне может принадлежать кому-то, кто до нас искал здесь золото и здесь погиб, возможно, что эта кость принадлежит одному из засыпанных испанцев. И если здесь лежит его лучевая кость, то где-то рядом должен быть скелет. И если мы найдем скелет, то, возможно, наткнемся на рудник. Я думаю стоит копать около кострища!»

Они стали копать и, действительно, нашли остальные части скелета, кость за костью. Они вели раскопки по кругу далее и нашли второй скелет. Затем они продолжали в направлении второго скелета и нашли третий. И так они нашли направление обвала или землетрясения. Они следовали за дорогой и откопали инструменты и наконец наткнулись на слитки золота, которые, очевидно, были кем-то рассыпаны.

«Вот рудник. Что теперь?» — сказал Билл.

«Давайте позовем остальных», — посоветовал один из них.

«Что ты осел, я знал всегда, — сказал третий, — но то, что ты такое глупое ослище, этого я не знал. Мы будем держать язык за зубами и не скажем ничего. Мы пойдем вместе с другими. А через пару недель мы только втроем опять вернемся сюда и опустошим рудник».

С этим согласились все трое. Они собрали несколько слитков и взяли их с собой, так как за них они смогут купить хорошее снаряжение. Затем они

тщательно засыпали все остальное. Но прежде чем они все закопали, подошла другая партия. Люди из другой партии недоверчиво смотрели на насыпь, и тогда один из них сказал: «Эй, парни, во что вы здесь играете? Хотите нас выставить из святой мессы?»

Первые трое оспаривали то, что вообще что-то нашли, и говорили, что они просто так здесь отдыхали. Началась перебранка. И будто по воздуху передались речи первой партии, в тот же час появились еще две партии. Первая и вторая, которая врасплох застала первую, вроде быстро захотели объединиться, заключить пакт, исключаяющий последующие три партии, в то время как обе другие партии пришли сюда почти одновременно. Теперь, естественно, вторая партия тотчас же отказалась от пакта и обвинила первую партию в предательстве. Послали человека за последней партией и, когда она прибыла, стали держать совет. Решили трех членов первой партии за намеренную утайку клада повесить.

Этих троих повесили. Никто не возражал, так как отпадали три доли, которые можно будет распределить между двенадцатью оставшимися.

Затем приступили к работе и открыли рудник. Это был действительно неисчерпаемо богатый рудник. Но спустя некоторое время стало так туго с продуктами, что трех человек отослали, чтобы привезти провиант.

Гарри Тилтон, который рассказал мне эту историю, сказал, что он удовольствовался той долей, которая ему причиталась на тот момент, когда пятеро собрались за продуктами. Он взял свою долю и уехал. В банке он получил двадцать восемь тысяч долларов. За эти деньги он купил ферму, где прочно обосновался.

Пять человек, которых послали за провиантом, купили выючных лошадей, лучший инструмент, много различных продуктов и зарегистрировали заявку. Потом они отправились в обратный путь. Когда они прибыли к руднику, они увидели сожженный лагерь и оставшихся там людей, которые убиты, точнее, перебиты индейцами. Золото осталось нетронутым. Судя по оставшимся следам, здесь была страшная борьба в то время, как они ездили за продуктами. Возвратившиеся похоронили своих убитых товарищей и снова стали разрабатывать рудник.

Прошло три или четыре дня, и индейцы вернулись. Их было около шестидесяти человек. Они тут же напали на золотоискателей и убили всех оставшихся на руднике. Один из этих людей, однако, не был убит, а только тяжело ранен. Когда к нему вернулось сознание, он пополз прочь от этого места.

Сколько дней или недель он полз, он не знал. Наконец его нашел какой-то фермер и отвез к себе домой. Он рассказал о своих злоключениях. Но до того, как подробно указать место, где все это происходило, он умер от ран. Фермеры той области, где умер этот человек, наладились в путь, чтобы найти золотой рудник. Они искали много недель, но не нашли его. Гарри Тилтон, поселившийся в одном из северных штатов, ничего не слышал о том, что там случилось. Он и не вспоминал больше об этом. Жил спокойно на своей ферме и думал, что все его товарищи, которые пустились с ним в путь, стали богатыми и благополучными людьми, которые, добыв достаточно золота, отправились на восток. Сам по себе он был молчаливым человеком. Он говорил, что свои деньги он получил, работая на золотом руднике. В этом не было ничего необычного. Так как он ничего не преувеличивал, а

если и говорил о том времени, когда он искал золото, рассказывал скупое и просто, то об этом руднике стали забывать.

Со временем, однако, пошли слухи о том, что Тилтон получил свои деньги за несколько дней. Он не отрицал этого. И поэтому сделали вывод, что месторождение, где он добывал золото, богато сокровищами. Все больше искателей счастья настаивали на том, чтобы он составил план, по которому можно было бы найти рудник. Он сделал это в конце концов. Но прошло более тридцати лет. Память уже была не та. Я отправился с одной из партий, которые пошли по этому плану.

Мы нашли все места, на которые указывал Тилтон. Но сам рудник мы не нашли. Возможно, он был засыпан обвалом или землетрясением, либо индейцы стерли все следы и сделали это так тщательно, что ничего нельзя было найти. Они не хотели новых людей в районе своего обитания, а ведь такой рудник означал появление сотен людей, и началась бы такая суматоха, что жизнь их, ее порядок были бы полностью нарушены.

— Да, если бы напасть на такой рудник,— окончил Говард свой рассказ,— то все проблемы были бы решены, но можно всю жизнь искать и ничего не найти. Это как в любом деле. Если найти правильное дело и тебе повезет, то это твой золотой рудник. Во всяком случае, хоть я уже и староват, я всегда готов идти, если речь пойдет о золоте. Но нужен для начала капитал, как в любом другом деле.

История, рассказанная Говардом, не содержала ничего ободряющего и ничего предостерегающего. Это была обычная история золотонискателей, бесспорно правдивая и все же звучащая как сказка.

Чтобы добыть, нужно отважиться. Кто хочет иметь золото, должен идти его искать. И в эту ночь Доббс решил искать золото, даже если из всего снаряжения у него будет лишь перочинный нож.

Только один вопрос беспокоил его в продуманном плане: пойти ли ему одному, или с Куртином, или со старым Говардом, или с Куртином и Говардом вместе?

VI

На следующее утро Доббс рассказал Куртину историю, услышанную от Говарда. Куртин слушал благоговейно. Наконец он сказал:

— Я думаю это правдивая история.

— Конечно же, это правдивая история. Почему бы ей быть неправдивой? — Доббс был очень удивлен тем, что кто-то может усомниться в правдивости этой истории. Но сомнение, высказанное Куртином, повлияло на него. Ему-то история показалась настолько же естественной и непреложной, как то, что утро наступает с восходом солнца, а вечер — с его заходом. В ней не было ничего вымышленного. Однако сомнение, заложенное в словах Куртина, придавало этой истории что-то авантюрное. И если до тех пор Доббс рассматривал поиски золота очень просто, как, например, поиски подходящих ботинок в различных обувных магазинах города или поиски работы, то теперь он понял, что поиски золота сопряжены с чем-то жутким, тревожным. Ему стало тревожно на душе, потому что он никогда ранее не испытывал ни тени чего-то мистического, когда речь шла о золотоискателях. Когда Говард сухо и лаконично рассказал эту историю, у него не было иного чувства, как то, что золото и каменный уголь под землей это одно и то

же; ведь каменный уголь может так же обогатить человека, который им занимается, как и золото.

— Вымышленная? — сказал Куртин. — Об этом я ничего не говорю. Сама по себе история не вымышлена. Есть сотни таких историй. Целые кипы таких историй я читал в газетах, которые печатают такие вещи. Но я полагаю, что эта история, если все другое и неправдоподобно, вполне достоверна в той ее части, где трое этих парней пытались надуть остальных из компании и заставить их уйти ни с чем.

— Правильно! — Доббс кивнул. — Это проклятие, которое тяготеет над золотом.

Когда он это сказал, он вдруг ясно понял, что еще час тому назад он бы такой фразы не произнес, так как ему бы и на ум не пришло, что с золотом связано проклятие.

У Куртина такой поворот во взглядах не произошел. Возможно, потому, что такое неожиданное озарение, как это было у Доббса, было ему неизвестно. Внутреннее прозрение, которое посетило Доббса в этот момент, разделило бессознательно этих людей. Это разделение было вне их сознания. Начиная с этого момента оба шли навстречу разным жизненным целям. Начинало формироваться различие в их судьбах.

— Проклятие на золоте? — возразил Куртин. — Не вижу этого. В чем же проклятие? На нем столько же благословения. Все зависит лишь от того, в чьих оно руках. Различные черты характера его обладателя создают проклятие или благословение. Дай мошеннику горсть голышей или сухую губку, и он использует это для какого-либо мошенничества.

— Единственное свойство характера, которое порождает золото у его обладателя, это жадность. —

Доббс сам удивился тому, как он пришел к такому выводу. Вывод показался ему странным. Но он успокоил себя, что высказывает это мнение лишь для того, чтобы возразить Куртину.

— Это чистый бред, то, что ты говоришь, — ответил Куртин. Ненамеренно он выбрал более доверительный тон беседы, чем тот, что поддерживал бездумно Доббс, вроде и не заметив изменений в его тоне.

— Это ведь полностью зависит от того, — продолжал высказываться Куртин, — любит ли обладатель золото само по себе или он лишь рассматривает его как средство для достижения каких-то целей. Ведь и в армии есть офицеры, которые более следят, чтобы портупея была вычищена до блеска, чем за тем, чтобы она была в пригодном состоянии. Само по себе золото не нужно. Если я смогу кого-то убедить в том, что обладаю большим количеством золота, я смогу достигнуть того же, что и обладая им в действительности. Не золото изменяет людей, а власть, которую они могут приобрести, имея золото; люди возбуждаются при виде золота, даже когда о нем слышат.

Доббс откинулся на спинку скамейки, на которой они сидели с Куртином. Он взглянул вверх и увидел на крыше одного из домов на противоположной стороне улицы двух рабочих, прокладывавших телефонный кабель. Они стояли так неуверенно, что каждый миг можно было ждать их падения. «За четыре песо или за четыре пятьдесят в день, — подумал Доббс, — перспектива сломать себе шею или раздробить кости; при строительстве деррика все происходит точно так же, только эта перспектива несколько дороже оплачивается. А еще, — подумал он, — рабочий ведет такое жалкое существо-

вание...» И, продолжая эту мысль, он спросил Куртина:

— Предал бы ты своих друзей, чтобы все золото досталось тебе, как попробовали сделать те трое?

— Я не могу тебе этого сейчас сказать, — ответил Куртин. — Я не верю в то, что есть хоть один человек, который точно мог сказать, что бы он сделал бы, если бы у него лично было много золота и он обладал бы возможностью исключить других компаньонов. Я только знаю, что в тот момент, когда человек получит много денег или увидит возможность по мановению руки получить груды золота, каждый будет действовать иначе, чем он сам ожидал от себя.

Доббс все еще смотрел на телефонистов. Хотя он не желал зла этим рабочим, в душе он надеялся, что один из них свалится и это внесет некоторое разнообразие в монотонное течение жизни.

Так как ни один из рабочих не свалился, он вдруг почувствовал, что сидит неудобно и что у него заболели плечи. Он снова выпрямился на скамье и зажег сигарету. Задумчиво поглядев на дымок, он сказал:

— Я бы сделал, как Тилтон. Это самое надежное. И не нужно будет больше надрываться и слоняться голодным. Я бы удовольствовался небольшим количеством и пошел своей дорогой. Остальные могут передрасться, как им угодно.

Куртин не знал, что и сказать. Тема была исчерпана, они выяснили свои точки зрения и стали беседовать о чем-то другом, чтобы не сидеть просто так, тупо уставившись перед собой.

Однако после полудня, когда они возвращались с купанья и всю дорогу злились, что им нужно пройти всю длинную пыльную Авениду, чтобы

экономить те пятнадцать центаво, которые стоит трамвай, они снова заговорили о золоте. Всегда полуголодные, вечно мечтающие о стакане ледяной воды, невысыпавшиеся на твердых постелях ночлежки, они все время, неотрывно думали о золоте. Надо было как-то менять их теперешнее положение. Егс можно было исправить только с помощью денег. А деньги так тесно соприкасались с золотом. Мысль о золоте становилась все более неотвязной и затмила все иные мысли. Они наконец осознали, что заработанные деньги не могут им помочь. Только золото, большая куча золота могла освободить их от нищего существования, от голодной смерти или от полуголода. Они были в стране, где можно найти небывалые золотые сокровища. Они видели перед собой мерцание золота даже тогда, когда закрывали глаза, так как солнце, немилосердно ослепляя, заливало пыльную площадь. Конечно, это было не золото, а асфальтовое покрытие. Но белая пыль, белые дома — все подхлестывало их. Сколько бы они ни раздумывали, мысль их все время обращалась к золоту. Золото — это ледяная вода, золото — это полный желудок. Золото — это прохладная комната в высоком элегантном отеле «Ривера». Золото, только золото — и тогда прекратится стояние у американского банка, где, если повезет, можно выклянчить у бизнесменов-нефтяников либо несколько песо, либо работу. Это была унижительная, жалкая жизнь. Так не может больше продолжаться. Нужно покончить с этим.

Когда прошло три дня, и никаких видов на работу не появилось, и похоже было, что в ближайшие три месяца работы тоже не будет, Доббс сказал Куртину:

— Я иду за золотом! Даже если придется идти

одному, я все равно пойду. Подожду ли я здесь или в сьерре, среди индейцев, это мне что в лоб, что по лбу. Я пойду.

— То же самое я хотел тебе сейчас предложить,— сказал Куртин.— Я готов украсть любых лошадей.

— Тебе ничего более не остается, кроме выбора между карманной кражей и Санта-Марией.

— Санта-Марией? — спросил Куртин.— Я не католик.

— Католик ты или нет, об этом там не спросят. Но если ты попадешься на карманной краже, тогда ты узнаешь, что это за Санта-Мария. Это остров для каторжников на западном побережье, там тебя не спросят, какую религию ты исповедуешь, а только захотят узнать, сколько лет тебе сидеть. Когда ты познакомишься с этой святой Марией, ты будешь знать, почему здесь у изображения святой Марии всегда в сердце открытый перочинный нож. Это ей всадил кто-то из тех, кто живым вернулся с этого острова.

— Мы бы могли сразу же завтра и пойти.

Доббс задумался ненадолго, потом сказал:

— Я думал о том, не взять ли нам старого Говарда. Давай спросим у него вечером, что он об этом думает.

— Говард? Почему? Он ведь такой старый. Нам придется тащить его на спине.

— Да, он старик,— подтвердил Доббс.— Но он выносливый, как вареная старая подметка. Если придется, он выдержит большие трудности, чем мы оба вместе взятые. Я должен сейчас признаться, что имею очень слабое понятие о добывании золота и даже толком не знаю, как оно выглядит, когда оно лежит перед тобой в дерьме. У Говарда есть опыт, он сам был золотоискателем и делал хорошие

деньги. На нефти он все потерял. Иметь такого опытного парня — уже половина успеха. Да кто знает, пойдет ли он?

— Давай просто спросим его, — посоветовал Куртин.

Они пошли в Озо Негро. Говард лежал на кровати и читал детективы.

— Я? — тут же откликнулся он. — Что за вопрос! Конечно, я пойду с вами. Я всегда готов, когда речь идет о золоте. У меня еще есть триста долларов в банке. Двести я кладу на это дело. Это мои последние деньги. Если они кончатся, то и мне конец. Но нужно на что-то отважиться.

После того как они соединили все деньги, Доббс вспомнил о своих лотерейных билетах.

— Не будь же таким суеверным, — сказал Куртин со смешком. — Я еще никогда не видел человека, который бы выиграл в лотерею.

— Не имеет значения, — сказал на это Доббс. — Я пойду хоть раз посмотрю на таблицу. Это ничему не повредит.

— Тогда я с тобой. Охотно посмотрю, как у тебя вытянется физиономия.

Всюду висели таблицы. В каждой лавчонке, где продавались билеты. Таблицы были напечатаны на полотне. Так как никто не покупал таблицы и лотерея никогда не рассчитывала на побочную прибыль от продажи таблиц, то здесь до таблиц дотрагивались сотни людей, и они должны были быть очень прочными, чтобы выдерживать столько прикосновений. Каждый думал, что на этот раз он определенно выиграет.

Сразу за углом Мадридского бара висела такая таблица, величиной с полотенце.

Доббс взглянул на нее и обратился к Куртину:

— Твое суеверие еще смешней моего. Вот ви-

дишь номер, напечатанный жирным шрифтом? Это мой номер. За мои двадцать центаво я получу от кассира сто песо.

— Где? — спросил ошеломленный Куртин.

— Пойдем сейчас в агентство, к кассиру.

Доббс положил свой билет на стол. Кассир проверил его, не отвлекаясь, и вручил Доббсу два толстых столбика золотых монет по пятидесяти песо.

Когда они снова стояли на площади, Куртин сказал:

— Теперь я хочу достать сто долларов. Тогда хватит. У меня есть друг в Сан-Антонио, там, в Техасе. Он пришлет мне денег.

Он послал телеграмму, и деньги пришли точно в срок. Они купили билеты на ночной поезд в Сан-Луи. Оттуда они поехали следующим поездом вверх, в Дуранго.

Здесь компаньоны засели за карты, чтобы изучить местность.

— Там, где проходит железная дорога, нам делать нечего,—сказал деловито Говард. — Нет смысла. Там, где железная дорога или хорошее шоссе, известен каждый уголок, где что-то может быть. Дикие уголки — вот где можно пожить. Там, где нет даже тропинок, где не ошивзются геологи, где люди не знают, что такое автомобиль,— там стоит полазять. Вот такую местность нам нужно найти.

Он пошарил по карте и затем сказал:

— Примерно здесь, совсем точно сказать нельзя. Если мы попадем туда, то там следует смотреть внимательно и держать ухо востро. Я когда-то знал одного, он мог находить золото по запаху, точно так, как находит воду жаждущий осел.

— Правильно,— сказал Доббс.— Мне пришло на ум, что мы должны купить в соседней деревушке ослов, чтобы их навьючить.

VII

Куртин и Доббс вскоре убедились в том, что без старого Говарда они были бы совершенно беспомощны. Открыто и в большом количестве золото нигде не лежит, на него не напасть. Можно мимо пробежать и его не увидеть. Но Говард видел, если был замечен хоть небольшой след. Он видел по местности, может ли быть там золото или нет, стоит ли отвязывать лопаты от вьюков, чтобы поднять и промыть пару лопат песку. Если Говард начинал копать и рыться или начинал промывать песок в лотке, то это означало, что есть земля, на которой стоит поработать; там должно было быть золото. Четыре раза они уже находили золото. Но то количество, которое они намывали, было так незначительно, что не обещало даже приличной почасовой зарплаты. Один раз они попали на очень перспективное место, но вода для промывания была в шести часах оттуда, и им пришлось отказаться от поисков.

Они все больше углублялись в ущелья. Однажды утром они увидели, что застряли на узкой тропинке. Они ползали, задыхаясь, вокруг этого места и срывались. С большим трудом им удалось пропихнуть вперед ослов. У них чертовски испортилось настроение.

А тут еще Говард добавил:

— Да,— сказал он,— нашел я себе спутников в вас двоих, нашел, будь я трижды проклят!

— Заткни глотку! — в ярости заорал Доббс.

— Отличные спутники,— повторил Говард сухо и насмешливо.

Куртин собирался уже виртуозно выругаться, но прежде, чем он успел, Говард сказал:

— Вы ведь идиоты, такие проклятые идиоты, что вы и миллиона не заметите под ногами, хоть будете на нем плясать.

Оба парня, которые шли впереди, остановились и не знали, что и подумать: то ли Говард их высмеивает, то ли под влиянием неудач последних дней у него разыгрался приступ слабоумия.

Но Говард устоял на них и сказал вполне трезво, не выказывая и тени волнения:

— Вот вы идете по голому чистому блестящему золоту и не видите его. Как я дошел до того, чтобы отправиться за золотом с такими вонючками, как вы, останется для меня загадкой до конца моих дней. Мне бы просто хотелось знать, за какие грехи я должен вас терпеть?

Доббс и Куртин стояли молча. Они посмотрели себе под ноги на землю, потом посмотрели друг на друга, а затем на Говарда с таким выражением лица, которое ясно показывало: то ли они начинают обалдевать, то ли Говард на пути к этому.

Старик нагнулся, пошарил в сыпучем песке и поднял его полную горсть.

— Знаете, что у меня в руке? — спросил он. Не ожидая ответа, он продолжил: — Это дерьмо, которое не сосчитать или, если вы этого не понимаете, это золотая пыль. И ее так много, что мы все не сможем унести ее в наших рюкзаках.

— Дай-ка посмотреть, — одновременно крикнули оба и шагнули поближе.

— Не нужно вам сюда подходить, вам стоит лишь нагнуться и поднять то, что у вас под ногами, тогда вы увидите золото и оно будет у вас в руках.

Они недоверчиво подняли полные ладони песка.

— Увидеть вы вряд ли что увидите, — сказал,

ухмыляясь, Говард.— Вы, желторотые. Но по весу вы должны почувствовать.

— Правда! — крикнул Доббс.— Теперь я его вижу. Мы можем тут же наполнить мешки и убираться назад.

— Конечно, мы можем и так сделать,— утвердительно кивнул Говард.— Но это было бы неважно придумано. Лучше мы его как следует промоем. Зачем нам тащить лишний песок? За песок нам не заплатят.

Говард уселся на землю и сказал:

— Принесите-ка несколько ведер воды. Я проведу испытание на проценты.

Теперь, собственно, и началась работа. Нужно было искать воду. Воду они нашли, но она была примерно в ста двадцати метрах под горой, и ее нужно было ведрами тащить вверх. Тащить вниз песок и там, около воды, промывать было дольше. Вода была нужна все время. После каждой промывки ее требовалось, правда, меньше, но запасы нужно было пополнять, в то время как, наоборот, песок нужно было стащить весь, и могло случиться, что в двух полных мешках песка едва наберется грамм золота. Они разбили лагерь, поставили колеблющиеся лотки и поворотные флитчи, прорыли канавки для стока воды и соорудили емкость, которую они так тщательно уплотнили известкой и глиной, что потери были ничтожно малы; о них не стоило и говорить.

Через две недели они могли приступить к продуктивной работе.

Да, это была работка! Ничего не скажешь. Они надрывались, как обалделые арестанты. Днем было очень жарко в Сьерра-Мадре. Туда не было проторенной дороги, лишь тропинка для мулов, ведущая к водопою. Чтобы добраться до ближайшей

железнодорожной станции на ослах, требовалось десять-двенадцать дней. И дорога шла по крутым взлобкам и горным тропам, по пересохшим руслам рек и туннелям, между высокими острыми уступами скал, образующих отвесные стены. На всем пути встречалось лишь несколько маленьких индейских поселений.

— Так я не надрывался никогда в жизни,— высказался Куртин однажды утром, когда Говард растолкал его еще до восхода. Он все же встал, оседлал осла и натаскал воды на целый рабочий день, хотя до семи часов у него во рту и маковой росинки не было.

Когда затем все трое сидели за завтраком, Говард сказал:

— Иногда я задаю себе вполне серьезно вопрос, что вы подразумевали, собственно говоря, под добычей золота? Я уверен в том, что вы представляли себе это примерно так: нужно просто нагнуться и собирать слитки, которые валяются, как галька, наполнить мешки и ехать домой. Если бы все было так просто, то золото и стоило бы как галька.

Доббс что-то проворчал и затем сказал:

— Однако должны же где-то быть места, где больше золота, где его не так плачевно мало и не так трудно добыть даже одну унцию?!

— Такие места есть, но встречаются они так же редко, как главный выигрыш в лотерее,— ответил старик.— Я видел места, где нападали на золотые жилы, где парни киркой откалывали слитки величиной с кулак или выкапывали их. Три, четыре, восемь фунтов в день видел я. И еще я видел, что на том же месте, до того и после, четверо три месяца убивались до полусмерти, и вчетвером за три месяца едва получали пять фунтов. Можете мне поверить: старательно промывать золотоносный пе-

сок — самое верное. Это тяжелая работа, но если потрудиться восемь или десять месяцев, то положишь в карман кругленькую сумму. И если ты выдержишь такое пять лет подряд, то обеспечишь себя до конца дней твоих. Но я хотел бы увидеть такого, кто так проработал бы пять лет. К тому же, чаще всего поле ничего больше не дает уже через несколько месяцев, и нужно снова странствовать в поисках другого, не выработанного поля.

Оба зеленых новичка представляли себе добычу золота менее тяжелой. Мысль об этом посещала их раза четыре в час. Копать и копать, от восхода до захода, при страшной жаре. Затем выбрасывать лопату за лопатой, и встряхивать, и просеивать. И все повторять три, четыре, а то и пять раз. Снова бросать песок на качающиеся лотки, если вышло не так чисто. И так день за днем без перерыва. Им было трудно стоять выпрямившись, трудно лежать и сидеть, так болела у них спина. Руки их напоминали скрюченные когти. Они не могли распрямить пальцы. Они не брились и не подстригали волосы. Они слишком устали и оступели для этого. Если, случалось, порвутся штаны или рубаха, то они все же зашивали одежду, чтобы сохранить ее, иначе она просто развалится.

Здесь не было воскресений — свободный день, который они иногда назначали, был необходим, чтобы поправить примитивную технику, помыться наконец, подстрелить немного дичи или оленя, найти новые пастбища для ослов и пойти в соседнюю индейскую деревушку, чтобы купить там яйца, тертый маис, зерна кофе, табак, рис и бобы. Они были довольны, если удавалось все это закупить. О сале, муке, белом сахаре и банках со сгущенкой можно было думать, если кто-нибудь из них освобождался на целый день, чтобы попасть в большую деревню,

где иногда далеко не всегда, можно было достать эти редкости. Если во время такой экспедиции удавалось достать даже бутылку теквилы (настойки), то это считалось триумфом.

Возник вопрос о лицензии. Без лицензии они имели право искать, но не копать и очищать. Но с этой лицензией всегда были трудности. Кто-то должен был направиться в управление, указать точно площадку и заплатить кругленькую сумму. Из полученного дохода следовало отдать определенный процент. И все вместе взятое продлилось бы несколько недель, пока уладятся все дела. Все это не было бы так страшно. Но самым плохим было то, что, получив эту лицензию, даже при всевозможных предосторожностях, они рисковали навлечь на себя бандитов. Таких бандитов, которые не сеют, не собирают урожай. Они неделями, а то и месяцами бывали настороже, давая возможность старателям крепко потрудиться, а когда те, погрузив свою добычу, отправлялись в обратный путь, бандиты нападали на них и отбирали золото. И не только золото, а и ослов, и одежду. Без ослов, одежды и ботинок выбраться из чащи было чертовски трудной задачей. Часто бандиты это учитывали, и, чтобы не оставлять ограбленных в таком трудном положении, они забирали у них и саму жизнь, так как были сердобольными людьми.

Кто мог знать, где и когда исчезли несчастные? Буш настолько велик, его глубина непроходима и таит столько опасностей. Конечно, стараются найти пропавших. Но еще до того, как можно будет начать поиски, видно, что буш поглотил все до последней косточки. А найдя такую косточку, можно долго предполагать, кто же был тем человеком, от которого она осталась.

Бандиты должны предстать перед военно-полевым судом. Но чтобы так сделать, нужно прежде всего их поймать. И так как бандиты знают, что никто им ничего не сделает, пока не поймают, то это очень простое дело — быть бандитом вместо того, чтобы надрывать и добывать золото тяжелым трудом.

Когда выдается лицензия, то вокруг этого всегда возникают различные толки. И не в первый уже раз случилось так, что не бандиты, а спекулянты из большой и представительной горнорудной компании убирали с пути пролетариев-первооткрывателей. Затем площадка несколько месяцев не используется, срок лицензии истекает, и компания приобретает эту лицензию, которая выдается на том основании, что прежние ее владельцы лишаются права на нее ввиду их отсутствия.

Поэтому было вполне благоразумно не связываться с лицензией. И если спустя некоторое время приходишь к решению, что площадку можно оставить, так как уже достаточно песка, то добычу можно незаметно унести. Ни один человек не заподозрит ни в чем оборванцев, и они с легким сердцем могут выпрашивать курево у всех встречаемых, которые могут быть бандитами или, при удачном стечении обстоятельств, могут стать бандитами.

Так обстоит дело с лицензией. Если имеешь ее, то у тебя могут забрать золото бандиты. Если ее нет, то правительство может забрать половину добычи, а то и всю, в наказание. Буш такой огромный, такой обширный и молчаливый. И здесь происходит так много всяких вещей. Как только обладаешь чем-то, все на свете выглядит совсем иным. В любом случае с этого момента ты начинаешь относиться к меньшинству, и все, кто ничего не имеет или имеет мало, становятся твоими смертельны-

ми врагами. Надо быть все время настороже. Всегда нужно что-то охранять. Пока ничего не имеешь, ты являешься рабом своего голодного желудка и потенциальным рабом тех, кто может его наполнить. Если же ты чем-то обладаешь, то ты становишься рабом своего имущества.

VIII

Эти три человека, нашедшие друг друга, никогда не были друзьями. Вряд ли им вообще приходило в голову стать когда-либо друзьями. Выражаясь точнее, они скорее всего были сотрудниками. Они объединились из соображений чисто практических. Как только отпадёт эта причина, кончится их содружество. Они спорили и ругались, как это всегда бывает, когда люди какое-то время вынуждены быть вместе. Эти споры могли со временем сделать их друзьями. В этом не было ничего странного. Когда люди, не будучи друзьями, начинают ссориться, то это означает, чаще всего, начало долготейшей дружбы.

Общие усилия, общие заботы, общие надежды, общие разочарования, которые соединяли этих трех людей в течение нескольких месяцев, должны были, по всем законам социологии, привести к дружбе. Они ведь были боевыми товарищами, лучшими боевыми товарищами, чем на войне. Не раз случилось, что Говард спасал жизнь Доббсу, Куртин Говарду, а Доббс Куртину; и снова Доббс оберегал Говарда, а другой раз и Куртина от потери дыхания.

Встречались всевозможные комбинации. Каждый был наготове помочь другому, рискуя даже своей жизнью, чтобы обезопасить оступившегося. Чего только здесь ни случилось. Однажды слишком

рано надломилось подпиленное дерево, и Доббс поставил плечо и повернул ствол так, чтобы он не разможил голову Куртину. Как выглядело затем плечо!

— Здорово это было, Доббс,— сказал Куртин. И это было все.

Что мог он еще добавить?

Через две недели осыпалась земляная штольня, когда там находился Доббс, и Куртин вытащил его оттуда, хотя над ними нависала тяжелая глыба кремнезема, которая в любой момент могла обрушиться и так захоронить Куртина, что Говард, находящийся с другой стороны штольни и пытавшийся что-то там пробить, в любом случае опоздал бы и не мог бы понять, куда девались эти двое.

Когда Доббса вытащили, к нему вернулось сознание и он начал снова дышать, он сказал:

— Если бы вы подольше плевали на руки, то я бы уже не смог плюнуть на эту кучу песка.

При этом он выплюнул землю, которой у него был полон рот.

В таких случаях не тратят много слов. Это вполне трезвая помощь, которую один оказывает другому. Но эта помощь не сблизила их. Они не стали друзьями. Они бы не стали друзьями, если бы даже еще десять лет спасали жизнь друг другу.

Они сами не умели смотреть на себя со стороны, они были заинтересованные лица. Но если бы кто-нибудь иногда посмотрел, как они сидят у костра перед тем как лечь спать, у него создалось бы впечатление, что каждый из них ждет удобного случая, чтобы перегрызть глотку остальным двум. Но не жажда убийства светилась в их глазах. Может, это была зависть? Но если бы каждого по отдельности спросить, он бы не сказал «зависть» или «жадность». Это уж точно. Все имели равное количест-

во золота, каждый знал, что другой почти все свое достояние вложил в общее предприятие, что каждый работал не за страх, а за совесть, что каждый горько бедствовал и пережил просто невероятные трудности, чтобы что-то получить. Какая же тут зависть? Или алчность? Так противоестественно не думает ни один здравомыслящий человек.

Каждый вечер, пока еще не стемнело, всю дневную добычу взвешивали и делили на три части, и каждый брал свою часть. Так повелось с самого начала.

— Лучше всего мы будем делить каждый вечер, и каждый пусть берет себе свою часть,— это предложил Куртин на второй вечер после того, как они начали работу и стали что-то получать.

— Так мне не нужно будет, по крайней мере, быть хранителем ваших сокровищ,— сказал Говард.

Двое других сразу вскинулись:

— Мы ничего такого не говорили, никто не решал, что ты будешь хранить добычу. Еще вопрос, доверили бы мы тебе.

— Вы что, вздумали нос задрать? — рассмеялся Говард. Он не чувствовал себя обиженным. Он слишком часто встречался с такими ситуациями, чтобы они его волновали. Он сказал добродушно:

— Я только подумал, что заслуживаю наибольшего доверия.

— Ты? — закричал Доббс.— А не мы? Мы что, сбежавшие уголовники?

А Куртин добавил:

— Что мы знаем о том, как ты жил до старости?

Говард не позволил вывести себя из равновесия.

— Конечно, вы этого не знаете. Но мне кажется, между нами говоря, что это не имеет значения. Я никого из вас не спросил, откуда он родом и где

провел дни своей юности. Это было бы очень невежливо. Никого не следует втравливать в ложь. Здесь, в глуши, где и петуха не услышишь, здесь не поможет обман. Будем ли мы обманывать друг друга или говорить горькую правду — все это не стоит и ломаного гроша. Но из нас троих я единственный, кто в этих условиях заслуживает доверия, не так ли?

Оба усмехнулись. Но прежде чем они успели красочно ответить, Говард продолжил:

— Не нужно увертываться. Я все сказал правильно. Здесь справедливы лишь голые факты. Мы ведь могли тебе, — при этом он кивком указал на Доббса, — отдать всю добычу на сохранение. Но когда я буду в буше выстругивать подпорки, а Куртин верхом отправится в лавку, ты можешь все взять и уехать.

— Это подлость — говорить так, — взорвался Доббс.

— Возможно, — спокойно ответил Говард, — что это и подлость, так говорить. Но такая же подлость так думать. И ты был бы первым, кто ничего подобного не думал. Удрать с добычей другого, скажу я вам, это не подлость. Здесь, в глуши, это вполне естественно. Дурак, кто так не сделает. Вы только слишком ничтожны, чтобы вслух это признать. Но давайте накопим килограммов двадцать нашего сокровища, тогда посмотрим, что вы запоете. Вы не лучше и не хуже других парней. Вы обычные люди. И если в один прекрасный день вы привяжете меня к дереву, навьючите ослов и уедете, оставив меня подыхать, чтобы заполучить и мою долю, то вы сделаете только то, что сделал бы каждый, кроме тех, кому вдруг взбредет на ум, что это, в конце концов, может плохо кончиться. Я не могу скрыться с вашим добром. Я теперь для этого не-

достаточно твердо держусь на ногах. Меня можно в течение двенадцати часов душить, подвесив за воротник на дерево, совершенно безнаказанно. Мне не выпутаться, я полностью завишу от вас. Поэтому я думал, что наиболее заслуживаю доверия.

— Если поразмыслить хорошенько,— сказал Куртин,— то ты, пожалуй, прав. Но в любом случае лучше, если мы будем производить дележ каждый вечер. Каждый пусть сам охраняет свою долю. Тогда любой может уйти, когда ему заблагорассудится.

— Не имею ничего против,— сказал Говард.— Это совсем не плохо. Только каждый пусть позаботится, чтобы не обнаружили его тайник.

— Что за отвратительный у тебя характер,— высказался Доббс.— Ты всегда думаешь только о всяких подлостях!

— Ты не можешь меня обидеть, мальчик,— ответил Говард.— Я знаю людей и знаю, на какие поступки и мысли они способны, когда речь пойдет о золоте. В основном все люди одинаковы, когда на карту поставлено золото. Все одинаково подлы. Там, где можно их уличить, они только более осторожны, лицемерны и изворотливы. Здесь, в глуши, им не нужно притворяться, здесь дело ясное. Простое и ясное. Там, в городах, масса всяких препятствий и сложностей. Здесь только одно препятствие — жизнь другого. И здесь всегда только один вопрос.

— Какой? — спросил Доббс.

— Я тоже хотел бы знать,— сказал Куртин почти одновременно.

— Здесь только один вопрос: будут ли тяжкими воспоминания. Поступки не отягчают сознания. Только воспоминания терзают душу. Итак, подведем итог. Мы делим добычу каждый вечер, и каж-

дый ищет себе тайник. Если дойдет до пяти кило, не сможем же мы носить их в ладанке на груди.

IX

Много усилий и изобретательности потратили они на то, чтобы хорошо замаскировать от всех место своей работы. Лагерь, где они спали и готовили пищу, они расположили так, что он находился в полукилометре от заброшенного рудника. Место, где был рудник, так отлично было отгорожено кустарником и большими камнями от единственной лазейки, где был вход, что никто, находящийся поблизости, не мог наткнуться на место их работы. Спустя всего неделю кустарник, холмики, каменные груды так покрылись густой зеленью, что даже туземцы, идущие на охоту, там не замечали ничего примечательного, что навело бы их на мысли о разработках. Скрыть палатки не входило в планы старателей. Лагерь был вполне открытым. Чтобы объяснить свое пребывание там, они натянули на рамы свежесодранные шкуры и птичьи чучела. Из этого должно было явствовать, что они охотники и собиратели редких птиц, что не вызывало ни малейшего подозрения, так как сотни людей считают это прибыльным делом.

Из лагеря тянулась тайная тропка к руднику. Чтобы попасть на эту тропинку, первые десять метров им нужно было скользить на животе. Когда они преодолевали эти метры, то тропинку затем скрывали заросли колючего кустарника. Возвращаясь в лагерь, они прежде всего тщательно осматривались: нет ли кого поблизости. Если бы кто-то почудился, они бы пошли далеким обходным путем и пришли бы совершенно с другой стороны, будто только что возвращались с охоты.

За все время, что они здесь жили, они никого не видели. Ни белого, ни туземца. Совершенно исключалось, чтобы кто-то мог, заблудившись, попасть в эту дикую местность. Но старатели были очень умны и достаточно осторожны, чтобы позволить себе стать жертвой случая. Даже пугливая дичь, преследуемая охотником, не пыталась найти убежище там, где они работали. Запах работающих людей направлял ее в другую сторону. Собаки в буше тоже слишком пугливы, они всегда остаются около хозяина и ничего не вынюхивают.

Жизнь, которую вели здесь эти трое, была более беспощадна к ним, чем бывает к литовцу на фабрике в Детройте. Это была самая плачевная жизнь, которую можно было себе представить. Доббс вспомнил однажды вечером, что в самых илистых окопах Франции он себя лучше чувствовал, чем здесь за последние недели. Куртин и Говард не могли об этом судить, так как они не имели чести быть во Франции, чтобы защищать нежных невинных малюток у груди американских матерей от штыков гуннов.

И с каждым днем их пребывание здесь становилось все более невыносимым. Всегда одинаковая еда, наспех приготовленная натруженными руками, опротивела им. Однако нужно было ее проглатывать. Беспросветное однообразие работы делало ее еще трудней, чем она была сама по себе. Копать, просеивать, колебать лоток, таскать воду, ставить подпорки. Изо дня в день, каждый час, неделя за неделей. И это длилось уже несколько месяцев. Работу все же можно было выносить. Сотни, тысячи людей делают одну и ту же работу всю жизнь и чувствуют себя при этом весьма прилично. Здесь же против них действовали и совсем другие силы.

Первые недели они провели, не думая о том, как

трудно им придется. Они вовсе не предвидели, что их будут мучить и преследовать силы, о существовании которых они до сих пор не слышали и не ведали. В первое время каждый день случалось что-то новое. Каждый день что-то новое планировалось и выполнялось. Каждый из них знал несколько анекдотов или какую-нибудь историю, о которой двое остальных ничего не знали. Каждый мог учиться у другого. И у каждого была какая-то особенность, интересовавшая других, иногда даже противная, но возбуждавшая интерес.

Но настало время, когда им нечего стало рассказывать друг другу. Ни у кого не было ни словечка, которого бы не знали остальные двое. И он знал каждое слово другого, даже интонацию и сопровождающий жест, связанный с этим словом.

У Доббса была привычка, когда он говорил, прижмуривать левый глаз до половины. Сначала Говард и Куртин считали это смешным и потешались над этой особенностью. Но настал вечер, когда Куртин вдруг заявил:

— Если ты, проклятая собака, не перестанешь прижмуривать все время левый глаз, я всажу тебе порцию свинца в живот. Ты отлично знаешь, как торжное отродье, что меня это раздражает.

Одним прыжком Доббс вскочил и вскинул пистолет. Если бы Куртин успел также быстро достать свой, то полным ходом началась бы перестрелка. Но Куртин знал, что стоит ему только протянуть руку назад, шесть пуль будут у него в желудке.

— Я отлично знаю, кто ты есть,— крикнул Доббс, потрясая револьвером.— Тебя в Джорджии выпороли за то, что ты нападал на девушек и насиловал их. Ведь не из чистого удовольствия оказался в Мексике ты, дерьмо.

Был ли Доббс каторжником, Куртин вовсе не знал, так же как Доббс не имел понятия, был ли Куртин вообще в Джорджии. Они высосали все это из пальца или просто выдумали, но теперь они говорили так, чтобы взвинтить себя до ярости.

Говард не вмешивался. Он пускал клубы табачного дыма, уставившись на огонь. Но когда оба замолчали и не могли больше выдумывать бранные слова, он сказал:

— Вот что, ребята, прекратите думать о стрельбе. У нас нет здесь времени выхаживать раненых.

Доббс через некоторое время засунул в кобуру свой револьвер и улегся спать. Куртин же остался с Говардом у огня и закурил еще одну трубку.

Вскоре настало утро, когда Куртин стал тыкать Доббса под ребра дулом револьвера:

— Скажи только слово, и я нажму курок, ядовитая жаба.

Это началось с того, что Доббс сказал Куртину:

— Не чавкай, как откормочный боров, когда ты жрешь. В каком исправительном заведении ты вырос?

— Чавкаю я или сплю, тебя это не касается, дерьмо ты собачье. Во всяком случае, я не цыкаю всегда зубом, как свистящая крыса.

На что Доббс ответил:

— Разве у крыс в Синг-Синге дуплистые зубы?

Нет человека, который бы не знал, что означает этот вопрос, так как Синг-Синг это известная тюрьма в Нью-Йорке, где содержится та часть нью-йоркцев, которая попала на каких-то делишках. Другие нью-йоркцы, которых ни на чем не поймали, имеют свои конторы и бюро на Уолл-стрите.

Такого дружеского намека Куртин не мог перенести, и он сунул дуло заряженного пистолета Доббсу под ребра.

— Черт вас побори,— взорвался наконец Говард,— вы ведете себя так, будто мы все связаны супружескими узами. Спрячь револьвер, Куртин!

— Ты? — заорал, разозлившись, Куртин. Он опустил руку с револьвером и повернулся к старику: — Что ты здесь раскомандовался, убогий?

— Командовать? — отозвался Говард.— Я и не думаю здесь командовать. Но я пришел сюда, чтобы добывать золото и делать свой бизнес, а не для того, чтобы ссориться с глупыми мальчишками. Мы нужны друг другу, и если одного пристрелят, то двое других могут уехать, вдвоем здесь ничего не сделаешь, точнее работать будет так неудобно, что мы едва ли оправдаем ежедневные расходы.

Куртин убрал свой револьвер и снова уселся.

— Что касается меня,— продолжил Говард,— мне, конечно, очень жаль, но у меня нет ни малейшего желания остаться здесь с одним из вас, и я ухожу. Мне хватит того, что у меня уже есть.

— Но нам этого не хватит! — яростно крикнул Доббс.— Тебе, твоим старым костям, хватит этого на те полгода, которые ты еще протянешь. А нам нет. И если ты хочешь увильнуть до того, как мы здесь все выщелочим, мы найдем зацепочку, чтобы тебя удержать.

— Оставь свои детские выходки, старый хрыч,— вмешался тут и Куртин.— Мы догоним тебя не более как через четыре часа, если ты захочешь уползти. Знаешь ли, что мы тогда с тобой сделаем?

— Могу себе представить, мерзавец,— иронически протянул Говард.

— Ты не можешь себе этого представить,— сказал Куртин и ухмыльнулся.— Мы отнимем у тебя твой песочек и привяжем тебя к дереву надежно и не торопясь, а затем уйдем оба, без тебя. Убьем тебя, как ты, может, думаешь? Нет этого не будет.

— Конечно, не будет,— ответил Говард.— Для этого вы слишком благочестивы. Я бы омрачал вашу детскую совесть. Привязать и бросить одного. Подумать только! Вы действительно не стоите того, чтобы даже плюнуть на вас. И вы казались такими славными парнями, когда я вас встретил там внизу, в городе.

Некоторое время все молчали. Затем Доббс сказал:

— Это ведь все ерунда, о чем мы здесь говорим. Но, черт побери, если много месяцев не видишь других лиц и мы всегда должны здесь торчать вместе, то становишься ненавистным сам себе. Мне кажется, что так бывает с супружескими парами. Сначала они не могут пробыть друг без друга и получаса, а как только они начинают жить все время вместе и никто из них не говорит ничего нового, а другому известно каждое слово, которое он слышал уже сто раз, то они, отплевываясь, мечтают отравиться. Это я знаю от своей сестры. Сначала она хотела утопиться, так как не могла его заполучить, а когда какое-то время она была с ним, то хотела утопиться, чтобы больше его не видеть. Теперь она в разводе и хочет попробовать брак с другим.

— Как думаешь, Говард, сколько стоит то, что у нас сейчас есть? — спросил неожиданно Куртин.

Старик задумался. Затем он сказал:

— Точно я сейчас ответить не могу. Мы ведь получаем золото не вполне чистым. Там всегда есть примеси других металлов. Но я думаю, что каждый из нас заработал четырнадцать-шестнадцать тысяч долларов.

— Тогда у меня есть предложение,— сказал Доббс,— поработать здесь еще шесть недель, затем свернуть лагерь и уехать.

— Я согласен,— проронил Куртин.

— Больше, пожалуй, нам и нечего будет здесь делать,— подытожил Говард.— Если я не ошибаюсь, то через четыре недели слой станет уже таким тонким, что игра не будет стоить свеч. Вы заметили, что десятью шагами выше места, где мы теперь разрабатываем русло, меняется состав земли? Там больше нет песка. Либо река в этом месте падала сверху на гору, или она выходила из горы. Этого теперь не увидишь. Там, определенно, был сдвиг горы, и с тех пор река пошла по другому пути, или источники и вытекающие в реку ручьи сместились.

В лагере снова установились мир и согласие. Такая злобная ссора, как последняя, не повторилась. Видна стала точная цель: определенный день, в который они решили свернуть лагерь. И это так существенно изменило их настроение и поведение, что они сами не могли понять, как вообще могли возникнуть такие споры и ссоры.

Они были заняты тем, что планировали, как бы им незаметно уйти и в сохранности унести свою добычу, где осесть затем и как употребить полученную прибыль. Это постоянное планирование придавало их разговорам другое направление. Они жили уже предвосхищением, как поселятся снова в каком-то городе, что означало между прочим блага цивилизации. И зная, что все здесь ненадолго, они почувствовали себя легко и просто, их более не раздражали привычки друг друга.

Они не видели более в этих привычках ничего уродливого, ничего такого, что бы доводило другого до ярости, а наоборот, стали снисходительны друг к другу. Если теперь один из них долго и упорно скреб в голове и затем бездумно рассматривал, что он выцарапал под ногтями, как будто это было нечто съедобное, то за этим не следовало злобного

замечания. Кто-то, имевший свои дурные привычки, говорил улыбаясь: «Кусаюг, Куртхен? Подожди, сейчас изжарится мясо, и ты тогда не будешь интересоваться этой несъедобной гадостью». На что Куртин также со смехом отвечал: «Хорошо, что ты мне об этом напомнил, я же должен избавиться от этой проклятой привычки, а то меня выкинут из отеля вообще».

И чем ближе надвигался день, в который они наметили свернуть лагерь, тем лучше они стали относиться друг к другу. Говард и Доббс говорили даже уже о том, не сотрудничать ли им в дальнейшем, не открыть ли в Монтерре или Тампико кинотеатр и вместе в нем хозяйничать. Доббс мог бы стать художественным руководителем, закупать ленты, руководить демонстрацией фильмов, писать программы и следить за музыкой; в то время как Говард должен будет вести деловые отношения: кассу, наем помещения, выдавать зарплату, следить за рекламой, ремонтом и украшением кинотеатра.

Куртину было сложнее. Он не мог решить, остаться ли ему в Мексике или вернуться в Штаты. Однажды он проговорился о том, что у него есть что-то вроде невесты в Сан-Антонио, в Техасе. Но это его, казалось, не очень трогало. Вероятно, он вел себя так, чтобы его имя не очень-то связывали с этой невестой. О женщинах в лагере вообще говорили редко, а если уж говорили, то в отрицательном тоне. Почему, наконец, нужно себя мучить такими вопросами. В отрицательном смысле говорят обычно о вещах, которыми нельзя завладеть. Довольно трудно было бы представить этих мужчин обнимающими женщин или девушек. Речь могла идти лишь о какой-то женщине, убежавшей от мужа, лодыря и пьяницы. Приличная

девушка лучше утопилась бы в болотном «окне», чем связалась с таким мужчиной, как они. Во всяком случае, в их теперешнем состоянии, если учесть, как вели они себя, как выглядели и каким образом выражали свои мысли.

Золото, которое блестит на пальце красивой элегантной женщины или в короне короля, должно по крайней мере уже побывать в каком-нибудь примечательном обществе, хотя там оно чаще купается в крови, чем в мыльной воде. Во всех случаях корона из цветов и венок из листьев более благородного происхождения. Недолговечность цветочной короны по сравнению с долговечностью золотой — понятие относительное.

Х

Куртин был в деревенской лавочке — тиенде и закупал провиант. Это была последняя закупка, которой должно было хватить до их отъезда.

— Ты что торчал там так долго? — спросил Говард, когда Куртин спешился, чтобы развьючить осла.

— Я только-только хотел оседлать осла и ехать тебе навстречу, — вмешался Доббс. — Мы думали, с тобой что-то случилось. Ведь ты, собственно говоря, должен был вернуться самое позднее в два часа.

Куртин ничего не ответил, а продолжал разгружать осла и принес мешки к костру. Затем он уселся, набил себе трубку, взял табак из мешка, разделил его поровну и наконец сказал:

— Я должен был сделать чертовски длинные объезды. Там внизу, в деревне, околачивается какой-то парень, говорит, что из Аризоны.

— Что ему здесь нужно? — спросил Доббс.

— Это бы и я охотно узнал, — ответил Куртин. —

Но индейцы только говорят, что он уже здесь несколько дней и рыскает вокруг. Он спрашивает у людей, есть ли здесь разработки либо золота, либо серебра. На это индейцы ему объяснили, что рудников здесь нет, как нет и золота и серебра, вообще ничего; они едва могут прокормиться плетением циновок и изготовлением глиняных горшков. Но тут ему сказал этот идиотский осел из лавочки, что где-то в горах здесь копошатся американцы, охотники за дикими зверями. Он ведь не знает, что вы тоже здесь. Он знает только меня. Так я, во всяком случае, думаю. И тут он ему сказал, что я время от времени являюсь, чтобы закупить провиант, и что, вероятно, буду здесь на этой неделе. И этот тип из Аризоны сказал, что хочет меня подождать.

— И эта дерьмовая скотина и вправду ждала?

— Да, это было так. Когда я появился там внизу, он сразу же напал на меня с расспросами, что я здесь делаю, есть ли чем поживиться, нет ли здесь золотых приисков, и прочая такая чепуха. Я был немногословен и едва отвечал.

— Ты ему, надеюсь, наплел всякой нелепицы? — спросил Доббс.

— Да. Если я вообще отвечал, то я ему выдавал чистую чушь. Но это все не помогло. Он нацелился точно ехать со мной в лагерь. Он считал, что здесь вокруг должно быть золото, он видел это по руслам высохших рек, по немывтому песку и по обломкам, которые отломились от гор там, наверху, и свалились вниз.

— Это великий человек, — сказал Говард, — если он может решить по таким признакам, что здесь должно быть золото.

— Ничего он не знает, этот парень, — вмешался Доббс. — Это шпион. Либо шпион правительства из-за налогов, или шпион бандитов, которые хотят нас

обчистить на обратном пути. Если они даже не помышляют о золоте, то у нас есть ослы, инструменты и одежда, ножи, револьверы и меха, как они предполагают. Это все ценные вещи. Имеет смысл совершить нападение.

— Нет, — сказал Куртин, — я не думаю, что он шпион. Я полагаю, что он действительно золотоискатель.

— Есть ли у него снаряжение для добычи золота? — спросил Говард.

— Я не видел ничего похожего. У него есть мул, на котором он ездит верхом, одеяло, котелок для кофе, сковорода и мешок, где валяется еще какое-то тряпье. Это все.

— Голыми пальцами он не сможет выцарапать золото, — сказал Доббс. — Возможно, у него украли инструмент, или ему пришлось его продать. Но что нам делать с этим лягавым?

Куртин почесал в голове и хотел затем рассмотреть кончики ногтей. Но он заметил, что Говард и Доббс также уставились на его ногти, и опустил руку; он снова подумал о том, что никогда больше так делать не будет. Доббс и Говард, однако, на этот раз вовсе не из-за того посмотрели на его ногти, чтобы напомнить ему, что через несколько дней, на обратном пути, он очутится в цивилизованном обществе. Они просто бездумно следили за его старинной привычкой. Нельзя, правда, сказать, что это была полная бездумность. Их мысли были всецело заняты этим таинственным парнем из Аризоны, и у них было неясное предчувствие, что если Куртин будет, как обычно, рассматривать свои ногти, то прояснится тайна, окутывающая того парня.

Куртин уставился на огонь. Затем он сказал:

— Я не мог ничего из него выудить. Он выглядит

так, будто он послан правительством, а может, и бандитами. Выглядит он вполне невинно, будто все, что он говорит, действительно так и есть. Но он уже чем-то связан с нами, хоть Доббс и считает, что это не так. Он следовал за мной. Он спросил сначала, может ли он поехать со мной в лагерь. Я запретил ему. Тогда он поехал за мной. Я остановился и подождал его. Я сказал ему, чтобы он убирался ко всем чертям и не приставал ко мне больше. «Я и не пристаю,— сказал он на это,— я просто хочу пару дней побыть не одному, я уже схожу с ума, все время блуждая среди гор и всегда встречаясь только с этими индейцами. Я просто хочу немного поговорить и посидеть с белым парнем у костра. Потом я снова уйду». На это я ему сказал, чтобы он поискал другого товарища, я не хочу с ним иметь ничего общего. Я не мог обозвать его бродягой, он мог мне тем же ответить, так мы и выйдем.

— Где же он теперь? — спросил Говард.

— Надеюсь, он еще не здесь? — сказал Доббс и оглянулся.

— Не думаю,— ответил Куртин.— Я делал всевозможные обходы и петлял, как мог, в кустарнике. Но когда просматривалась местами дорога, я видел, что он на правильном пути. Если бы я шел пешком, я бы его полностью увел в сторону. Ну а попробуй-ка это сделать, когда у тебя два осла. Ведь только нужно, чтобы он знал, что здесь, в горах, кто-то хозяйничает, и если он знает направление даже относительно, то не сегодня, завтра он должен наткнуться на нас. Так оно точно и будет. Вопрос только в том, что нам делать с этим парнем, когда он вынырнет здесь? В его присутствии мы не можем идти в рудник.

— Плохо дело, очень плохо,— сказал Говард.— Если бы это был индеец, то было бы не так страшно. Он бы не остался, он вернулся бы в свою деревню к семье. Ну а этот парень прилипнет, как лейкопластырь. Он сразу пронюхает, что тут пахнет жареным. Иначе почему здесь собралось сразу трое белых? Здесь, в горах? Мы можем ему только рассказать, что мы убийцы и разбойники, которые скрываются от закона. Но если он уйдет, то появится целый полк солдат, и тогда прости-прощай наши прекрасные планы на будущее. И если офицер этих солдат поверит рассказам об убийцах-разбойниках, он прикажет расстрелять нас тут же на месте, чтобы мы уж точно не убежали.

— Все очень просто,— сказал на это Доббс.— С парнем мы быстро управимся. Когда он придет, мы ему скажем, чтобы он сейчас же убирался из этой местности и что если мы его еще раз увидим здесь, вблизи, то как следует нафаршируем свинцом.

— Это было бы чистым ослоумием,— вставил Говард.— Он пойдет затем вниз, будет болтать там внизу всякие глупости, встретит, быть может, полевою жандармерию, и получится, что мы крепко дали маху, сидим в дерьме по уши. Ты можешь еще ему сказать, что мы каторжники, сбежавшие со святой Марии.

— Ладно, итак, остается лишь одно,— Доббс был полон решимости.— Как только он придет, придушим его, и дело с концом. Или привяжем его к дереву там, напротив, и обдерем как липку. Тогда наступит покой.

Некоторое время все молча обдумывали это предложение. Говард встал приглядеть за картошкой, неслыханным лакомством, потыкал в нее ножом, снова сел и сказал:

— Задушить его было бы глупостью. Он, скорее всего, ни в чем не виновный пентюх, который предпочитает бродить по белу свету и благодарить творца за то, что он может от души радоваться всему, что его окружает, вместо того, чтобы надрываться на нефтяных участках или на рудниках за дерьмовую плату. Удушить такого бродяжку было бы преступлением.

— Но мы ведь не знаем, не виноват ли он ни в чем или просто жулик,— запротестовал Доббс.

— Это можно выяснить,— сказал Говард.

— Хотел бы я знать как? — Доббс все более убеждался в том, что его план лучше всего.— Мы закопаем его, и никто не найдет. Если эти, внизу, скажут, что видели, как он поднимался в горы, мы не видели его — и дело с концом. Мы можем также столкнуть его в пропасть. Он мог ведь и сам туда свалиться.

— Ты сделаешь это? — спросил Говард.

— Почему я? Мы можем тянуть жребий, кому это сделать.

Старик ухмыльнулся:

— Да, и тот, кто это сделает, должен будет всю оставшуюся жизнь ползать на брюхе перед теми двумя, кто это видел. Это все так хорошо, если ты один. А если дела обстоят так, как сейчас, то я говорю: «Нет!»

— Я тоже говорю: «Нет!», — наконец вмешался снова в разговор Куртин.— Это слишком дорого будет стоить, слишком глупо. Мы должны найти другой выход.

— Ты-то вообще полностью уверен, что он следовал за тобой и поднимется сюда? — спросил Говард.

Куртин посмотрел себе под ноги и раздумчиво сказал:

— Я вполне убежден в том, что он придет и нас найдет. У него был такой вид, что...— Куртин поднял глаза, посмотрел на небольшой просвет в кустарнике и сказал устало:— Да вот он стоит.

Ни старик, ни Доббс не спросили: «Где?» Они были так ошарашены, что даже не выругались. Они проследили за взглядом Куртина и в сумерках надвигающейся ночи в неясном свете лагерного костра увидели чужака. Он держал в руке повод от своего мула. Стоял тихо-тихо, даже не сказал обычного: «Алло!». Не крикнул «Как поживаете?» и не сказал «Добрый вечер!». Он просто стоял и ждал. Стоял, как голодающий, который слишком горд, чтобы попросить милостыню.

Когда Куртин рассказывал о парне, которого он видел там внизу, в деревне, каждый из двух слушателей создал себе определенный образ этого человека. Как Говард, так и Доббс, представляли его себе совершенно другим. Доббс воображал мужчину с грубыми полуживотными чертами лица, бандита, который живет карманными кражами, и которого не отпугнет и убийство, если оно необходимо, чтобы обезопасить его жизнь или принести лучшую добычу.

Говард, напротив, представлял себе чужака обычным золотоискателем, сильным, закаленным, с лицом, как выделанная кожа, с руками, как высушенные древесные корни; не боящимся опасностей, не ведающим препятствий, не брезгающим никакими средствами, с сознанием и всеми мыслями, направленными на единственную цель: найти золото и добывать его во что бы то ни стало. Он представлял его себе как очень честного золотоискателя, хорошего склада, который никогда не пойдет на преступление и может решиться на убийство

лишь тогда, когда речь пойдет о защите своего рудника или своей добычи.

И вот теперь оба были ошеломлены. Чужак не укладывался в рамки представлений ни Доббса, ни Говарда. Он выглядел совсем иначе. То, что он был таким иным, чем представляли, и то, что он явился гораздо раньше, чем его ждали, и был вот здесь перед глазами, было причиной, что никто не сказал ни слова, не издал ни возгласа удивления.

Чужой все еще тихо стоял в узкой просеке, которая вела через кустарник к лагерю. Он был так же ошеломлен, как и трое мужчин, сидевших у костра. Он ожидал здесь увидеть только одного человека, Куртина, а, к своему удивлению, увидел троих. Мул вынюхивал что-то в кустах. Затем он почувал, видимо, ослов и начал кричать. Он издал только один вопль. И еще в середине вопля внезапно замолк, будто испугался молчания, которое царило у людей.

Трое так и не находили слов, они не следили ни за костром, ни за едой, варившейся над костром. Они все еще молча таращились на чужака и, казалось бы, ожидали, что он скажет или сделает, но он не двигался.

Тут встал Доббс и медленными шагами подошел к парню, вторгшемуся в их владения. Он хотел грубо, резко спросить его, что ему здесь нужно, как он сюда попал, кто он, наконец. Но когда он подошел вплотную, он только сказал: «Алло!». Чужой также ответил «Алло». У Доббса руки были в карманах. Он не знал, что ему еще сказать. Затем выдал наконец: «Присаживайтесь к костру». «Спасибо», — кратко ответил чужой. Он подошел поближе, снял с мула старое седло с обоими выюками, стреножил ему передние ноги, похлопал его по кру-

пу, и мул рысцой направился туда, где паслись ослы.

— Добрый вечер, — поздоровался он и присел к костру. Только Говард откликнулся.

— Как дела?

— Хм! — произнес пришелец.

Куртин помешал бобы и слил картофель. Говард поворачивал мясо на вертеле, Доббс, который еще не присаживался, мелко наколот дрова и подбросил в костер.

— Я понимаю, что я здесь нежеланный гость, — сказал чужак.

— Я ведь достаточно четко разъяснил вам это там, внизу, — Куртин не поднимал глаз, говоря это.

— Я не могу все время торчать у этих индейцев. Я бы охотно вспомнил, как выглядят настоящие люди.

— Тогда убирайтесь к ним и полюбуйтеесь на них... — Говард был достаточно невежлив. — Мы тоже не знаем, какие они там.

— И нам это совсем неинтересно, — пробрюзжал Доббс. — У нас другие заботы. Эти другие заботы — это вы. Мы никак не можем вам что-либо здесь поручить, даже разжечь огонь. Лучше всего вам завтра утром рано подняться и убираться отсюда. А то мы можем стать очень неприятными.

Пришелец ничего не сказал на это. Он сидел тихо и наблюдал, как эти трое занимаются приготовлением ужина. Когда все было готово, Куртин сказал:

— Садитесь поближе и ешьте. Сегодня и на вас хватит. Что завтра будет, посмотрим.

Ужин прошел в молчании. Если кто-то и говорил, то это касалось только еды: что мясо не прожарилось или бобы слишком твердые, а картошка

водянистая. Чужой не поддерживал разговор. Он лишь немного поел.

Когда ужин закончился, трое закурили свои трубки.

— Есть у вас табак? — спросил Доббс.

— Да,— сказал этот человек спокойно и стал сворачивать себе сигарету. Те трое, чтобы не сидеть молча и одновременно отвлечь внимание незнакомца и сбить его со следа, заговорили об охоте. Но так как охотой они не занимались, то их речи звучали весьма неубедительно. У них было ощущение, что чужак больше разбирается в охоте, в мехах и во всем, что с этим связано, чем они. Из-за этого они почувствовали себя неуверенно и повели разговор о том, что пора сворачивать лагерь и подаваться в другую область, где больше крупной дичи.

— Это вообще не место для охоты,— вмешался вдруг чужак, когда возникла долгая пауза в разговоре.— Но здесь хорошее место для добычи золота. Здесь есть золото. Я это заметил уже несколько дней тому назад по старым высохшим руслам рек, которые спускаются здесь по отрогам гор.

— Здесь нет золота,— ответил Доббс.— Мы уже достаточно долго здесь находимся, чтобы знать это. Мы бы тоже охотнее копались бы в золотом дерьме, чем охотились. Но здесь не работа, а ерунда,— сказал он с ироническим смешком.— Детская постирушка. Мы тоже не вчера родились и можем отличить золотые слитки от голышей. Ваши советы никому не нужны.

Он встал и пошел к палатке, чтобы улечься спать. Никто ничего не добавил к сказанному, и чужак, казалось, не обратил внимания на невежливый тон Доббса. Возможно, он привык к такому стилю беседы.

Говард зевнул и потянулся. Куртин выбил свою трубку. Затем эти двое встали друг за другом и медленно пошли к палатке. Пришелец свистнул, и вскоре, выбрасывая вперед спутанные ноги, трусцой прискакал его мул. Он пошел ему навстречу, похлопал его дружески по холке, что-то сказал ему, шлепнул его легонько и пустил его снова пастись.

Затем он подложил дров в костер, уселся перед ним и стал что-то бурчать про себя. Наконец он снова встал и подошел к своим вьюкам. Он взял один из мешков, вытащил одеяло и вернулся к костру. Затем завернулся в одеяло, головой лег на тюк, протянул ноги к костру и заснул.

В палатке начался разговор. Палатка была довольно далеко от костра, так, что чужак не мог бы ничего понять. Разговаривали вполголоса, но тем не менее очень резко.

— Я, однако, за то,— сказал Доббс,— чтобы снять с нас эту обузу каким-либо образом.

— До сих пор ведь мы не знаем, что он такое.— Старик говорил это успокаивающе.— Он выглядит вполне невинно. Я не думаю, что он шпион. Непохоже вроде. Он бы не приехал тогда один, и такой заморенный. Я думаю, что у него есть что-то на совести. Кто-то гонится за ним из-за какого-то дела.

— Можно затеять с ним ссору,— сказал Куртин,— и тогда придется дать ему пару затрещин, чтобы он убирался.

— Это довольно забавно,— сказал Говард.— Но не стоящее это дело. Поганое.

— Дерьмово так, дерьмово иначе! — Доббс расвирипел.— Мы должны от него избавиться и все! Его же вовремя предупредили.

Они поговорили еще немного, но все выходило одинаково: он должен уйти, а план его убийства имеет недостатки. С тем они и заснули.

На следующее утро в очень плохом настроении они встретились у костра. Чужак уже наготовил дров и раздул пламя. Он наполнил свой котелок водой и приладил его над костром. Доббс выпалил вместо приветствия:

— Милый друг, откуда же ты взял воду?

— Я зачерпнул из ведра.

— Так. Значит, зачерпнул из ведра. Это очень мило с твоей стороны. Но ты не воображай, что мы будем тебя обслуживать и таскать для тебя воду.

— Этого я вовсе не требую, я пойду и снова принесу полное ведро.

Когда он говорил это, как раз подошел к костру Куртин, пожалуй, еще в худшем настроении, чем Доббс. Он тоже обратился к чужаку на ты:

— Украсть воду? Стибрить наши дрова? Что ты себе думаешь? Только попробуй дотронуться до чего-то еще раз и получишь тут же заряд свинца. Закон буша.

— Я думал, что я нахожусь среди порядочных людей, которые позволят мне взять глоток воды.

К нему тут же подскочил Доббс:

— Что, что ты сказал, ты, зараза? Мы непорядочные люди? Может, бандиты? — И он двинул кулаком ему в лицо. Чужак упал навзничь. Медленно-медленно он поднялся.

— Я бы мог тебе также как следует врезать. Но что я могу сделать с вами тремя? Вы ведь только этого и ждете, чтобы я ввязался, чтобы меня, вроде по праву, отколотить. Но я этого не сделаю. Я не дурак. Может, придет время, и мы сочтемся.

Говард, который подошел к костру, спокойно спросил:

— У тебя есть еда, чужак?

— У меня есть мешочек с чаем, есть также бобы, рис и две банки молока.

— Кофе можешь пить с нами. И есть тоже. Сегодня. С завтрашнего дня тебе придется самому о себе заботиться.

— Спасибо,— ответил чужак.

— Завтра?— спросил Доббс. Его ярость после удара, который он успешно нанес нахалу, значительно поутихла.— Завтра? Ну-ка послушай, ты здесь намерен надолго обосноваться?

— Я думаю, да,— спокойно ответил пришелец.

Тут заорал Куртин:

— Устроиться здесь? Но только с нашего позволения.

— Буш и горы открыты для всех, кто придет.

— Ну это вовсе не так, парень,— сказал на это Говард.— Свободны и горы, и буш, и джунгли внизу, и пустыня там, позади. Все это так. Но мы первые здесь, а первый имеет право на территорию, которую занял.

— Это правильно. Но, спрашивается, вы ли здесь первые? Может, я был еще раньше здесь, прежде еще, чем вы подумали здесь расположиться.

— Ты зарегистрировал свое право на этот участок?

— У вас ведь тоже нет бумаг.

— Я спрашиваю тебя потому, что в данный момент здесь стоим мы. Ты, если даже это правда, что ты тут был, ничего здесь не застолбил и покинул это место, тем самым потеряв на него все права.

Чужак промолчал. Трое занялись приготовлением завтрака. Они не спешили, потому что не знали, что им делать после завтрака. Пойти работать они не могли, ведь посторонний мог увидеть разработку. Идти на охоту, чтобы сбить со следа чужака, им тоже не хотелось.

Одному следовало остаться в лагере, чтобы помешать чужаку шарить вокруг и наткнуться на рудник. Но если здесь останется кто-то один, чужак может его побороть. Оставался только один выход. Двое смогут потайной тропой пройти к руднику и там работать в то время, как третий останется, чтобы наблюдать за чужаком. Но чужак не будет же сидеть сложа руки, а будет шастать кругом. Если тот, что остался с ним, попробует ему это запретить, то это, точно, пробудит в нем подозрения, что здесь происходит нечто таинственное.

В конце концов Куртин нашел выход.

— Мы оба пойдем после завтрака на охоту,— сказал он чужаку.— Сможем раздобыть немного мяса.

Чужак посмотрел на остальных, будто по их лицам смог бы прочесть цель этого предложения. Одному идти с этим типом на охоту? Это давало тому преимущество: он мог оставить его в буше и так убрать с дороги. Ладно, сказал он себе, если они захотят его устранить, они смогут это сделать. Повод всегда найдется.

— Сегодня я могу пойти с тобой на охоту,— сказал он,— чтобы у нас был запас. Но завтра у меня будет мало времени.

— Почему? — одновременно спросили все трое и удивленно посмотрели на него.

— Завтра я начну искать здесь золото. И если вы его не нашли, то это служит доказательством тому, что вы слегка чокнутые.

Это взбесило старика, и он выпалил:

— А если мы не совсем такие тупоумные, как ты думаешь? Если мы нашли здесь золото?

— Это было бы вполне естественно,— сказал чужак.— Но вы его не нашли. Или, если вы и нашли что-то, то не более чем две пригоршни, так, поцарапали чуть-чуть поверхность. Здесь, однако, есть пласты, именно где-то здесь. Тут зарыто не менее миллиона.

— Миллион? — спросил Говард, вытаращив глаза. Доббс и Куртин от волнения вообще не смогли сказать ни слова.

— Вы не напали на богатый слой, это я знаю,— спокойно продолжал незнакомец. — Я знаю, что вот уже скоро год, как вы здесь. Индейцы внизу мне сказали о том, что здесь живет уже давно какой-то человек. Если бы вы напали на золотую жилу, то все остальное показалось бы чепухой на постном масле, кроме того, что вы не сумели бы это золото вывезти, чтобы это не бросалось в глаза. Пришлось бы устроить оформленный рудник с лицензией, машинами и персоналом из двух или трех дюжин людей.

— У нас здесь нет ничего, совсем ничего,— сказал Доббс.

— Вы можете меня считать кем угодно, но я не ребенок. И если три человека здесь живут так или иначе много месяцев подряд, то делают это вряд ли для собственного удовольствия. Я думаю, что нам нужно быть откровенными друг с другом и открыть карты. Что даст нам игра в прятки? Я не стервец, я, по крайней мере, такой же приличный человек, как и вы. Я не желаю быть лучше вас. Мы все хотим выиграть что-то, как здесь в буше, так и в каком-либо городе. Вы, конечно, можете попробовать убраться меня с пути, это я твердо знаю. Но это мо-

жет случиться и где-то в другом месте, с совсем другими людьми. Я должен рискнуть. Неужели же мы должны быть не совсем откровенны?

— Разрешите нам все же посоветоваться,— сказал Говард.

— Ладно, Говард,— вмешался Доббс.— Я придерживаюсь мнения, что надо дать ему возможность доказать, что он не шпион и, вообще, не держит камня за пазухой.

И тут он обратился непосредственно к чужаку:

— Мы ведь не можем заглянуть тебе в нутро: подлец ты или абсолютно чист перед нами. Да, это правда, у нас позади несколько месяцев мучений, настоящих мучений, можешь поверить. Конечно, если мы не объединимся с тобой, ты сможешь причинить нам много хлопот. Чего это будет стоить? наших напрасных усилий и лишений. Но я могу тебя заверить, мы найдем тебя, даже если ты спрячешься за Гудзоновым заливом. Мы настигнем тебя, и тогда не жди пощады. Так что говори, чего ты хочешь и что предлагаешь?

Чужак допил свой кофе и затем сказал:

— Я все с самого начала честно вам рассказал. Я сказал вам, что здесь есть золото и что я прибыл его добывать.

— Что же дальше? — спросил Куртин.

— Ничего дальше,— ответил чужак.

— Хорошо. Красиво и хорошо,— проронил Говард.— Что, однако, если мы здесь и нашли какую-нибудь чепуху? Ты ведь не думаешь, что мы с тобой поделимся? Мы достаточно потрудились. Ну ладно, вот и правда вышла наружу. Да, мы кое-что нашли и скоро будем свертываться.

Чужак незамедлительно откликнулся:

— Это только начало. Если вы заговорили откровенно, то и я буду с вами откровенен, и мы ре-

шим, как нам объединиться. Вот сразу для начала: на это место я имею право. Подождите только, не кипятитесь. У меня, конечно, нет права, которое бы подтверждалось письменно, нет лицензии и ничего такого. Мое право основано на том, что я знаю нечто, что неизвестно вам. Это лучше, чем самая прекрасная лицензия за семью печатями. Вы ничего не нашли, равным счетом ничего. Несколько крупниц, быть может, которые можете спокойно оставить себе.

— Так мы и сделаем, можешь земли нажраться, то, что у нас есть, мы не отдадим,— сказал Куртин.

— Дело обстоит так.— Чужак говорил очень медленно.— Одному мне не справиться с тем, что я задумал. Мне нужны люди, и я подумал, что вы больше всего для этого подходите. Вы также заинтересованы в том, чтобы соблюдать до поры до времени тайну, как и я. У вас инструменты, а у меня их нет. Я бы мог то, что я знаю, продать какому-либо акционерному обществу. Но мне едва дадут за это какую-то сотню долларов. Люди хотят осязательных доказательств. Я могу их показать только здесь. У меня есть веские основания не подымать шумиху, ибо может возникнуть кто-нибудь с так называемыми правами. Я вношу предложение: что у вас есть, оставьте себе. С того, что с сегодняшнего дня мы будем получать, работая по моему плану, я беру две пятых.

Трое переглянулись и расхохотались. Затем Говард сказал:

— Всякие завиральные идеи мы можем тоже выдать, милый мальчик, и всякие байки можем рассказывать друг другу. Как вы думаете? — обратился он к товарищам.

Доббс сказал:

— Так на так. Мы уже собрались кончать. Мы ничего не теряем, если мы задержимся на пару дней.

— Я тоже думаю, мы ничего не теряем, и, если там действительно что-то есть, почему бы не попробовать, раз мы уже здесь,— высказался Куртин.

— Я не согласен,— сказал старик.— Это все бандитские истории, с меня хватит дикарского образа жизни. Я хочу снова почувствовать настоящую постель под задницей. Мне хочется растянуться. Но, конечно, если вы решили поработать с ним, и мне придется. Один я не могу добрых две недели пробираться через буш и шкандыбать по пустыне.

— Постой-ка, старина, — сказал Куртин, — у меня тоже нет никакого желания терять зря время. Меня кое-кто ждет. Давай посмотрим с недельку. Если за эту неделю мы получим подтверждение песенке, которую распевает наша птичка, тогда все правильно и мы сможем подумать, стоит ли игра свеч. Если в течение недели не будет результатов, тогда я уйду с тобой, старина. Все с этим согласны?

Они сказали «да», и чужак получил слово, чтобы вкратце изложить свои планы.

— Как тебя вообще-то зовут, парень? — спросил Говард.

— Лакауд,— ответил тот,— Роберт Лакауд, из Аризоны.

— В родстве с Лакаудами из Лос-Анджелеса, мебель? — спросил Говард.

— Да, со стороны дедушки. Но я никаких отношений с ними не поддерживаю. Мы смертельные враги, и если бы мы убедились в том, что они попадают в рай, то сожгли бы несколько церквей, чтобы попасть в ад, лишь бы только не быть с ними вместе. Но я не беспокоюсь, они не попадут в рай, эти потомственные жулики.

— Тогда тебе нужно всячески стараться, чтобы тебя взяли в рай, — засмеялся Доббс, — такому, какой ты сейчас есть, тебе не избежать встречи с твоими родственниками.

— Может и избежать, — сказал Куртин, — если я правильно информирован, там имеются различные отделения для кипения, и он сможет заранее дать заявку, чтобы его не окунали именно в тот котел, где варятся другие достойные члены его славного семейства. Это всегда можно уладить, у дежурного черта тоже ведь есть сердце, иначе как бы ему иметь столько юмора и быть всегда в хорошем настроении.

Говард встал присмотреть за ослами, чтобы они не ушли слишком далеко. При этом он взобрался на расположенный повыше отрог скалы, чтобы обозревать всю местность.

— Алло! — вдруг громко закричал он.

— Что случилось? — откликнулись одновременно Доббс и Куртин. — Ослы ушли?

— Идите скорей сюда, черт побери, быстрее!

Оба вскочили и побежали к нему. Лакауд тоже поспешил за ними.

— Что это там, кто подвигается к нашей горе? — снова завопил старик. — Может, вы лучше разглядите.

— Это солдаты или конная полевая полиция, — сказал Доббс и сразу же добавил: — Эй, ты, подлец, ты, гнусный тип! — Он повернулся к Лакауду. — Вот ты каков! Быстро все открылось.

Он мгновенно выхватил револьвер и направил его на Лакауда.

Но Говард, стоявший за ним, опустил его руку.

— Ты заблуждаешься, — сказал Лакауд, который, увидев движение Доббса, сильно побледнел. —

У меня нет ничего общего ни с солдатами, ни с полицией.

— Послушай, малыш,— сказал Говард Лакауду.— Не пудри нам мозги. Если они ищут тебя, то убирайся, и немедленно. Покажись им, но мы не желаем, чтобы сюда подымалась полиция. Марш вниз и стань им на пути, не то мы тебя столкнем прямо им в пасть. Нам они здесь ни к чему.

Куртин забрался немного выше остальных и долго внимательно смотрел вниз.

— Немного терпения, ребята,— сказал он.— Я думаю, что это не солдаты. Это и не полиция. Они разномастно одеты, и у них разнокалиберные ружья. Если я правильно рассмотрел, у одного из них длинная винтовка, которой вполне может быть сто лет. Я знаю теперь, кто это. Это бандиты.

— Будь оно проклято,— воскликнул Говард,— мы попали из огня да в полымя. Бандиты для нас в десять раз хуже, чем конная полиция. Речь здесь пойдет о жизни и смерти. Если бы нас схватила полиция, то, так как мы никакого преступления не совершали, только не платили налога, мы смогли бы столковаться. Но с бандитами нужно ухо держать востро.— Тут ему как будто стукнуло в голову, и он обратился к Лакауду:

— Да, сынок, наконец нам стало все ясно. Это ты направил к нам бандитов. Бандитский шпион. Итак, я подозревал тебя не напрасно.

— Я ничем не связан с бандитами,— сказал Лакауд.— Дайте я сам посмотрю.

Он взобрался к Куртину, некоторое время пристально вглядывался и тогда сказал:

— Это бандиты. Я теперь знаю, какие это бандиты. Я слышал о них на гасиенде сеньора Гомеса. У него была газета с описанием. Я вижу там одного в позолоченной бронзой соломенной шляпе, о

которой упоминалось в описании. Он куражится и не поменял шляпу. Он определенно не знает, что его шляпа дана в приметах. Они не смотрят газет, да и не могут их прочитать. Это самые отъявленные бандиты, с которыми страшно иметь дело.

И в то время, как все четверо смотрели с высоты на передвижения бандитов и ждали, завернут ли всадники на тропу, которая, вероятнее всего, приведет их сюда, на гору, Лакауд рассказывал, что он прочитал в газете о тех бандитах и что говорили люди на гасиенде об этом. Хотя большинство индейцев и индейских рабочих на гасиенде не умеют прочесть даже газету, все равно их устные рассказы распространяются с быстротой степного пожара.

XII

— На маленькой железнодорожной станции, где ночной поезд останавливается на две минуты, чтобы отдать и принять почту и высадить или посадить двух или трех пассажиров, на этот раз село двадцать или двадцать пять человек. Было что-то около семи или восьми часов, но темень стояла непроглядная.

Никогда еще не случалось такого, чтобы на этой маленькой станции садилось столько народу, но ни начальник станции, ни персонал поезда не задумывались над этим. Это могли быть мужчины, которые ехали куда-то на ярмарку, или бастовавшие рабочие с рудников, или те, кто хотел поискать в районах рудников новую работу.

Все они были метисы, в больших соломенных шляпах, в штанах и рубашках, и обуты в сандалии или ботинки. Все завернулись в свои одеяла, ночь была прохладной. Так как с наступлением темноты

на маленьких станциях не продавали билетов, они сели без билетов, которые могли купить в поезде. На станции было темно, хоть глаз выколи; только у начальника станции был фонарь, а также у проводников, которые быстро пробежали вдоль поезда, и поэтому никто не видел в лицо новых пассажиров, да еще и потому, что, как здесь принято, они до носа были закутаны в свои одеяла. Все они сели в первый вагон второго класса, который располагался сразу же за багажным вагоном. В этом вагоне второго класса сидели, как обычно, двенадцать солдат с офицером, все с заряженными винтовками, чтобы защищать поезд от бандитов.

Большинство осталось в первом вагоне второго класса, а некоторые перешли из этого вагона, когда поезд тронулся, во второй вагон второго класса, вероятно, для того, чтобы занять лучшие места. Оба вагона второго класса были плотно заполнены фермерами, мелкими лавочниками и индейцами, которые везли свои товары в ближайший городок. За двумя вагонами второго класса следовал вагон первого класса, в котором также было много народу, а последним был спальный пульмановский вагон.

Поезд скоро набрал ход. До ближайшей станции оставалось около двадцати минут. Когда поезд был на полном ходу, а проводники были заняты продажей билетов вновь прибывшим пассажирам, последние заняли места в дверях, вблизи которых они стояли с самого начала, будто бы высматривая лучшие места.

Одновременно, не говоря ни слова, без всякого предупреждения они достали из-под своих одеял обрезы и револьверы и открыли беглый огонь. В основном они стреляли в солдат, у которых винтовки стояли между колен или даже прислоненные к

стенке; или стреляли в тех, кто читал буквари, чтобы научиться грамоте, либо в тех, кто жевал, ужиная, или в тех, кто задремал.

Стрельба продолжалась какие-то секунды; солдаты лежали в крови, большинство были убиты, некоторые еще хрипели, были при смерти. Поездная прислуга была перебита или смертельно ранена и валялась на полу или на полках. Двадцать пассажиров получили пули, некоторые были убиты, другие истекали кровью от страшных ран. Грудные дети у материнской груди, женщины и дети истекали кровью и умирали в этом ужасном клубке. Мужчины и женщины бросались на колени и молили о пощаде. Матери поднимали своих плачущих детей, чтобы пробудить сострадание у бандитов, некоторые предлагали свои жалкие ценности, как выкуп за свою жизнь. Но бандиты стреляли и стреляли.

Потом они начали грабить и брали все, что казалось им чем-то ценным. Часть бандитов пошла в первый класс и бесчинствовала там, не стреляя. Часы и золотые сумочки, кольца и серьги, цепочки и браслеты — когда добыча казалась слишком незначительной, помогал удар под ребра револьвером или обрезом, так что виновный быстро спохватывался, что у него есть несколько золотых в левом кармане брюк и бриллиантовое кольцо в чемодане.

Затем дошла очередь до спального вагона, пассажиров согнали с постелей и у них отобрали все их движимое имущество. Поезд все это время продолжал мчаться своим путем. Быть может, машинист не слышал стрельбы, или он слышал, но надеялся так быстро домчаться до следующей станции, что бандиты не сумеют спрыгнуть.

Но бандиты опять пошли вперед, через оба вагона второго класса, где паника пассажиров, когда

они вернулись, была неопиcуемой. Разбойников ничто не тревожило. Они через переход прошли в багажный вагон, вскрыли чемоданы и сбросили их вниз, чтобы потом за ними прийти. Они убили проводника багажного вагона и на ходу поезда по крыше добрались до почтового вагона, где убили обоих проводников и перерыли все мешки с почтой.

Между тем машинист услышал, что не все в порядке, или он увидел, как несколько бандитов перебираются из почтового вагона уже на тендер. Станция была еще далеко, и он не мог туда доехать. Он резко рванул на себя рычаг, и поезд, казалось, хрустнул, так внезапно он остановился.

Кочегар сразу же соскочил и пытался скрыться в чаще в конце железнодорожной насыпи. Но, изрешеченный двенадцатью пулями, он скорчился и скатился с насыпи. Прежде, чем машинист успел спрыгнуть, четыре человека забрались на локомотив и задержали его, но не застрелили. В вагоне-экспрессе бандиты обнаружили бесчисленное количество канистр с керосином и газOLIном, которые шли экспрессом для какой-то гасиенды. Этими жидкостями бандиты облили вагоны, плеснули через разбитые стекла газOLIн и стали бросать в вагоны горящие спички. В черной ночи взрывами стало пробиваться пламя. С криками, стопами пассажиры, как потерявшие рассудок, стали рваться из закрытых вагонов, пытаясь выбраться через окна. Они толпились у окон, а когда им удавалось протиснуться, то они падали с высоты на насыпь обожженные, опаленные, ломая конечности, в полумертвом состоянии. Кто был слишком тяжело ранен и кому в этой панике никто не подал руки, чтобы выбраться наружу, должен был в муках сгореть заживо.

Впереди, на локомотиве, стояли два бандита, которые приставили свои револьверы к машинисту и приказали ему отцепить локомотив и двинуться вперед вместе со всеми бандитами, сгрудившимися на тендере, и ехать до приказа остановиться. И локомотив тронулся, оставив горящий состав и людей, освещенных зловещим пламенем, и в этом страшном освещении, обезумев от страха, боли и горя, метались люди, жестикулируя с криком, воплями, молитвами, пытаясь вызволить оставшихся из моря пламени. Все вместе заняло не более семи минут, и станция, к которой направлялся локомотив, была еще далеко.

Внезапно один из бандитов приказал остановиться. Локомотив остановился, и ехавшие спрыгнули. Последний из них пристрелил машиниста и ногой сбросил его с насыпи. Затем он отправился вслед за товарищами. Спустя некоторое время машинист очнулся от беспамятства. Из последних сил он взобрался на насыпь и влез на локомотив.

Несмотря на боль и боязнь, хотя он каждую минуту рисковал жизнью, он вел свой локомотив все дальше. Он довел его до станции. Начальник станции очень удивился, увидев одинокий паровоз, без состава, о котором давно уже сообщила предыдущая станция; когда он подошел к паровозу, он увидел истекающего кровью машиниста. С помощью пассажиров, дожидавшихся ночного поезда, он перенес машиниста в станционную будку, и здесь умирающий железнодорожник успел рассказать самое главное о варварском нападении.

Начальник станции срочно телеграфировал в оба конца. Он получил ответ, и ему велели послать срочно поезд на помощь оставшимся людям. Здесь, на станции, стоял товарный поезд, который

должен был пропустить пассажирский состав. Два пустых товарных вагона прицепили к локомотиву от этого поезда, и первый спасательный состав был готов. Но кто же его поведет, кто будет сопровождать? Бандиты определенно были еще на том отрезке пути, чтобы подобрать все, что они побросали из поезда. Они бы сразу напали на спасательный поезд, чтобы сохранить всю свою добычу. Вероятно, они уже успели разъединить рельсы на стыках и блокировать колеи.

Начальник станции сказал:

— Лучше мы подождем большого спасательного поезда, на котором обязательно будет войсковое подразделение.

Но машинист товарного поезда тотчас возразил ему:

— Я еду! Там в крови лежат женщины и дети, там лежат мои товарищи, и некоторым, вероятно, можно еще помочь. Я поведу поезд. Кочегар, а как ты?

Тогда кочегар сказал:

— Я поеду на паровозе пассажирского поезда впереди вас, как охранение. Ты следуешь на расстоянии пятисот метров, и у тебя будет достаточно времени остановить твой поезд, когда я на переднем локомотиве загремлю с насыпи, если рельсы там сняты.

Паровоз тронулся, один из смазчиков вскочил на него в качестве кочегара, и паровоз двинулся задним ходом.

Маленький спасательный поезд был между тем в полной готовности, и все проводники товарного поезда, хотя у всех были дети и жены, вскочили в этот состав. Вскочили и некоторые из ожидавших на станции пассажиров, и поезд ринулся в ночь.

Передовой локомотив нашел, что рельсы в по-

рядке. Ничего не было заблокировано. Но когда они приблизились к месту происшествия, они попали под беглый огонь.

Бандиты вблизи от места, где они вынудили машиниста остановить локомотив, укрыли своих лошадей. Все были заняты тем, что подбирали добычу. А те, кто стоял здесь с лошадьми, сразу открыли огонь по паровозу, препятствуя его продвижению, чтобы он не мешал остальным бандитам подбирать награбленное.

Кочегара ранило в ногу, его помощник получил пулевое касательное ранение возле уха. Но они рванулись вперед, просигналив поезду, что путь в порядке. Спасательный поезд также встретили выстрелами. Но у некоторых железнодорожников также были револьверы, и они ответили на огонь. Бандиты в темноте не могли разглядеть, было ли в неосвещенных вагонах воинское подразделение. Им показалось, что было. Они поспешили к лошадям, бросив все, что не успели распотрошить. Они вскочили на коней и умчались в чащу джунглей в направлении горного хребта.

Железнодорожники спасательного поезда погрузили с помощью здоровых пассажиров всех мертвых и раненых в поезд и поехали со своим печальным грузом обратно на станцию. Туда же прибыла телеграмма, что в пути санитарный поезд, который, однако, не может прибыть ранее утра. Были еще телеграммы от правительства и ближайших гарнизонов. Правительство телеграфировало, что все подразделения конной полевой полиции соседних районов уже на марше, мобилизовано четыре кавалерийских полка федеральной армии и еще до рассвета они будут переброшены к месту нападения специальными поездами, чтобы начать преследование бандитов.

Найти иголку в стогу сена нелегко. Но если ее необходимо найти, то это можно сделать, даже если стог очень большой. По математическим законам можно доказать, что ее следует найти, и рассчитать, когда и где ее найдут. Но найти бандитов, которые гораздо лучше знают дороги в джунглях, можно сказать, знают их превосходно, а их преследователи почти совсем не знают... Так вот, бандиты, пройдя сквозь джунгли, выходят к горной цепи — мексиканскому высокогорью, и найти их труднее, чем иголку в самом высоком стогу.

Правда, солдаты ведь большей частью из индейцев. Это уже кое-что значит. Они знают также, где к определенному времени находились бандиты, на каком именно отрезке пути между двумя известными станциями, и довольно скоро офицеры высчитали, что бандиты разбились на мелкие группы и разошлись в разных направлениях. Иголка в стогу была таким образом разломана на мелкие кусочки. Приблизительно сделанные описания бандитов были по телеграфу сообщены по всем окрестностям.

Однако любой из упомянутых в описаниях может спокойно промчаться через индейскую деревню, солдаты могут встретиться ему на пути, они могут его подозревать, но если у него ничего нет в карманах, в сумках и на теле, что бы напоминало о нападении на поезд, то к чему описание? У бандита всегда наготове алиби. В ту ночь он был в двадцати километрах от места нападения и спал под деревом у шоссе на Халхигьют. Что это не так, никто ему доказать не сможет.

В это время одно из подразделений федеральной кавалерии проезжало через Гуазамоту. Перед хижиной сидят на корточках два метиса, закутанные в свои одеяла, и курят. Солдаты спокойно проезжают мимо. Один из метисов встает и хочет зай-

ти за хижину. Но второй подает ему знак, и он возвращается и снова усаживается на корточки рядом.

Подразделение уже проехало мимо. Но офицер обернулся и дал команду остановиться. Ему хочется пить, и он подъехал к какой-то хижине. Напившись, он переехал на другую сторону улицы и спешил. Здесь на корточках сидели оба курильщика.

— Вы живете в этой деревне? — спросил офицер.

— Нет, мы живем не здесь, сеньор.

— Откуда же вы?

— Наш дом в Комитале.

— Ладно, — сказал офицер и вдел ногу в стремя. Он собирается сесть в седло и ускакать со своим эскадроном. Он немного устал, конь пляшет под ним, он никак не может попасть в другое стремя. Одному из метисов пришлось встать, так как конь топчется чуть ли не на его ноге. Он подходит ближе и берется за стремя, чтобы помочь офицеру. Одежда сползает с его плеч. Офицер снова стоит обеими ногами на земле.

— Что у вас там в брючном кармане? — спрашивает он у вставшего метиса.

Метис осматривает себя и смотрит на брючный карман, который довольно заметно оттопыривается. Он полуоборачивается, будто хочет опять отойти к хижине, будто собирается улизнуть. Затем, посмотрев на солдат и офицера, он вынимает изо рта сигарету, сильно выдыхает дым и улыбается.

Одним сильным рывком офицер хватает его за открытый ворот и левой рукой, одновременно — за карман.

Второй метис также встал с места, но только передернул плечами, будто ему надоело, что нарушают его покой, и будто он хочет найти местечко,

где он сможет продолжать курить, сидя спокойно на корточках.

Сержант и два солдата спешили так, чтобы оба метиса не могли улизнуть. Офицер отпустил ворот рубашки и стал рассматривать то, что он нашел в кармане. Это было хорошее, круглое, довольно дорогое кожаное портмоне. Офицер засмеялся, засмеялся и метис.

Офицер открывает портмоне и сыпает содержимое в ладонь. Денег мало, немного золотых, большие серебряные монеты — всего около двадцати пяти песо.

— Это ваши деньги? — спрашивает офицер.

— Конечно, мои.

— Это много денег. Вы бы смогли купить себе новую рубаху.

— Именно это я хочу сделать завтра, я собираюсь в город.

Но в портмоне есть еще билет первого класса в Терреон. Этот метис никак не мог ехать первым классом. Кроме того, на билете дата дня нападения. Обыскали и второго человека. У него тоже есть деньги, но без кошелька, просто в кармане. Но у него еще нашли в часовом кармане брюк бриллиантовое кольцо. По знаку сержанта все солдаты соскочили с коней.

— Где же ваши лошади?

— Они стоят там сзади, — говорит первый метис, насыпает табак на листок бумаги, затягивает зубами кисет и скручивает себе новую сигарету. Он не нервничает и не уронил ни крошки табака. Спокойно, с улыбкой он зажигает сигарету и закуривает, в то время как сержант обыскивает все его карманы. Привели лошадей обоих метисов и осмотрели. Жалкие седла, недорогая уздечка и развернутое лассо.

— Где револьверы? — спросил офицер.

— Там, где стояли лошади.

Сержант пошел туда, пошуровал носком сапога по земле и нашел револьвер и старый пистолет.

— Как же вас зовут?

Оба человека сказали свои имена. Офицер записал эти имена и все, что он нашел.

Постепенно стали подходить жители деревни. Офицер спросил одного парня:

— Где же здесь церковный погост?

Офицер с солдатами и оба метиса посреди последовали за парнем, который показывал дорогу на погост. Вслед за ними шли деревенские жители, мужчины и дети, и женщины с младенцами на руках.

Достигнув погоста, солдаты пошли в угол, достали лопаты, и оба метиса начали рыть себе ямы. Офицер курит, солдаты курят и болтают с жителями деревни. Когда ямы были достаточно глубоки, оба метиса сели отдохнуть. Они снова скрутили себе по сигарете, и через пару минут офицер сказал: «Если хотите, можете теперь помолиться». Офицер послал шесть человек, которые стали в шеренгу. Оба метиса совершенно спокойны, они не нервничают, не испуганы. Они крестятся, что-то бормочут, снова крестятся и закуривают снова. Затем они становятся рядом, не дожидаясь команды.

Офицер кричит: «Готовьсь!»

Оба бандита делают еще несколько затяжек, потом бросают сигареты. После того как ямы были закопаны, офицер и солдаты сняли головные уборы, постояли немного молча, снова надели свои кепи, покинули церковный погост, сели на коней и умчались.

Зачем государству ненужные расходы, когда конечная цель одинакова?

Другое кавалерийское подразделение заметило в гористой местности восемь верховых, примерно в нескольких километрах впереди. Они, казалось, увидели солдат, так как перешли на рысь и вскоре пропали из виду. Офицер помчался за ними со своими солдатами, но не мог понять, куда, собственно, делись всадники. Отпечатков подков на песчаной дороге было так много и они были так разбросаны, что офицер растерялся, не зная, какому следу отдать предпочтение. Он решил пойти по тем следам, которые показались ему наиболее свежими.

Спустя несколько часов солдаты остановились у заброшенной гасиенды. Солдаты въехали на просторный двор и спешили, чтобы немного передохнуть. Владелец гасиенды вышел к ним, и офицер спросил, не видел ли он нескольких всадников. Хозяин сказал, что здесь никого не было, иначе он бы это знал. На это офицер заявил, что он должен обыскать гасиенду, на что владелец сказал, пусть делает, что хочет. С тем он и ушел в дом, а когда солдаты подошли к дому поближе, на них со всех сторон обрушился шквальный огонь. Один солдат был убит и четверо ранены к тому времени, когда они, отступая, достигли ворот.

Гасиенда — это большое поместье. Она окружена толстой высокой каменной стеной и является маленькой крепостью.

Солдаты вытащили своих убитых и раненых. Как только они вышли за пределы гасиенды, ворота закрыли и стрельба продолжалась со стены.

Начался честный бой, который кончается только полным уничтожением одной из сторон либо когда кончаются боеприпасы. Осажденным нечего было терять, в любом случае, их расстреляют. Защита — это единственное, что может изменить их положение.

Офицер велит прежде всего отвести лошадей подальше, чтобы их не достигли выстрелы. Бандиты не тратят ни одной пули на коней, пока их отводят, у них нет на это боеприпасов.

Солдатам приходилось туго. Гасиенда расположена на равнине среди пашен и пастбищ. Умереть с голода бандитам не придется. Подождать артиллерии считали позором как офицер, так и его люди. Оставалось одно — атаковать. Гасиенда представляет собой прямоугольник. И со всех четырех сторон атаковало по одному отряду. Это хорошо соответствует тактике ведения боя. Солдаты делают короткие перебежки, падают, открывают огонь, чтобы дать возможность сделать перебежку другому отряду. Стену им не взять, они направляют атаку на двое ворот. Одни впереди, вторые в задней стене. После трехчасового боя офицер приманивает осажденных к передним воротам, а пока приказывает взять задние ворота, которые защищают только трое бандитов. Но так легко бандиты не сдаются. Во дворе, а затем и в доме снова разгорается небольшое сражение. Лишь далеко за полдень солдаты становятся бесспорными хозяевами гасиенды. У них четверо убитых, двое тяжело раненных и девять с легкими ранениями. В доме они нашли не только тех восьмерых, которые скакали на лошадях и потом скрылись с глаз, но и нескольких других грабителей поезда.

Семеро мертвых, пятеро раненых, которых тут же пристрелили. Среди мертвецов хозяин гасиенды, о котором не знаешь, что и подумать — то ли он сам бандит, то ли бандиты вынудили его под страхом смерти не выдавать их.

Дворовые слуги спрятались, и теперь они выходят. Они ничего не знают обо всем этом. Это точно. Семья владельца гасиенды поехала в гости в

столицу. В платье убитых и расстрелянных солдаты нашли уйму вещей, которые были награблены при нападении на поезд.

Так постепенно отлавливали бандитов. Порознь и группами. Но поймать их всех за короткое время трудно. И чем больше времени пройдет, пока их всех поймают, тем реже попадают последние из них. Эти, непоиманные, завершают дни своей жизни, конечно, не в созерцательном покое.

— А вы, — окончил свой рассказ Лакауд, — вы вполне верите, что я мог иметь что-то общее с этими бандитами, которые совершили такое страшное преступление, как нападение на поезд?

— Тогда нам будет не до смеха, если эти поднимутся наверх, — сказал Говард. — Итак, вопрос о доверии вроде решен.

— Значит, эти парни, там внизу, вероятно, те последние, о которых ты говоришь, — сказал Доббс.

— Да, я тоже так думаю. В рассказе упоминалось, что один из них был в позолоченной соломенной шляпе и что его считают главарем, наиболее жестоким из всех.

— Да, тогда нам будет не до смеха, когда они поднимутся сюда, — присоединился Куртин. — Но я их больше не вижу.

— Ты и не можешь их видеть, они теперь у развилки, — сказал Доббс. — Когда они минуют развилку, то окажутся там, где нам будет их видно, и мы посмотрим, станут ли они подниматься или пройдут низом вдоль скалистой долины.

ХIII

Они сидели на скале, уставившись вниз на дорогу, чтобы увидеть каждого всадника, который покажется за развилкой.

— Сколько же ты насчитал? — спросил Говард.

— Десять или двенадцать, — ответил Куртин.

— Так много бандитов не могло же остаться, судя по твоему рассказу, — сказал Говард Лакау-ду.

— Конечно нет. Большую часть уже схватили. Но те четыре или пять оставшихся могли встретить других и объединиться в новую банду, которая предпримет что-то новое.

— Я думаю, что Боб прав. И если это так и они поднимутся сюда, тогда нам придется туго. Им нужны револьверы и патроны.

— Ты ведь знаешь деревню и людей там, внизу, — обратился к Куртину Говард. — Возможно, эти парни внизу в деревне искали револьверы, и индейцы в страхе сказали, что ты здесь, наверху, что у тебя должно быть ружье, так как ты охотник.

— Черт побери, а ведь ты прав. Так оно и было. Тогда они, на всякий случай, решили прийти сюда, чтобы взять ружье.

— Лучше не теряя времени взяться за дело, — сказал Доббс. — Куртин, тебе лучше остаться здесь, у тебя острое зрение, и ты сможешь заметить, идут ли они. Мы займемся делом вплотную.

Они тотчас же поймали ослов, привели их в чашу с другой стороны скалы и крепко там привязали. Затем они принесли свое оружие, два ведра воды и пакеты с сухарями и сложили в глубокой балке у подножья скалы. Эта балка хорошо подходила для обороны, так как их нельзя было атаковать с тыла, а также обойти сзади, причем перед ними расстилался выкорчеванный участок, на котором видно было любое движение атакующих и где каждого нападающего легко было взять на мушку.

— У нас было бы достаточно времени, — сказал Куртин во время этих приготовлений, — чтобы за-

браться за скалу, там спрятаться в балку и обождать, пока они снова уйдут.

— Эх ты, телок,— сказал Доббс,— тогда ведь они подойдут к руднику, и нам будет не подойти, чтобы взять нашу добычу, которую мы там спрятали.

— Я не видел здесь никаких разработок,— сказал Лакауд.

— Конечно, нет,— отозвался Доббс.— Мы теперь должны открыть карты. Конечно, у нас есть здесь рудник. Пока мы удержимся на этом месте, им его не найти. Но если мы просто спрячемся, они начнут искать Куртина и его ружье, и тогда, естественно, они выйдут на рудник рано или поздно. Все это вытаскать не хватит времени, и отсюда мы не можем уйти, пока кто-то находится у рудника, не можем, значит, забрать свое добро домой. Мы должны все время быть около этого участка и не можем с ними разминуться. Мы должны держаться до последнего. Даже если они совсем не знают, что у нас здесь кое-что есть, они нас полностью разденут, не оставят даже сапог. И мы можем тогда здесь подохнуть, и все.

— Это так,— подтвердил Говард.— Если бы у нас был другой выход из положения, я бы не хотел дойти до самого серьезного. Мы вынуждены, и этим все сказано!

— Они повернули. Они поднимаются! — закричал Куртин и спрыгнул с уступа.— Ну-ка, быстрее за дело, и сделаем все чисто.

— Что скажешь, как долго они должны идти до этого места? Ты ведь знаешь эту дорогу лучше всех,— спросил Говард.

— Это продолжится ровно пятьдесят минут. Затем они будут здесь. Если они пойдут без лошадей

и знают, где спрямить дорогу, то они смогут быть здесь и десятью минутами ранее.

— Ты уверен, вполне уверен, что они поднимаются? — спросил Доббс.

— После того как они завернули сюда, им просто некуда идти. Они должны подняться. Тут больше некуда податься. Нет дорог.

— Но они ведь могут опять повернуть, назад?

— Конечно, могут, но лучше не ждать этого.

— Давайте сложим палатку, — посоветовал Доббс. — Тогда они не сразу заметят, что здесь больше, чем один человек. Она выглядит так, будто нас бог весть как много.

Палатку сложили и отнесли в балку. Затем они выкопали бойницы, чтобы, не высывая головы, можно было бы обзирать местность. Они выработывали еще план обороны, как вдруг их сердца учащенно забились, так как они услышали голоса с последней извилины дороги.

Через несколько минут неизвестные вышли из буша и подошли к краю открытой местности. Лошадей они, видимо, оставили за последним поворотом дороги, так как для лошадей самым трудным был именно последний отрезок пути. Но, возможно, они оставили лошадей совсем по другой причине. Их было семеро, еще трое либо остались с лошадьми, или стояли где-то наблюдателями. Все были вооружены. У каждого был револьвер, а у некоторых еще и ружья. У всех были традиционные сомбреро и пестрые платки на шее, в остальном же они были в порядке потрепанной одежды. Только у двоих были сандалии, двое были босиком, у одного на одной ноге была кожаная галоша; и в то время как нога в галоше была обута еще в шнурованный желтый ботинок, на второй ноге был черный резиновый сапог. Ни у одного из них не было полно-

стью целой рубахи, но зато у некоторых были кожаные пиджаки, а у троих — длинные, до лодыжек, тесно облегающие кожаные коричневые штаны. Но у всех были патронташи, а у иных даже по несколько. У некоторых через плечо были наброшены одеяла. Вероятно, одеяла других, как и сумки с продуктами, оставили возле лошадей.

Когда они вступили на поляну, которая сзади была ограничена отвесной скалой, а с остальных сторон, наряду с деревьями, была окружена густым, казалось бы, непроходимым бушем и тернистым кустарником, они с любопытством огляделись. Казалось, они ожидали чего-то совершенно иного, чем увидели. То, что здесь совсем недавно был разбит лагерь, было им ясно. Еще валялись кругом поленья, места кострищ были очень свежими, пустые консервные банки, черепки разбитой глиняной посуды, обрывки газет и бумаги были разбросаны кругом, и еще было четко ограниченное невыгоревшее место, где стояла палатка. Поляна представляла собой неправильный четырехугольник примерно шестидесяти шагов в длину, который становился все больше, потому что с боковых опушек все время брали дрова для костра. И по свежесрубленным деревьям было видно, что это обжитое место, покинутое очень недавно.

Люди собрались группой и закурили. Некоторые присели на корточки, а остальные переговаривались стоя. Мужчина в золотисто-бронзовом соломенном сомбреро, казалось, был главарем, так как все смотрели на него, когда он говорил.

Разговор становился все громче, потому что люди начали рассредотачиваться и беседовали на все большем расстоянии друг от друга. Так, в балке могли слышать почти все их разговоры и руко-

водствоваться этим. Может, бандиты, отдохнув, уберутся отсюда, и наконец-то настанет покой?

Хотя отдельные бандиты, перемещаясь, доходили до боковых границ поляны, пожалуй, не стоило опасаться, что они легко найдут дорогу к разработке, так как Доббс и Куртин в последний момент до появления бандитов очень удачно замаскировали ее и, пока колючий кустарник не засохнет и не завянет, дорога к руднику была надежно замаскирована.

Наконец после долгих переговоров бандиты, казалось бы, пришли к единому мнению. Они говорили так громко и жестикулировали при этом так ожесточенно, что осажденные быстро поняли, что задумали бандиты. Они решили на некоторое время разбить здесь свою главную квартиру, пока дело об ограблении поезда слегка не заглохнет и солдаты займутся поисками в более дальних районах.

Место показалось им очень удачно выбранным. Немного ниже этого участка они нашли воду, траву для лошадей они, вероятно, также найдут поблизости, а овощи можно будет украсть на полях, внизу, когда больше не захочется дичи. Они нашли место, откуда можно было рассматривать дороги в долине, и если действительно появятся солдаты, то можно будет своевременно убраться, если через некоторое время не найдется запасной обратной дороги. Потому что, если солдаты займут дорогу, очутишься здесь в ловушке.

За короткое время они действительно хорошо разведали это место. Им нужно было только разглядеть запасную обратную дорогу, это уж как им посчастливится, если не прямо отсюда сверху, тогда откуда-нибудь снизу, может, вблизи источника.

— Я как раз подумал, — сказал Говард Куртину, — что мы были настоящими ослами, что не подползли к руднику. Но теперь я вижу, что это было бы самым глупым, что мы могли сделать. Потому что, если бы они спохватились, они бы быстро нас выследили у рудника. Самое лучшее это то, что мы сделали сейчас.

— Что же нам теперь делать, если они здесь устроят свою главную квартиру, этого я совершенно не представляю, — прошептал Доббс. — Об этом никто из нас не подумал. Я лично считал, что они придут и снова уйдут.

— Подождем немного, — сказал Лакауд, — может, они снова изменят планы и уйдут.

— Я предлагаю, — посоветовал Говард, — распределиться вдоль всей балки. Если они будут здесь рыскать, то не следует всем скопиться в одну точку, нас так перестреляют, как кроликов. Они ведь думают, что здесь, наверху, один человек, а если мы на них нападём с разных сторон, они могут смешаться, отступить и уйти.

Говард и Лакауд заняли две крайних точки балки. У каждого было хорошее охотничье ружье. Куртин и Доббс так расположились в центре балки, что обоих одновременно человек, стоявший вблизи, видеть не мог.

Бандиты кучкой уселись на корточки на поляне, недалеко от узкого ее конца. Они курили, говорили и смеялись; двое растянулись на земле и заснули или задремали. Один из бандитов пошел к лошадям, чтобы сказать там часовому, что решили остаться здесь и что там, ниже, нужно будет подыскать пастбище для лошадей. Другого послали на наблюдательный пункт, чтобы заодно осмотреть долину. Всем, кто затаился в балке, пришла в голову мысль, что это самый удобный случай: отлич-

но взять на мушку оставшихся пять парней и перестрелять. Если затем пять оставшихся прибегут на помощь, то и их из надежного укрытия можно было бы убрать и таким образом избавиться от всей компании. И каждый злился, что такой план не успели обдумать своевременно. Убийством этого не назовешь, ведь это не люди, а изверги.

Доббс все больше и больше вдумывался в эту мысль и наконец не мог больше сдержаться. Он пополз к Говарду, ближайшему из всех.

— О том же сейчас думал и я,— сказал старик.— Но при этом все мертвые парни валялись бы вокруг нас.

— Мы ведь их похороним,— прошелестел Доббс.

— Конечно. Но я не хочу устраивать погост там, где нам придется пробыть еще несколько недель. Кладбище необходимо, но это не значит, что оно должно быть у тебя под окном. А так я вполне с тобой согласен: один из них, с рожей в оспинах, выглядит так отвратно, что порядочный человек должен отстраниться от него, если придется в церкви сесть рядом.

— С ним-то ты в церкви не встретишься.

— Как раз там. Как раз с ним и с этой бандой убийц. Клянусь тебе, что именно такие вешают серебряные ножки и ручки у подножья святой девы из Гваделупы или Сан-Антонио. Они ползут на коленях от церковной двери к алтарю и трижды вокруг всех четырех стен. Поди-ка поползай рядом — у них у всех образок или монетка на шее. Нынешнее правительство в Мексике уж точно знает, почему так заигрывает с церковью. Люди здесь в десять раз суевернее, чем самые черные язычники в Центральной Африке. Они... но смотри-ка, парень, что надо здесь этому? Он же идет прямо сюда! Бегом на место!

И действительно один из пришлых притащился к балке, как раз туда, где сидел Куртин. Он не смотрел перед собой, а, задрав голову, рассматривал скалистую стену по всей ее длине. Он, казалось бы, искал там возможность для отхода. А может, ему взбрело на ум, что «гринго», которого они здесь ищут, притаился где-то наверху или что там у него есть еще тропа в долину, потому что они его и не встретили на пути сюда. Бандит увидел, что там не может быть пешеходной тропинки, все было как бы замуровано сплошной скалой. Он свистнул и повернулся, чтобы опять вернуться. При этом он посмотрел вниз и заметил балку. Он подумал, что это как раз тот путь, который вызволит всех. Посмотрев еще раз и подойдя поближе к краю балки, он увидел Куртина.

Куртин все время тоже рассматривал его, поэтому его не застало врасплох, что бандит вплотную навис над ним.

— Карамба! — воскликнул бандит, повернулся лицом к товарищам и громко крикнул им: — Подите сюда! Здесь в своем гнездышке сидит птичка и насиживает яички.— Он громко рассмеялся. Остальные вскочили и с удивлением подошли ближе.

Когда они были на полпути, Куртин закричал: — Стоять, бандиты, я стреляю!

Бандиты сразу остановились. Они не посмели схватиться за револьверы. Они еще не сообразили, что произошло.

Тот, кто первым увидел Куртина, стоял, подняв обе руки вверх, а затем, также с поднятыми руками, двинулся к середине поляны, где стояли остальные. Все стихло на минуту-другую, затем пришлые стали возбужденно и торопливо переговариваться.

Наконец их предводитель слегка выступил вперед и сказал:

— Мы не бандиты, мы из полиции. Мы ищем бандитов.

Куртин слегка приподнял голову.

— Где же у вас жетоны? Если вы из полиции, то у вас должен быть хоть один жетон. Предъявите-ка его!

— Жетон? — переспросил тот. — У меня нет жетона. Мне его и не нужно. И не нужно ничего предъявлять. Выходите. Мы хотим с вами поговорить.

— Вы можете и оттуда со мной переговорить. Мне вполне слышно, и я понимаю, о чем вы говорите.

— Мы вас арестуем. Вы здесь охотитесь, а лицензии на охоту у вас нет. Мы посадим вас в тюрьму и заберем у вас револьвер и ваше ружье.

Куртин в ответ рассмеялся.

— Где ваш жетон? Имеете ли вы право носить оружие? У вас ведь нет жетона, и вы не из федеральной полиции, а также не из государственной. Вы не имеете права меня арестовать.

— Послушайте, сеньор, — сказал тот, кто вел переговоры, и подошел на шаг ближе, — мы не арестуем вас. Дайте нам только ваш револьвер и патроны.

Он подошел еще на шаг, и остальные вслед за ним.

— Ни шагу дальше, — крикнул Куртин, — иначе я стреляю, говорю я вам!

— Нельзя ли повежливей, сеньор? Мы ведь не хотим причинить вам зла, нам нужен только револьвер.

— Мне он нужен самому..

— Бросьте эту железку сюда, к нам, и мы не будем больше вас беспокоить и уйдем своей дорогой, — крикнул кто-то из приспешников бандита.

— Ничего вы не получите, а теперь убирайтесь.

Куртин поднялся чуть выше, чтобы лучше обозревать местность. Мужчины снова стали совещаться. Они видели, что «гринго» в балке имеет явное преимущество: он был под надежным прикрытием. Как только они приближались, он падал. Прежде чем они достигнут прохода в буш, он успеет выстрелить шесть раз, и если он меткий стрелок, то будет шесть трупов. Поэтому они снова отошли и уселись на землю. Тем временем настало уже десять часов, и они стали подумывать о том, как подогреть свои лепешки, колбаски и вообще то, что они везли с собой из еды. Они развели небольшой костер и сгрудились вокруг него, чтобы приготовить свою скудную трапезу.

Они определенно пришли к убеждению, что «гринго» так или иначе должен попасть в их руки. Он не мог уйти из балки, так как они здесь, перед ним, раскинули свой походный лагерь, так что речь могла идти о двух-трех днях, и осажденному придется сдаться. Ведь ему нужно поспать, и тогда можно будет неожиданно напасть. Они поели, затем улеглись и предались своему послеобеденному сну. Он длился два часа, затем все пробудились и стали разговаривать друг с другом. Они искали, чем занять себя. И тут им пришла в голову мысль, как перехитрить Куртина, взять его в плен,— это поможет им развлечься после обеда. Жертва обычно находит такое времяпрепровождение гораздо менее приятным. До самого пика этой милой коллективной игры в фанты она чаще всего не доживает.

А учатся всему этому люди в церквях, где так много картин и литографий с самыми кровавыми зверствами: верующие видят там скульптуры святых и мучеников с разбитыми головами, телами, напичканными стрелами и копьями; открытые рты, где виден лишь корень окровавленного языка; вы-

рванные сердца, с которых капает кровь и из которых вырывается красное пламя; пробитые гвоздями, залитые кровью руки и ноги; разломанные и разможенные коленные чашечки; спины, исполосованные крючьями, и головы, на которые деревянным молотком прибивают терновые венцы. И перед этими картинами и деревянными фигурами, которые так реалистичны, что содрогаешься от ужаса, когда видишь их, и пробуждаешься в страхе, если они тебе привидятся в кошмарном сне, набожные стоят часами на коленях, лежат, распластав руки и ноги, стонут и всхлипывают, молятся и бормочут и тихонько поют сто, двести, пятьсот раз «Аве Мария». Люди, которые хотят насладиться страданиями своей жертвы, могут и не обладать изобретательностью, им только нужно подражать тому, что они видели с детства в церкви. И они ловко и верно подражают образам, так как все их духовные представления корнями уходят в религию, которую они воспринимают только внешне, через таинственные и загадочные церемонии. Эти люди в страстную неделю видят все ужасающие страсти господни во всех тонкостях, на фигурах в натуральную величину, видят в потрясающей правдивости, как это преподносится всем верующим. Представления воспринимаются не как игра в страсти, а буквально и непосредственно этими достойными жалости людьми, которые дурными властями уже столетия, еще до наших дней, содержатся в плену у суеверий и невежества ради своих неприкрытых интересов. А правительство, которому надо бы в современных условиях сделать что-то на благо этих замученных, несчастных людей, посылает кавалерийские полки, чтобы тех, кто не виновен ни в чем, кроме подражания, схватить и рассматривать, как преступников. Может ли нападение на поезд со-

вершиться с такой неслыханной жестокостью нормальными людьми? Индейцы-язычники Сьерра-Мадре, Оаксасе, Чиапансе и Юкатеа такие зверства совершать не могут. Их совершают метисы и мексиканцы, которые перед преступлением возносят молитвы Матери Божьей и часами преклоняют колени перед Сан-Антонио. Они надеются, что это все поможет им совершить их дело, а после преступления снова на коленях молят Матерь Божию, обещают ей десять стеариновых свечей, чтобы войска не схватили их. Они не ведают преступлений и жестокости, которые они не могли бы совершить. Совесть их всегда чиста: они перекалывают груз своей вины на спины фигур святых, которые, по их мнению, для этого и существуют. И о приятной послеобеденной беседе, которая начинается вполне невинно — с того, что жертве суют горячие угольки в рот, бандиты говорили открыто. Они говорили об этом так ясно и трезво, что Куртин мог понять, что его ожидает.

Один из них вытащил свой револьвер и засунул его под кожаную куртку таким образом, чтобы было незаметно, что оружие на взводе. Куртин не мог заметить этого движения, так как бандита прикрывали другие, но это заметил Лакауд.

Бандиты встали один за другим, потянулись и снова собрались посреди площади.

— Послушайте, сеньор,— крикнул мужчина в золотисто-бронзовом соломенном сомбреро,— давайте поладим друг с другом. Сейчас мы уйдем, здесь нам нечего есть, и мы хотим еще попасть на рынок завтра рано утром. Мы должны сейчас договориться. Дайте нам револьвер. У меня здесь золотые часы на массивной цепочке. Я отдам их за револьвер. Часы стоят сто пятьдесят песо. Это выгодная сделка для вас.

Он вынул часы из кармана штанов и раскачивал их на цепочке.

Куртин снова приподнялся. Он крикнул:

— Оставьте себе ваши часы, а я оставлю себе револьвер. Идете ли вы на рынок или нет, мне безразлично. Но револьвер вы не получите, и точка.

Он подтянулся на руках и хотел снова опуститься. Тогда тот бандит, у которого револьвер под курткой был наготове, прицелился. Он стоял под прикрытием второго, и даже если Куртин его заметил, он не мог увидеть, что оружие на взводе.

Но не успел бандит нажать на спуск, прозвучал выстрел, и револьвер выпал из его руки; он поднял руку высоко-высоко и крикнул:

— Я уже получил заряд!

Когда раздался выстрел, все, ошарашенные, уставились на балку. Они увидели легкое облачко. Но облачко подымалось с левого угла, а не оттуда, где сидел Куртин. Но они не видели ни стрелка, ни оружия. Они были так ошеломлены, что не могли сказать ни слова. Медленно, птясь, они достигли опушки буша. Там они уселись прямо на землю и снова стали совещаться. Осажденные в балке не могли понять, о чем они говорили, но видели, что бандиты были в сильной растерянности. Они боялись, не была ли это полиция в засаде? Тут подошли еще трое, те, кто стояли на посту в буше. Они поторопились прийти, так как услышали выстрел и думали, что нужно будет наступать. Предводитель снова отослал их, так как он считал очень важным, чтобы лошади были наготове.

После того как они некоторое время посовещались, они вдруг громко расхохотались. Поднявшись с земли, продолжая смеяться, снова собрались в центре площадки.

— Эй, сеньор, с нами не стоит выкидывать такие штучки,— крикнул предводитель.— Мы видели, как вы в углу привязали ружье и веревкой дернули за спуск. Но мы не поддаемся на такие уловки.

Бандиты снова развеселились и засмеялись. И одним движением они выхватили револьверы. У каждого был в руке револьвер.

— Выходи, парень, не то мы тебя сами доставим,— крикнул предводитель.— Скоро ли там? Раз, два, три. Ну-ка выходи!

Куртин крикнул в ответ:

— И не подумаю. Сделаете хоть шаг — я стреляю!

— Посмотрим, убудок!

Внезапно все упали на землю и начали с револьверами в руках подползать к тому месту, где сидел Куртин. Но они ползли недолго. Раздалось четыре выстрела с различных мест балки, и двое закричали, что ранены. Раны, определенно, были несерьезными, так как все повернули и поползли обратно к кустарнику.

Здесь они стали совещаться, как быть дальше.

Они поняли, что в балке находится не один, а четыре или даже пять человек. И эти люди, всего вероятней, полицейские. Если это действительно полиция, то им конец, так как полиция не остановится только наверху, она также захватит дорогу и отрежет им путь к отступлению. Оставалось только одно. Нужно принять бой. Но создалось впечатление, что они не хотят начинать, что они выжидают, хотят посмотреть, как поведут себя люди в балке. Они ожидали оттуда атаки. Когда же атака не последовала и из балки не донеслось ни звука, они растерялись и снова стали думать, что этот «гринго» шутит с ними шутки. Если бы это были солдаты, они бы не стали выжидать, они бы напали и

погнали бы бандитов на дорогу, в объятия тех солдат, что стоят там.

Но постовые ничего не сообщили, и, когда один из них поднялся сюда, он покачал головой и сообщил, что внизу нет никаких солдат и шоссе свободно.

Тогда кто-то предложил блокировать людей в балке, солдаты ли это или охотники, это будет лучше всего. Если там несколько человек, то у них порядком оружия, продуктов и всяких полезных вещей; очень много людей там не могло быть, иначе бы они использовали свое преимущество и начали бы прямую атаку в тот момент, когда выстрелы привели людей в замешательство. Четверо в балке получили некоторую передышку, чтобы посоветоваться, так как они увидели, что бандиты пока ничего не собираются предпринимать. Все приползли в тот угол, где сидел Говард, и продумали, что же можно сделать. Они кое-что поели, выпили по кружке воды и доставили себе удовольствие, которое уже давно доставляли себе бандиты — они закурили.

— Если бы только знать, что они задумали! — сказал Куртин.

— Знаем мы это или нет — все едино, — решил Говард. — Мы сможем действовать лишь тогда, когда начнут они!

— Можно выйти отсюда и кинуться на них, — посоветовал Доббс.

— Тут они нас и прихлопнут, — Говард покачал головой и набил трубку. — Теперь они не знают, сколько нас. А тогда они могут разделиться. Эту позицию мы можем удерживать, но на дорогу нам не выйти, там они окажутся у нас в тылу. А здесь мы продержимся, если спокойно останемся в балке. Мы ведь даже не знаем ни о подходе еще какой-нибудь группы.

— Я также думаю, что лучше спокойненько пересидеть в балке,— сказал Лакауд.— Не останутся же они тут навсегда!

— Как же с нашими запасами воды, сала и га-лет?— спросил Куртин.

— Нужно быть экономными, тогда этого должно хватить на три дня.

Тут заревели ослы. Бандиты стали прислушиваться, но потом успокоились. Возможно, это подтверждало их версию о том, что здесь не солдаты— ведь они не ездят на ослах. К ослам не пробраться, пока не захватишь площадку, так что нечего об этом пока и думать.

Говард сказал:

— Нужно устраиваться на ночлег. Они могут предпринять вылазку.

— Не в эту ночь и не в следующую,— ответил Лакауд.— Сейчас полнолуние, и площадка освещена, как днем, я знаю это по прошлой ночи.

— Да, это так,— подтвердил Говард.— Тут нам повезло. На ночь мы разделимся попарно и займем два угла. Один человек может спать, а второй— бодрствовать. Конечно, мне можно и не напоминать об этом, но если часовые оба заснут, то мы все более не проснемся.

Бандиты больше не показывались на площадке. Они укрылись в кустарнике, там слышались их голоса, и видно было, как они перебежали с места на место в колючих зарослях.

— Сейчас самое время, чтобы двое вздремнули,— сказал спустя полчаса Говард.— Днем они больше не будут нас тревожить, это совершенно точно. Я уверен, они придут незадолго до рассвета. Могу поспорить.

Они распределили время сна, и ночь прошла спокойно, не считая робкой вылазки бандитов в су-

мерки. Но когда двое из них показались из кустарника, раздался треск выстрела, после чего бандиты отказались от всяких попыток. Чуть позже луна засияла так ярко, что на площадке можно было заметить даже скользнувшую кошку.

Но в три часа утра Лакауд толкнул Куртина, а Говард крепко пихнул Доббса.

— Не спишь? — спросил Говард.

— Совсем не сплю!

— Там слышно шевеление. Они приближаются. Ползут со всех четырех сторон.

— Здесь, кажется, около десяти человек, — сказал Доббс, посмотрев за край балки.

— Да, они, как видно, решились на все. Надеюсь, что двое наших на том углу не спят. Я хочу тебе сказать, Доббс, как только они дойдут до середины, мы будем стрелять. Поймай их точно на мушку, чтобы они сразу же сообразили, как их хорошо встречают. Если те двое, в противоположном углу, задремали, Куртин ведь сонная муха, то наши выстрелы их тотчас взбодрят. У них тогда хватит времени.

Но еще до того, как нападающие достигли середины площадки, из угла, где сидели Куртин и Лакауд, раздалось два выстрела. Они в свою очередь подумали, что, возможно, нужно разбудить Доббса и Старика, пока бандиты не подошли слишком близко.

Нападающие, однако, не испугались. Они ползли дальше. Кажется, ни в кого не попали, во всяком случае, это не ощущалось. Не слышно было ни проклятий, ни криков.

Теперь выстрелили Доббс и Старик, и один из бандитов выругался: видимо, в него попали. Вероятно, нападающие решили, что теперь выстрелы

кончатся и что это был просто фокус с привязанным ружьем. Кто знает, что они вообще там думали, но ясно было, что они хотят скорей покончить со всем этим. Они проползли еще небольшой отрезок, затем вскочили и побежали, пригнувшись, соблюдая некоторые интервалы, к самому краю балки. Они были теперь удобной мишенью. В троих попали сразу. Двоих ранило в руку, а третий поковылял назад к кустам, потому что его ранило в ногу. Из балки продолжали сыпаться выстрелы, в то время как нападающие не могли пустить в ход свое оружие, так как они не видели никого, в кого можно было целиться.

Они не знали, что там, в этой балке, не попадут ли они в ловушку. И снова упали на землю, что-то крикнули друг другу, начав отползать к бушу.

Вскоре пришло утро, а днем, как известно, гораздо меньше думается об атаке, чем ночью.

Когда четверо золотоискателей снова встретились, чтобы поест, Говард сказал:

— Следующей ночью они снова придут. Вероятно, у них будет уже другой план. Они не собираются отказываться от своей затеи. Они увидели, каким хорошим, защищенным местом является эта балка. Лучшего штаба они себе не могут и представить. А затем наши ружья и все прочее. Мы должны хорошенько подумать, как нам быть.

Однако четверо против десяти, пусть даже обеспеченные хорошим тылом; четверо, у которых рассчитан каждый глоток воды во флягах, против десяти, имеющих хороший доступ как к воде, так и к продуктам, против десяти, к которым может прийти подкрепление — тут мало что придумаешь. И так как всегда нападающий диктует, когда можно спать, а когда бодрствовать, то и в этом у бандитов есть преимущество.

Куртин, стоявший на посту, пока другие завтракали, вдруг крикнул:

— Посмотрите-ка! Что они там делают? Это становится серьезным.

Трое остальных сразу прикинули к амбразурам и увидели, что здесь можно поплатиться головой. Бандиты развели бешеную деятельность. Они рубили сучья и небольшие стволы и делали подвижные укрытия по способу индейцев. Спрятавшись за ними, они спокойно могли придвинуться вплотную к балке и ликвидировать осажденных. Конечно, в балке они обменяются несколькими выстрелами, но конечный результат ясен.

Тут даже и Говарду нечего было сказать. Речь могла идти лишь о том, чтобы в последней рукопашной схватке стараться продать свою жизнь подороже. Кто живым попадет в руки бандитов, тот вряд ли будет плакать от радости.

— Меня только удивляет, почему они раньше до этого не додумались,— сказал Куртин.— Ведь это старые индейские штучки.

— Это требует большой работы,— ответил Говард.

Они все советовались, но так и не сумели придумать то, что могло бы освободить их из проклятого положения, в которое они попали. Возможно только попробовать прорубить просеку в чаще. Но это сразу увидят те, на поляне. Они думали также о руднике, но это был бы лишь минутный выигрыш во времени. Наконец, они опять вернулись к мысли об атаке, хотя было безнадежно думать об успехе: ведь они стояли бы на открытом месте, а те были в чаще и держали на мушке дорогу. И они снова отказались от этой мысли, так как даже Доббс, который яростней всех защищал этот план, увидел, что это беспочвенная глупость.

Если бы только можно было взобраться на отвесную скалу! Но подъем был слишком крутой, и даже попробуй они так сделать в надежде найти прибежище там, наверху, за выдающимся отрогом, вряд ли что-нибудь получилось бы: ночью это невозможно, а днем их легко подстрелят, и они даже не смогут обороняться.

Они больше ничего не могли, как только любоваться теми, напротив,— тем, как они там работают.

В четыре часа пополудни бандиты закончат все, и тогда следует ждать атаки, если они не сочтут лучшим временем наступление темноты. Было около одиннадцати. Бандиты собрались вместе и сели обедать. Они были в хорошем настроении и смеялись... Особым объектом их насмешек являлись те четверо в балке, так как всегда, когда им казалось, что они острят особенно хорошо, все смеялись и оборачивались в сторону балки.

Внезапно послышался возглас:

— Сматываемся, сматываемся поскорее!

Один из часовых взбежал по дороге и бросился к жожаку. Все вскочили и стали собираться в дорогу. Слышно было, что они все время говорят, но речь все удалялась и удалялась.

Затем все стихло, и осажденные не знали, что теперь предпринять.

— Это трюк,— сказал Доббс.— Они теперь делают вид, что они ушли, чтобы мы вышли на дорогу. Там они ждут нас в засаде.

— Невероятно, совершенно невероятно! — пробормотал Говард.— Ты разве не видел, что прибежал очень взволнованный постовой?

— Это и входит в их трюк, чтобы мы подумали, что они быстро собрались и ушли.

Говард, однако, покачал головой.

— Им нечего изображать трюки, с тех пор как они вспомнили индейскую выдумку.

Но Доббса он не убедил.

— Конечно, индейская выдумка хороша. Однако и в этом случае могут быть убитые и раненые. Может, у них туго с патронами? Если они могут нас схватить, не тратя патронов, и без того, чтобы мы истратили свои боеприпасы, которые они уже считают своими, то они были бы слишком глупыми, если бы не попробовали добиться своего таким путем. Не удастся, тогда пригодятся индейские подвижные прикрытия.

— Да, в этом ты, пожалуй, прав.— Поддержал его Говард.— Это они хотят сохранить наши боеприпасы, ведь пойдя они в атаку, мы расстреляем все свои патроны.

Куртин не вмешивался в разговор. Он с предосторожностями прополз по дну балки, а затем взобрался на уступ скалы. Так как бандитов не было видно, а голоса их доносились совсем издалека, он мог себе позволить осмотреться. Он уселся на уступ скалы и смотрел вниз, в долину, довольно долго. Затем крикнул:

— Алло, вылезайте все! Сюда приближается кавалерийский эскадрон. Они пришли за нашими «друзьями».

Остальные также подползли, и все они взобрались на наблюдательный пункт. Оттуда открылась весьма пестрая картина. Солдаты разделились на шесть групп и копошились по всему плато. Они, бесспорно, выяснили, что бандиты должны быть где-то здесь. О зарослях в скалах они пока еще и не думали, так как знали, что бандиты были верхом, и не могли себе представить, что сюда в гору можно подняться с лошадьми.

Лакауд, однако, думал иначе. Он сказал:

— Дело выглядит так, как будто они уже знают, где находятся бандиты. Но они не такие недотепы, чтобы здесь устроить засаду. На этой каменной дороге среди отвесных скал и густого кустарника они ничего предпринять не могут или только ценой огромных потерь. Либо они окружают гору, либо разработают какой-то другой план.

Солдаты двинулись дальше, растянувшись примерно на пять или шесть километров по долине. Бандиты до сих пор были уверены, что солдатам известно их убежище. Но теперь, увидев, что солдаты поскакали дальше, они почувствовали себя в безопасности. Отрезок дороги прослеживался со скалы, и Куртин заметил, что бандиты поскакали обратно, чтобы снова рискнуть занять здесь штабквартиру. Но офицеры федеральных войск далеко превзошли их в хитрости.

Когда воинское подразделение удалилось на значительное расстояние, солдаты стали тщательно рассматривать следы. Направляя коней то вправо, то влево, то назад, то вперед, они все-таки обнаружили, что бандиты должны скрываться в этих зарослях на скалах. Не спеша они собрались и направились к скалам, чтобы найти путь к вершине. Это и было их хитростью, их трюком. Они знали, что бандиты всеми силами постараются не углубляться в чащу на скалах, если им удастся залечь где-то еще. Из этих отвесных скал бандиты выбраться не смогут, если оседлают все подходные пути и станут просто выжидать, не начиная атак и не подвергая себя выстрелам затаившихся в расщелинах бандитов.

Часовые бандитов могли хорошо следить за передвижениями солдат. Когда они увидели, что их убежище открыто, они решили быстрее под прикрытием буша перебраться на другую сторону до-

лины. Там они могли бы ускользнуть так, что их не заметят или заметят настолько поздно, что они со своими хорошо отдохнувшими конями легко уйдут, сбив солдат со следа.

Однако небольшой отряд солдат затаился на той стороне буша, куда стремились попасть бандиты. Этот отряд занял позицию прошлой ночью, когда бандиты были заняты своей ночной вылазкой против золотоискателей и не могли заметить преследователей. Солдаты слышали, конечно, выстрелы в ночи, гулко отдававшиеся от скал по всей долине. Но причину стрельбы они, естественно, не знали и думали, что либо бандиты перепились, либо затеяли между собой ссору.

Четверо золотоискателей сидели наверху, на выступе скалы, и ожидали схватки, которая, по их расчетам, должна была здесь разыгаться примерно через час. Когда это пройдет, они сумеют наконец вернуться к своей прерванной работе.

Начали трещать выстрелы, и отряды, рассеянные было, чтобы выманить бандитов, вернулись, пустив лошадей в галоп.

Путь наверх, казалось бы, был для бандитов отрезан, и они помчались вниз с дикими криками, размахивая руками и всаживая шпоры длиной в палец в бока коней, добиваясь наибольшей быстроты. Лошади устремились вниз, в долину.

Сзади следовали солдаты, которые были в буше. Но им нужно было сначала вскочить на лошадей, когда бандиты промчались мимо, кроме того, бандиты проехали не так близко, как рассчитывали солдаты, поэтому они были недостаточно четкими целями. Таким образом, у бандитов оказалось некоторое преимущество. Они не только уходили, но и стреляли при этом в своих преследователей.

— Будет отлично, если они получат значительное преимущество,— сказал Говард.

— Почему? — изумился Доббс.

— Тогда солдаты уберутся из этой местности. Они бы могли подумать, что здесь, наверху, спрятались еще много бандитов, и пришли бы нас навестить. Нам они, однако, совсем не нужны, хоть и вызволили нас из ужасного положения. Я бы охотно высказал нашу благодарность на обратном пути.

Группы верховых все удалялись, выстрелы доносились все глуше, и под конец наблюдатели на скале уже ничего не могли рассмотреть, так как всадников поглотило море на горизонте.

XIV

Золотоискатели снова разбили лагерь, сварили пищу, поели и растянулись возле костра. До заката оставалось еще много времени, но никто не предложил поработать сегодня. Когда стемнело и они сидели у костра, попивая свой кофе и покуривая трубки, Куртин сказал:

— Я все же думаю, что Говард прав и мы сделаем лучше всего, если все покончим и рудник закроем. Мы могли бы, возможно, догнать до тысячи, но лучше было бы удовольствоваться тем, что есть наверняка. Могут еще нагрянуть такие же непрошенные гости, и еще вопрос, всегда ли так хорошо все будет кончаться.

Сначала не высказывался никто. Затем, после длительной паузы, Доббс сказал:

— Что до меня, то я согласен с этим. Свернем завтра лагерь, послезавтра с утра приведем все в порядок, и поклажу и животных, а на следующий

день с утра пораньше тронемся в путь. Мне тоже больше ничего не хочется делать.

Лакауд прислушивался, не вмешиваясь. Он курил и вроде равнодушно глядел в костер. Время от времени он вставал, переламывал на колене сучья, а те, что не ломались, бросал в костер целиком. Наконец он спросил:

— Знаете ли вы историю о руднике Ченега?

— Мы знаем так много историй о рудниках, — со скукой в голосе сказал Говард. Он как раз мечтал, строил планы о том, как бы повыгодней поместить заработанные деньги, чтобы жить с комфортом, в то время, как деньги без особого труда будут удваиваться, учетверяться и увеличатся наконец в сто раз. Вопрос Лакауда сбил его с размышления, как увеличить сумму в сто раз. Возможно, он допустил ошибку в расчетах, но он слишком устал, чтобы напрягаться и снова начать выстраивать цепочку своих мыслей и колонки цифр и все продумать сначала. Он заметил:

— Ах, мы и вправду о тебе забыли.

Тогда Доббс и Куртин посмотрели на Лакауда. Куртин засмеялся:

— Вот видишь, какую незаметную роль ты здесь играешь! Мы совершенно забыли о тебе, хоть ты и сражался на нашей стороне и на отдыхе ты снова с нами. Мы просто углубились сейчас в свои мысли, а там тебе места нет.

— Ты вроде что-то сказал о каком-то плане? — спросил Доббс. — Ты можешь взять его себе. Мне он не нужен. Если там даже десять тысяч лежат. Я их не хочу. Я хочу в город, хочу видеть девушек, сидеть за столом с белой скатертью, чтобы подавал мне еду официант и я бы наблюдал, как другие для меня готовят и надрываются за дерьмовую плату.

— Но там более десяти тысяч, — возразил Лакауд.

— Где? — спросил Куртин.

— В моем плане.

— Ах так, — заметил Куртин и зевнул.

— Это все лежит на поверхности, — Лакауд старался заинтересовать эту троицу. Ему это пока не удалось, так как Доббс сказал:

— Если это наверху, то пойд и подними и не оставляй так валяться. А то ты об этом пожалеешь; ты как раз из таких, которые вечно о чем-то жалеют, находят, о чем жалеть. Ну я иду спать.

Говард с Куртином также с трудом встали, потянулись и направились к палатке. Но на полпути Куртин остановился, размышляя, затем он обернулся, снова потянулся и посмотрел задумчиво на лужу.

Что-то его встревожило, и он крикнул в сторону палатки:

— Говард, ты загородил дорогу днем, когда отвязал ослов?

— Конечно, — крикнул тот, — у поворота за лужайкой, как всегда, около большой лужи.

Лакауд достал свои вьюки, расстелил их и улегся у костра. Куртин подошел к нему.

— Можешь уж пойти в палатку. Столько-то места для тебя найдется.

Но Лакауд возразил:

— Я хорошо выплюсь и здесь. Я вообще больше люблю спать у костра, чем в палатке. Но послушай, не хочешь ли ты войти в долю со мной? Там много чего есть, можешь мне поверить.

— В какую долю? А, это твой план! Нет, я рад буду, когда выберусь отсюда. Мне больше не выдержать. Никто из нас здесь больше не останется.

То, что было, мы уже добыли, а больше я и пальцем не пошевелю.

Куртин направился к палатке и залез внутрь.

— Что хотел от тебя этот паренек? — спросил Доббс.

— Все о своем плане, но я это отклонил.

— Прямо не знаю, что делать с этим парнем, — сказал Говард. — Я почти уверен, что у него не все винтики на месте. Мне только нужно узнать, что он делал последние шесть месяцев, где он был, тогда бы я мог точно сказать, то ли он «вечный старатель», то ли помешался на буше. Возможно и то, и другое.

— Вечный старатель? — с любопытством спросил Куртин.

— Да, один из тех, кто все ищет и ищет, знает сотни сказочных историй о засыпанных и затерянных рудниках; у которого дюжина планов и чертежей в бумажнике или в уме, указывающих ему верный путь к пропавшему без вести руднику. В его мозгу также роится еще дюжина глупейших рассказов индейцев и метисов о том, где можно найти золото или алмазы. Он ищет и ищет, и чем больше бездорожье, чем более диким оказывается ущелье, чем больше опасности, тем более он уверен в том, что он вплотную приблизился к жиле толщиной, по крайней мере, в руку. Но он никогда не находит ни крупинцы золота, хотя он точно знает, что стоит перед жилой и завтра наткнется на нее. Это вид безумия, который может оказаться настолько же опасным для его спутников, как любое другое безумие. И этих безумцев нужно еще более жалеть, чем других сумасшедших, так как они все время блуждают за миражом без отдыха. Порой они почти умирают с голода, порой от жажды. Иногда им приходится защищаться от горных львов, от грему-

чих змей и прочих ядовитых пресмыкающихся и разных зверей, иногда от вероломных индейцев. Они, бывает, срываются со скал, ломая кости, и лежат там, пока их не найдет какой-нибудь индеец или бандит, который возьмет на себя труд их выводить. Но вылечить их нельзя. Они точно знают всегда, что уже завтра обязательно найдут свою жилу.

— Такого впечатления, однако, на меня он не производит,— сказал Доббс.— В нем какая-то другая странность.

— Возможно,— ответил Говард.— Но у меня сейчас нет настроения думать об этом. Что до меня, пусть будем кем угодно. Я только не знаю, что с ним делать, если он попытается уйти с нами. Это нам совсем не нужно.

— Завтра он, конечно, увидит рудник,— сказал Куртин.

— На это теперь наплевать,— решил Говард.— Мы ведь засыпем разработки, а если он останется и снова их раскроет, то это его дело.

На следующее утро, после быстрого завтрака, Говард, Доббс и Куртин энергично взялись за работу. К их удивлению, Лакауд не выразил никакого желания попасть с ними в рудник.

Они, правда, его и не приглашали, но все же ожидали, что его заинтересует такое значительное явление, как золотоносный рудник. Но он даже ни о чем не спросил, а выпив свой кофе, встал и пошел вниз по дороге. Куртин последовал за ним, думая, что тот направился вниз, в деревню, чтобы сказать там, что настало самое время пощупать здесь гнездышко, так как завтра будет поздно. Лакауд не знал, что Куртин идет следом. Он беззаботно шел своей дорогой, только внимательно рассматривал каждое большое дерево, каждый камень,

будто искал какие-то приметы. Иногда он останавливался, чтобы рассмотреть почву. Наконец он подошел к лужайке, где паслись животные. Он перешел лужайку и подошел к луже. Осмотрев ее внимательно, он поднял голову и подошел к отвесной скале. Там он принялся ползать вокруг и что-то выискивать.

Убедившись, что у Лакауда совсем иные намерения и он никак не хочет причинить им зло, Куртин вернулся к товарищам и рассказал, что он видел.

— Все так,— сказал Говард,— как я вам рассказывал вчера вечером: «вечный старатель». Не будем из-за него задерживаться.

Они сейчас ломали леса, и Доббс при этом поранил руку. Он разозлился и сказал:

— Зачем же мы вообще ломаем все? Оставим как есть и пойдем своей дорогой.

— Однако раньше, когда мы начинали, мы договаривались, что если мы что-нибудь здесь сделаем, то затем засыплем, как было.

— Это нас задерживает, и я, право, не знаю, кому от этого хорошо,— пробурчал Доббс.

— Ну, парень, прежде всего я думаю о том, что нужно высказать благодарность горе, которая оказалась такой щедрой для нас, не оставив ее поруганной и закрыв рану, которую ей нанесли. А оставить на горе леса и превратить зеленую чашу в паршивую строительную площадку— это непорядочно. Гора, бесспорно, заслуживает того, чтобы уважать ее красоту. Я лично хочу вспомнить это место таким, каким я его увидел, впервые придя сюда, чем вспомнить горы мусора, которые мне мерещатся последние месяцы. Достаточно того, что все мы в основном только имеем благие намерения, и когда мы уйдем, это место все-таки будет выглядеть довольно неприглядно.

— Примечательно, что ты говоришь о горе, как о живой личности,— сказал Куртин.— Но я тоже думаю, что комнату, которую нашел чистой, нужно подмести, когда ее покидаешь, даже если тебя никто за это не похвалит.

— Есть и еще одна причина,— добавил Старик,— ведь вполне возможно, что сюда кто-нибудь может подняться, в то время пока мы еще будем в пути. Сразу станет ясно, чем мы здесь занимались, и за нами погонится по меньшей мере полдюжины парней. Если же здесь будет прибрано аккуратно, насколько мы сможем, то это все будет выглядеть как долговременный лагерь, где мы могли заниматься любыми делами, не обязательно мыть золотой песок. Ну, Доббс, давай-ка, вкальвай, как мы. Ведь многие дни мы работали впустую, пока гора не открыла нам свои объятия. Мы здесь честно и благородно потрудились, и наш труд нельзя оценить только чистоганом. Когда ты устраиваешь палисадник с красивыми цветами перед домом, то ведь не думаешь, что он принесет тебе сколько-то наличными.

Обед был недолгим и простым, так они готовили уже три месяца. Они вскипятили себе котелок чая и подогрели в кожаном мешочке оладьи, которые напекли с утра. Как только они выпили чай и каждый докурил свою трубку, все с новыми силами принялись за работу. Дневной свет должен был быть использован до конца. К тому времени как всходило солнце, завтрак должен был быть окончен, а ужин начинался после заката. Только так можно было успеть все то, что успели эти трое. Продолжительность рабочего дня оставалась почти неизменной, небольшие отклонения не влияли на работу.

Даже сезон дождей не останавливал их. Казалось, что в течение нескольких часов из туч низвергаются водопады, но на это время хватало другой работы. Кроме того, дожди имели и то преимущество, что они наполняли водой земляную яму, которую вырыли старатели, и у них всегда была вода для промывания песка, и не нужно было таскать ее в гору.

— Отвратительно так надрываться! — высказался однажды Куртин, усевшись на миг, чтобы отдышаться.

— Вообще-то правильно,— подтвердил Старик,— но когда мы подсчитаем, то станет ясно, что ни один из нас прежде не имел такой высокой оплаты, как здесь.

Доббс тоже отставил лопату, уселся и стал набивать свою трубочку:

— Мне пришло сейчас в голову,— раздумчиво сказал он,— нам еще рано успокаиваться. Как бы ни были велики заработки, но я думаю, пока все наши сокровища не будут в городе в целости и сохранности и мы не соберемся все вместе в нашем номере, мы не можем сказать достоверно, что все добытое действительно принадлежит нам.

— У меня в последнее время тоже появились такие мысли,— сказал Старик.— Это будет тяжелое путешествие. А полевая полиция, которая всегда интересуется тем, что мы везем? Если она найдет этот песок, то подумает, что мы либо украли его, либо убили кого-то, чтобы им завладеть, либо мы его разрабатывали без лицензии и не платили налог. Тут потребуется еще подумать да поразмыслить, как нам лучше и надежнее всего переправить наш «песочек».

Оба более молодых компаньона помолчали, затем наморщили лбы, показывая, что они усиленно

думают, затем застонали, так как им трудно было думать, это было для них трудней любой работы в руднике, и наконец, глубоко вздохнув, они встали и разбросали все земляные кучи.

Ближе к вечеру они сложили сбитые леса друг на друга и подожгли, чтобы они исчезли. На следующий день место кострища нужно было засыпать землей. Затем следовало посадить какие-нибудь кусты, молодые деревца и пласты дерна, срезанные в другом месте.

Старик бросил между прочим:

— Может случиться, что один из нас не доведет свое золото или промотает его за две недели, или его вообще постигнет неудача. Он сможет тогда вернуться сюда и снова стараться добывать песок; он всегда получит приличный дневной заработок. Это одна из причин, по которой мы так тщательно маскируем это место, чтобы кому-нибудь не захотелось осмотреться здесь внимательно.

Вот это Доббс и Куртин легче поняли, чем то, что Старик говорил о благодарности горе и о том, что природу нельзя оставлять после себя обесцещенной.

Доббс считал, что природа может сама о себе позаботиться, у нее больше времени и терпения, чем у него, и он не ночной сторож одинокого горного пейзажа. Но старому все обещали сделать, как следует, вот и делают; он стар и у него свои причуды, хоть в остальном он был хорошим партнером, с которым всегда можно было поладить.

А когда под конец они решили отпраздновать окончание работ, то долина выглядела так, что никто из идущих мимо и скользивших взглядом по ней и думать не мог, будто здесь когда-то был рудник. Только куча сбитых подмостков еще тлела и над ними вился легкий дымок.

Назавтра и это исчезнет бесследно, как воспоминание.

Лакауда и в обед не было у костра; был ли он до этого или после этого на месте лагеря, никто из троих не знал. Они вообще о нем напрочь забыли. Они слишком были озабочены своими делами, чтобы думать еще и о его заботах. Лишь сейчас, пробираясь окружным путем к площадке и увидев, что он на корточках поправляет огонь костра, они вспомнили, что этот человек все еще здесь.

— Ты нашел за это время свою золотиносную жилу? — спросил Доббс, подойдя к костру с котелком воды.

— Еще нет, — ответил Лакауд. — Но мне кажется, что никогда не был так близко от нее, как сегодня.

— Ну, много счастья тебе, — засмеялся Куртин, поставив на огонь свою сковородку. У Лакауда на костре уже стоял котелок с его собственным рисом.

— Кофе можешь не варить, — добродушно сказал Говард, — выпей его с нами. Больше кофе мы не засыплем, добавим только воды, ведь нам теперь не надо ее экономить.

— Спасибо, — кратко сказал Лакауд.

Они помылись, затем поели и уселись на корточках у костра. Говард, Доббс и Куртин чувствовали себя, как фабричные рабочие в субботний вечер. Они знали, что завтра рано поутру их ждет приятная работа — озеленение этой площадки, а затем еще более приятная вещь — упаковка! А под конец останется самое легкое — подготовить навьюченный караван. Все это вместе — хорошая легкая работа, во время которой можно курить, петь и болтать.

Поэтому они впервые за несколько месяцев сидели так спокойно и уютно вокруг костра и пребывали в самом лучшем расположении духа. Мысль

о том, что им вскоре придется расстаться после почти полного года совместных усилий, тяжелой работы и неслыханных лишений, эта мысль сделала их настолько терпимыми друг к другу, как никогда ранее. Впервые они почувствовали, что их связывают крепкие узы, которые называются дружбой, товариществом и братством. Они почувствовали, что могут постоять друг за друга, если даже придется рисковать жизнью. Они чувствовали, что более близки, чем даже кровные братья.

Не говоря этого вслух, они про себя просили прощения у друзей за самые мелкие, порой совсем ничтожные неприятности, которые в последние месяцы причиняли друг другу.

Лакауд был исключен из этого братства, ведь он не мог так читать и понимать чувства остальных, как это умели они, изучив друг друга. Они ничего не могли бы утаить друг от друга ни в мыслях, ни в поступках, но от Лакауда они могли бы скрыть все, о чем бы не захотели сказать ему, его они могли сознательно ввести в заблуждение и обмануть, когда захотят. Каждый из троицы за истекшие месяцы мог изучать только своих двух товарищей. Ни книги, ни газеты, ни посторонние лица, ни неожиданные пейзажи не могли отвлечь их от этой «науки». Часто бывало так, что стоило одному начать фразу, оба остальных знали заранее все содержание фразы и все слова, и даже порядок их, который употребит «оратор». Из-за этого у них выработалась странная привычка: никто из них не оканчивал своей речи, считая это ненужным, потому что другой уже отвечал, хотя сказано было лишь три-четыре слова из фразы. Это и было одной из причин, почему они так действовали друг другу на нервы, порой до желания убить, только бы не знать заранее слова и мысли другого и до смерти скучать

или отчаянно сердиться от этого. Но каким же образом могли они увеличить свой словарный запас и количество мыслей? Речь всегда сводилась к одним и тем же делам, одним и тем же понятиям, одним и тем же задачам. У них выработалось, хотя они сами этого не замечали, совершенно своеобразная форма общения, при которой посторонний полностью терялся.

Например, они устроили лопастное колесо. С помощью примитивного ворота, который тянул осел, лопастное колесо приводили в движение, чтобы подавать воду в желоб, откуда она падала на лотки, где промывали песок. Так как самой легкой работой было обслуживание ворота, то ее поручили Говарду. Сначала кричали: «Говард, подай воды, у нас уже вся!» Затем длинный клич уплотнился до одного возгласа: «Лей!». И это словечко «лей» стало вообще обозначением всего, что имеет отношение ко всякой воде, так как сказать «Лей!» проще, чем «Налей воды» или «Налита ли вода?». Даже о воде для заваривания кофе или для питья говорили просто «Налитое на огне?» Лопату, по причинам, которые никто потом не смог объяснить, называли «кат», кирку — «шейк», динамитный патрон — «эта Мэри!»

Когда нужно было поджечь «Мэри», то для этого они употребляли словосочетания, из которых одно слово «Мэри», а второе — из вежливости, да и из других соображений — здесь упоминать не стоит, хотя в известных условиях оно может применяться вместе с «Мэри». И это же слово говорили и тогда, когда нужно было раскурить трубку или разжечь костер. Жратву, то есть процесс еды, называли как-то совсем иначе, вкладывая совершенно противоположный смысл в слово, которое у прилич-

ных людей вообще избегают произносить, а если произносят, то делают это очень осторожно.

Говарда никто не звал по имени, только «Олб». Это получилось из сочетания, означавшего: «Старина». Куртина звали «Корова», а Доббса «Памп». Почему, неизвестно было даже ему самому, и никто другой и не мог бы это объяснить.

Так было со всеми словами и обозначениями. Они могли десять минут говорить друг с другом, а Лакауд ничего не мог понять. Они сами и не подозревали о том, что Лакауд ничего не понимает; им и в голову не приходило, что Лакауду они кажутся какими-то иностранцами. Они так привыкли к своей форме общения, что считали бы себя посмешищами, если бы стали говорить как-то иначе.

XV

— Да, насчет ухода,— Говард снова захотел продолжать мысль, которую высказал в краткой беседе после обеда. Вместо «ухода» он говорил «катиться», но нам нужно привести его речь к таким высказываниям, которые могут понять и непосвященные, не принадлежащие к этому братству.

— Да, насчет «катиться» — это проклятое дело. Уйти и продвинуться дальше — это мы сумеем. Почему же нет? Но не думайте, что все уже улажено, еще далеко остается до той минуты, когда деньги будут внесены на ваш счет в банк. Слышали вы историю доньи Каталины Мария де Родригес? Наверное, нет. Там речь шла о том, как доставить золото и серебро в безопасное место.

В Гваделупе находится чудотворная икона нашей дорогой святой «Матери Божьей из Гваделупы», покровительницы Мексики. Из Мехико туда можно доехать трамваем. К этой иконе беспрестан-

но паломничают мексиканцы и индейцы, у которых есть что-то на сердце, и они глубоко уверены в том, что святая исполнит их мольбу, если даже им просто хочется оттягать у соседа борозду или вернуть девчонке скрывшегося любовника; или когда молится женщина, которая боится, не вышло бы наружу, что она подбросила мужу в пищу травку и тем самым помогла спуститься под землю, чтобы ей самой соединиться с другим.

— Это ведь все чепуха, суеверие,— проронил Доббс.

— Совсем нет,— ответил Старик.— Ты только должен поверить в это, и тогда это не чепуха. Для того, кто верует в бога, он есть, а для того, кто не верит в Верховного Владыку и Повелителя созвездий, его не существует. Но не будем долго спорить об этом. Я докладываю только о трезвой неприкрашенной истине.

Более ста пятидесяти лет назад, так, примерно, во времена американской революции, вблизи Гуакаля жил состоятельный индеец, родом из вождей племени Чироко. У него была хорошая ферма, и он не принимал участия в вылазках, кончавшихся грабежами и убийствами, как и окружавшие его индейцы. Родичи из его племени осели вблизи него и находили в сельскохозяйственных работах большее удовлетворение, чем в набегах и в вечных стычках с испанцами. У вождя была одна незаживающая рана: его единственный сын, наследник его высокого звания, был слепым. Раньше в таких случаях ребенка убивали, но с тех пор, как племя повело оседлый образ жизни и все родичи перешли в христианство, все стали много добросердечнее. В этом случае помогло еще и то, что мальчик был хорошо сложен и силен и его можно было считать очень красивым.

Бродячий монах, умевший до последней капли использовать гостеприимство вождя, посоветовал отцу вместе с женой и сыном предпринять паломничество ко всемилостивейшей Божьей матери из Гваделупы и не скупиться на пожертвования, так как к этому Божья мать очень восприимчива и хорошо умеет оценивать дары.

Вождь оставил имение на попечение своего дяди и стал собираться в путь. По правилам нельзя было пользоваться ни конем, ни ослом, ни повозкой, он должен был преодолеть колоссальное расстояние почти в две тысячи километров с женой и сыном пешком. В каждой попутной церковке он должен был прослушать триста «Аве Мария» и пожертвовать какое-то количество свечей и серебряных безделушек.

Наконец они все достигли Мехико, и после длительной молитвы в соборе, где он молился, началась последняя часть его трагического паломничества. От собора до иконы в Гваделупе пять километров. Эти пять километров он, его жена и мальчик должны были проползти на коленях, и каждый должен был при этом нести в руках зажженную свечу, которая горела бы вопреки ветру и дождю. Когда свеча догорала, то нужно было успеть заменить ее новой свечкой, тоже освященной и стойвшей поэтому дороже, чем обычная свеча; зажечь ее нужно было от догоравшей свечи. Ночь напролет длилось это утомительное перемещение. Мальчик заснул, и даже во сне он просил о кусочке кукурузной лепешки и воде. Но им нельзя было ни есть, ни пить. Они подождали, пока мальчик немного пришел в себя, и затем процессия двинулась дальше. Все люди, испанцы и индейцы, которые встречались им по пути, шарахались от них и крестились при этом, думая, какое же страшное

преступление они должны были совершить, чтобы претерпевать столь мучительное паломничество.

Они были полностью обессилены, когда достигли подножья холма, на котором индейцу Жуану Диего три раза являлась Божья Матерь, оставив свое изображение на его накидке. Здесь они стояли три дня и три ночи на коленях, молясь и моля о чуде. Вождь обещал весь свой скот и весь свой урожай отдать церкви, если Божья Матерь поможет ему. Но никакого чуда не произошло. Тогда он наконец сказал, следуя советам монаха, что пожертвует свою ферму и все, что у него есть, лишь бы Божья Матерь подарила его сыну зрение.

Но ожидаемое так страстно и обещанное так уверенно чудо не состоялось и теперь. Мальчик был так изнурен длительным постом и трудным путешествием, что мать должна была посвятить все свое время и силы ему, чтобы сохранить ему жизнь. Вождь, не зная, что ему еще предпринять, стал сомневаться в могуществе Божьей Матери, да и в могуществе христианской религии вообще, и сказал, что обратится к знахарям своего племени, которые много раз доказывали его отцу могущество и силу старых индейских богов. Монахи запретили ему эти кощунственные высказывания и пригрозили, что его семье грозят еще большие недуги, если он тотчас же не перестанет изрекать свои сомнения. Они сказали ему, что он сам во всем виноват, а Божья Матерь знает, что во время паломничества он совершил оплошности: пропустил одну церковь, заказал молебны «Аве Мария» не триста раз, а меньше, чтобы быстрее покончить с этим; что он ел, хоть этого и нельзя, и несколько раз поутру пил, не встав на колени и не помолившись. Вождь вынужден был согласиться, что однажды он заказал не триста, а двести восемьдесят два мо-

лебна, так как ему трудно запоминать такие большие цифры. И, конечно, сказал еще один монах, он, наверно, опустил какие-то свои грехи, когда их замаливал в соборе, так как всем, кто заслуживает, Божья Матерь помогала в их бедствиях. Поэтому ему следует повторить паломничество через полгода.

Возможно, вождю это все показалось уж слишком, или — и это как раз наиболее вероятно — он потерял веру в могущество иконы. Во всяком случае, он вернулся в Мехико, как следует поел, вкусно и много, и снова заключил в объятия свою молодую жену, чего он согласно правилам не делал за все время паломничества. Затем он послушал, что говорят обо всем этом в городе, и ему назвали дом некоего дона Мануэля Родригеса.

Дон Мануэль был знаменитым врачом, испанцем, но он был очень алчным и властолюбивым. Он обследовал мальчика и сообщил вождю, что, вероятно, сможет вернуть ребенку зрение. Сколько же сможет заплатить индеец?

Вождь сказал, что у него есть ферма и много скота. «Но это не деньги, — ответил дон Мануэль, — мне нужны деньги, много денег». На это вождь сказал, что сделает врача самым богатым человеком во всей Новой Испании, если он вернет зрение его сыну. «Откуда он столько наберет со своей фермой?» — спросил дон Мануэль. «Я знаю богатую золотую и серебряную жилу, там рудники, — сказал вождь, — и я их покажу вам, если мой сын сможет видеть». И они заключили бесчеловечный, ужасный контракт, согласно которому дон Мануэль будет вправе отнять зрение у ребенка, если не существует рудника или его стал уже разрабатывать кто-то другой.

Дон Мануэль лечил и оперировал мальчика в течение полных двух месяцев, он забросил всех своих пациентов, и в том числе тайного советника вице-короля. И спустя два месяца мальчик стал видеть, как орел, и дон Мануэль объявил вождю, что зрение установилось надолго. И это было так.

Радость вождя была безгранична, и его благодарность шла от чистого сердца. «Теперь я хочу тебе показать, дон Мануэль, что я тебе не соврал,— сказал он в ответ, когда врач спросил о вознаграждении.— Рудник есть, и он принадлежит моей семье. Когда пришли испанцы, мой прадед засыпал его, так как мы не хотели, чтобы в нашей округе появились испанцы, мы ведь знали, что белые больше любят серебро и золото, чем своего Сына Божьего. Но сведения о том, что где-то здесь есть рудник, сообщил какой-то предатель, и испанцы пришли; они вырвали языки у моего прадеда и его жены, чтобы узнать, где рудник. Но, хотя его рот был полон крови, а боль была нестерпимой, мой прадед расхохотался им в лицо, и рудника они не получили. Мой прадед написал все приметы, и после его смерти они достались, со слов сына, его сыну и так дошли до меня. Прадед завещал: «Если тебе или твоей семье, или твоему племени какой-то человек оказал огромную услугу, которую не хотели и не могли оказать Бог белых или увенчанные перьями божества индейцев, то отдай сокровище тому человеку, он должен им владеть. Ты, дон Мануэль, в лице моего сына оказал такую услугу мне, моей семье и моему племени, услугу, которую, вопреки всем моим усилиям, не мог оказать Бог белых, несмотря на мои молитвы и жертвоприношения, и тебе по праву принадлежит теперь рудник. Следуй за мной по пути, который я тебе буду показывать, в течение трех месяцев. Не говори нико-

му о том, что ты знаешь, и я сделаю тебя самым богатым человеком в Новой Испании.

— Индейцы знают намного больше о руднике, чем мы,— сказал Говард, продолжая свое повествование,— они знают все скрытые рудники, которые после завоевания Мексики индейцы, в оплату за гнусные преступления, совершенные белыми, засыпали и замаскировали. Но ведь индейцы не остались жить в тех местах, где их застало завоевание. Тысячи были угнаны испанцами в другие районы в качестве рабочих, рабов; других во время восстаний и боев вытеснили с их поселений в горы и джунгли; других же уничтожили оспа и другие эпидемии, которые принесли с собой белые носители культуры в их страну.

Семьи вождей вымирали, или их уничтожали прежде, чем они могли сообщить свои сведения потомкам. Поэтому теперь редко встретишь индейца, знающего, где есть засыпанный рудник. Часто он просто думает, что знает, но то, что в его семье было известно о каком-нибудь руднике, стало настолько легендарным, так связано со сведениями о найденных и уже известных рудниках, что действительное местонахождение уже нельзя обнаружить. Тем более, что чаще всего место было обозначено признаками, направлениями и словами, которые с течением времени изменили свое смысловое значение и приводили теперь к неверным путям. Но эта история, которую я рассказываю, относится к давно прошедшим временам, когда воспоминания индейцев были еще свежими, к тому же не было путей сообщения. А сейчас, когда появились железные дороги, индейцы все больше и больше разъезжают и поселяются там, где им легче пропитаться, а не обязательно живут в месте своего рождения.

...После того как дон Мануэль закончил свои дела в Мехико, он отправился со своей женой Марией в долгий и трудный путь в Гуакалу. Он нашел вождя, который встретил и принял его лучше родного брата. «В пути я призадумался о том,— сказал Дон Мануэль хлебосольному хозяину,— почему ты сам не разрабатываешь этот рудник, вождь? Ты ведь мог дать мне сто тысяч золотых гульденов, и я бы сделал то, о чем ты меня просил». Вождь рассмеялся: «Мне не нужно золото и не нужно серебро. У меня есть еда, красивая и добрая жена и сын, которого я люблю, и он силен и хорошо сложен. Что было бы, если бы я добыл золото? Земля дает благодать, дает большое счастье; мое стадо приносит радость, большую радость. Золото, а также серебро не дают благодати. Вам, белым испанцам, это приносит счастье? Вы убиваете друг друга из-за золота! Вы ненавидите друг друга из-за золота! Вы губите красоту вашей жизни из-за золота! Мы никогда не делали золото своим господином, мы никогда не были его рабами. Мы говорим: золото красиво, и мы делаем из него кольца и другие украшения, и мы украшаем себя, своих жен и наши божества, потому что оно красиво. Но мы не считаем его деньгами. Мы могли любоваться им, но мы не могли его есть. Наш народ и народы в долине не боролись из-за золота, и не было войн из-за золота. Но мы часто воевали за землю, за пашни, за реки и озера, за города, за соль, за стада. Но из-за золота, из-за серебра? На них только приятно смотреть. Ведь если я голоден, я не могу набить золотом желудок, значит, оно ничего не стоит. Оно только красивое, как цветок, цветущий цветок, или как птица, которая поет. Но, когда ты пихаешь цветок в желудок, он более не кажется тебе красивым, и когда ты варишь в котелке птицу, она уже

более не поет». Тогда дон Мануэль рассмеялся и сказал: «Уж я не буду заталкивать золото в желудок, поверь мне, Агуила!» И вождь также рассмеялся и сказал: «Охотно верю, я могу служить за землю, но не могу служить за золото, так как тогда мне нечего будет есть — ни лепешки, ни похлебки. Ты не понимаешь, что я говорю, и я не понимаю, что говоришь ты. У тебя другое сердце. Но, однако, я твой друг».

Им понадобилось три дня, чтобы лазить по горам, искать тропы в джунглях, царапать скалы и, конечно, копать.

Дон Мануэль склонялся к тому, чтобы бросить эти долгие поиски и счесть, что индеец лишил его оплаты. Но когда он видел, как ловко и планомерно вождь исследует местность, как он точно определяет положение солнца и теней, которые отбрасывают горные вершины, он должен был признать, что они все время следуют по определенному пути. «Так совсем легко, как думал ты, не бывает,— сказал вождь.— За это время были землетрясения, и пару столетий здесь бывали дожди и оползни; реки изменили русло, иссякли ручьи, а в другом месте возникли новые. В этом месте маленькие деревья стали большими, а те, которые были большими раньше и могли указывать цель, погибли. Должно пройти еще около недели. Дон Мануэль, имей терпение!»

Это длилось еще не одну неделю. И однажды вечером вождь сказал: «Завтра я смогу передать тебе рудник, так как завтра он будет перед моими глазами». Дон Мануэль хотел знать, почему он не может поехать с вождем сейчас, когда тот направился домой. «Тогда нам все равно пришлось бы ждать до завтра, так как солнце не было в зените.

Мне уже несколько дней известно, где рудник, но увижу я его завтра и передам в твои руки».

И действительно на следующий день они увидели в ущелье рудник. «Здесь однажды обломилась часть горы, ты это видишь. Поэтому так трудно было найти это место. Вот рудник, и он теперь твой. Но мой дом ты должен покинуть уже сегодня», — сказал вождь. «Почему? Я бы и так покинул его, так как я хочу построить свой дом вблизи рудника». — «Да, мой дом больше не годится. У тебя богатый рудник, и ты не приносишь благодати». Вождь протянул ему руку, но дон Мануэль сказал: «Погоди, Агуила. Я хочу тебя кое о чем спросить. Если бы я попросил у тебя сто тысяч золотых гульденов, чтобы излечить твоего сына, неужели бы ты не раскрыл сам этот рудник?» «Конечно я бы сделал это, — ответил вождь, — я ведь хотел, чтобы мой ребенок излечился. Но, когда я набрал бы нужную сумму, я бы велел снова засыпать рудник, ведь золото — это нехорошо. Испанцы узнали бы о нем и убили бы меня, мою жену и ребенка, чтобы завладеть рудником. По вашим нравам за золото всегда убивают. Будь осторожен, дон Мануэль, чтобы тебя также не убили, когда твои люди узнают, что у тебя золотой рудник. Когда они будут знать, что у тебя нет ничего, кроме хлеба и лепешек, тебя никогда не станут убивать. Я всегда хочу оставаться твоим другом, но сейчас мы должны расстаться».

Дон Мануэль стал разбивать свой лагерь, а Агуила вернулся в свой дом, на расстоянии дня пути от рудника. До своего отъезда из Мехико дон Мануэль выправил сертификаты у правительства, дающие ему право искать благородные металлы, и места, где он их найдет, мог закрепить своим охранным листом. Он уехал в ближайший город, где ранее оставил свою жену, привез ее с собой и одно-

временно нанял рабочих и купил необходимый инвентарь, орудия и взрывчатку. Он приступил к работе по раскрытию рудника. Рудник превзошел его самые смелые ожидания. Там было столько серебра, сколько и отдаленно не было в известных ему ранее рудниках. В основном рудник давал серебро, но в качестве побочного продукта там было и золото.

Многие случаи научили его, что лучше всего не распространяться о своем руднике, не очень расхваливать. Не только частные лица, но даже королевские чиновники и церковные служители высокого сана сумели бы вырвать рудник из рук человека, у которого нет мощных покровителей. Владелец внезапно исчезал, никто не знал, куда он девался, и рудник, как бесхозное добро, передавали либо королю, либо церкви. Инквизиция, которая в Мексике продержалась гораздо дольше, чем где-либо в мире, и исчезла здесь окончательно только после победы революции, когда страна стала свободной, независимой республикой, — инквизиция в то время действовала в полную силу.

Достаточно было того, чтобы епископ узнал о богатом руднике, и открывшего этот рудник тащили перед трибунал инквизиции, обвинив его в богохульстве, ереси, колдовстве, недостаточном уважении к волшебной силе какой-либо иконы. Перед этим трибуналом трепетал даже самый могущественный в стране человек — вице-король. Когда его приглашали в трибунал, он входил лишь в сопровождении вооруженной до зубов личной охраны и оповещал о том, что его войска и артиллерия получили приказ открыть огонь по зданию Высокой Инквизиции незамедлительно, если он в указанный срок не прибудет в свой дворец и не покажется солдатам. А что же было делать простому человеку?

Выступало десять или двадцать свидетелей, которые клялись, что они видели, как этот человек не преклонил колена перед изображением святого, или что слышали, как он говорил, что ему трудно поверить в то, что сын одновременно может быть собственным отцом и что папа полностью безгрешен.

И как только они клялись в этом, еретика сжигали, и особой милостью следовало считать, когда его сжигали не заживо, а перед сжиганием души. Тот же, кто мог избежать такой кары, все равно был бы оболган и обвинен, и все его имущество отходило к церкви. Поэтому совсем не странным было то, что те люди, которые имели богатое имущество или которые сопротивлялись, не желая отдавать добровольно церкви или монастырям свои земли или рудники, чаще обвинялись в ереси и считались виновными, чем бедные индейцы, к которым инквизиция была гораздо более снисходительна, ибо кто заплатит высокую плату за сложное расследование? Ведь трибунал стоит дорого. Никто ничего не хотел делать бесплатно, как видно из актов следствия, и в свидетели шли самые распоследние, те, кто брал подешевле, с учетом святости предназначения.

Власть каждой религии ограничена. Ни одна религия не может перешагнуть эти границы или даже прикоснуться к ним, не погибнув. Религия, которая стала недостаточно гибкой, религия, ставшая настолько мало эластичной, что не может соответствовать прогрессу и времени, отмирает. Нельзя вечно и всегда безнаказанно вести войны с народами, религия которых запрещает обнажать меч и религия которых повелевает: «Не убий!»

Дон Мануэль был достаточно умудрен опытом других. Он не отсылал с рудника ни серебра, ни золота. Он копил их и ждал своего часа. Несмотря

на то, что рудник давал ему такую щедрую добычу, он довольно скупо оплачивал своих индейцев-рабочих, их жалованья им едва хватало, чтобы насытиться, заставлял их работать, пока они не падали от усталости, а то и падали замертво, и, если они мало сделали, приказывал бить их плетью. С неграми так можно было обращаться довольно долго, с индейцами это не выходит. За триста лет испанского владычества в Мексике испанцы никогда, ни в какое время не владели всей страной. Где-то все время вспыхивали восстания, мятежи и волнения. И если в одном месте их жестоко и бесчеловечно подавляли, то возмущение вспыхивало в другом. Так было и в большом и в малом. И однажды бунт вспыхнул на руднике дона Мануэля. Его жена, донья Мария, смогла еще заблаговременно бежать, но его убили. Его сокровища не разграбили, но после того, как дон Мануэль был найден мертвым, рабочие-индейцы оставили это место и разошлись по своим деревням.

Когда к донье Марии пришел гонец и сказал, что рудник снова свободен, она вернулась, чтобы продолжать работы. Она увидела, что добытые ранее сокровища надежно захоронены. Того, чем она обладала, хватало на беззаботную жизнь до конца ее дней. Однако она вбила себе в голову вернуться в Испанию и предстать там самой богатой женщиной. Так как она была еще молода и судьба щедро наградила ее красотой, то она лелеяла надежду купить в Испании замок и дворянское поместье и, выйдя замуж за какого-нибудь маркиза, приблизиться ко двору. Ведь испанские гранды женились на дочерях мексиканских и перуанских вождей только из-за их богатства. Почему же она, исходя из приличной буржуазной семьи, с помощью

своего безмерного богатства не сможет еще легче заполучить в супруги маркиза?

Она умела подсчитывать еще лучше, чем ее погибший муж. Она подсчитала, сколько будет стоить замок и сколько старинное дворянское поместье в Испании, сколько содержание этого имения, слуг, карет, лошадей и сам вояж; сколько будет тратить маркиз и сколько придется расходовать ей самой, чтобы играть блестящую роль при дворе. Это оказалось изрядной суммой. Но она понимала, что имеется еще кое-что, чего она не учла: есть еще налоги государству, нужно будет построить церковь, чтобы задобрить высоких деятелей инквизиции, чтобы они не были жадны. И она еще долго размышляла, пока высчитанная сумма не увеличилась вдвое. Этим она исключила все ошибки в расчетах.

Для нее начались действительно трудные годы, когда она должна была бороться. Вдали от цивилизации, вдали от всяческих, даже минимальных удобств надо было день и ночь быть на посту, ловко лавируя с рабочими, давая им не слишком высокую плату, но все же достаточную, чтобы они держались за нее и не бунтовали. Следовало также думать о возможности нападения, остерегаться бандитских шаек, которые образовывали преступники, солдаты-дезертиры, убежавшие из тюрьмы заключенные и все отбросы больших городов. Мародерствуя, наводя одинаковый ужас и на индейцев и на белых, они бродили по стране.

Можно было не без некоторой зависти сказать, что донья Мария больше приспособилась к решению всех этих задач, чем ее покойный супруг. Она не боялась ни черта, ни дьявола, ни бандитов-мародеров, ни бунтующих индейцев и, бесспорно, справилась бы каким-то образом и с инквизицией, если бы это коснулось ее. Она была сильной, терпели-

вой и предприимчивой, но если и при этом у нее что-то не получалось, она брала своими дипломатическими способностями.

Она могла смеяться, когда это казалось ей выгодным, могла плакать, когда это было более подходящим, она умела ругаться, как пьяный бродяга, и умела углубленно молиться, как францисканский монах. Работать она могла за шестерых индейцев, и когда дело шло не так, как ей хотелось, то она бралась за работу сама своими сильными руками и вкалывала так, что индейцы, не привыкшие к тому, что женщина играючи делает их работу, бывали ею совершенно очарованы и старались далее делать все так, как требовала донья Мария.

Так продолжалось несколько лет. Но под конец ею овладело страстное желание увидеть Испанию, получить красивый дом, хорошую кухню, веселую спальню и к тому же муженька, который бы ее нежил и холил. Желание было таким сильным, что она в один прекрасный день решила, собрала все и отправилась. Когда она подсчитала свое состояние, то увидела, что этого хватит для любой прихоти, какую только она сможет выдумать.

Она создала вооруженную стражу для того, чтобы охранять рудник и накопленные богатства. Отряд состоял из индейцев, нескольких метисов и двух солдат-испанцев — либо дезертиров, либо таких, которых уволили с военной службы. Один из этих испанцев возглавлял отряд днем, а другой ночью.

Металл, в котором была одна шестая золота, а остальная часть — высокопробное серебро, она отлила в прямоугольные болванки и слитки для облегчения транспортировки. Эти болванки упаковали в ящики. Каково было богатство, которое она извлекла из рудника, видно было по тому, что

шестьдесят предельно нагруженных мулов понадобились для перевозки металла.

Караван с двадцатью вооруженными сопровождающими отправился в путь. Две тысячи километров до столицы Мехико. Без удобного шоссе, через пустыню, через отвесные горные хребты, через реки, ущелья и утесы, сквозь девственный буш и лес, через области джунглей, под ледяным ветром сьерры, а потом через тропические регионы и снова по заснеженным горным хребтам в лихорадящую, душную атмосферу джунглей.

Пришел вечер, когда она заметила, что в лагере царит необычное оживление. Присмотревшись пристальней, она обнаружила, что один из испанцев пытается повернуть ход событий в свою пользу. Он пришел к ней и спросил: «Хотите выйти за меня замуж или нет, донья Мария?»

«Я, за вас? За такого бродячего бандита, по которому виселица плачет и который не был повешен лишь потому, что палач взял гнилую веревку?» На это парень ответил: «Я охотно возьму все без вас в придачу, сеньора. И я возьму за себя и более красивую!» «Что вы возьмете без меня?» — спросила донья Мария. «То, что в ящиках!» — «Не возьмишь, пока я здесь, ты, ублюдок!»

Парень, подняв руку, показал в ту сторону, где расположилась стража, и сказал, ухмыляясь: «Посмотрите-ка туда, может, вы подумаете еще насчет замужества. С часок я охотно подожду». — «Можешь всю жизнь дожидаться, если тебя вскоре не повесят».

Она вышла к людям и нашла, что парень проделал большую работу. Второй испанец и индейцы были связаны, а метисы были на стороне первого испанца и рассчитывали войти с ним в долю. Они

стояли с пистолетами за поясом и, нагло ухмыляясь, смотрели на женщину.

«Хорошая работенка, должна признать»,— обратилась донья Мария к парню, который подошел следом за ней. «Правда ведь? — ответил он ей.— Тут уж вам действительно не о чем раздумывать, и вы смело и прямо ответите: «да»,— добавил он. «Да, тут ты прав, ублюдок собачий, я не буду долго раздумывать»,— сказала она, схватила валявшийся рядом хлыст и, прежде чем парень опомнился, нанесла ему безжалостный удар по лицу, ослепив его. Он пошатнулся и тут же последовала еще полдюжина ударов по лицу.

Он упал, скорчившись, и больше не двигался. Метисы остолбенели, не пытались ни убежать, ни стрелять. А когда они пришли в себя и увидели, что с их предводителем, удары хлыста обрушились и на их лица. Те из них, что не упали, пытались бежать, защищая руками лицо. Донья Мария подскочила ко второму испанцу и разрезала пути двумя-тремя ловкими ударами ножа. Он тут же освободил индейцев, и они, вскочив в седло, с помощью лассо похватывали убежавших метисов.

«Повесь ублюдка»,— крикнула донья Мария и показала на испанца, который хотел жениться на ней, сейчас с трудом пытался подняться с земли. Спустя полминуты он уже висел. «Что я тебе говорила, собака? — крикнула она ему, когда индейцы прилаживали петлю.— Я ведь говорила тебе, что прежде тебя повесят. А с вами? — Обратилась она к метисам.— Вас бы следовало также повесить. Но я вам еще оставлю лазейку, вы ведь тоже все стремились в петлю, и я не хочу мешать палачу. Но я могу вам сказать, что если вы еще раз выкинете такую штуку, я лично буду хлестать вас до тех пор, пока лохмотья кожи не будут отделяться от

ваших трупов, затем я прикажу вас подкоптить и повесить. Вам не нужно оставаться, можете уйти сейчас, вы мне не нужны. Жалованья я вам не дам и пистолеты отберу. Но если вы обязательно захотите остаться, я в Мехико подарю вам пистолеты, седла и лошадей, на которых вы гарцуете. Послушай, испанец, — она обратилась к тому испанцу, который был на ее стороне, — как тебя зовут?» — «Рюго». — «Когда мы попадем в Мехико, ты получишь... — она хотела сказать «всех мулов», но вовремя одумалась и сказала: — Ты получишь правую сторону поклажи одного мула, а индейцы левую сторону груза, они могут поделить ее между собой». Тем и закончился этот мятеж.

Но еще надо было драться с целыми ордами мародеров, от которых надо было охранять груз, сражаясь до последней капли крови. Что заставляло их драться с этими ордами насмерть?

Они сражались до последнего, ведь они должны были только победить, а на жизнь они плевать хотели, потому что на большинство был давно заготовлен приговор суда, а то и несколько приговоров.

Мул со всей поклажей мог свалиться в пропасть, и груз таким образом пропадал, или мул со всем богатством мог угодить в болото, или мог исчезнуть при переправе через реку. Еще вопрос, что было сложнее для доньи Марии: добывать сокровища из рудника или доставить их в целостности и сохранности в Мехико, не потеряв в пути вместе с жизнью?

Дорога была для нее действительно ужасна. Когда она вспоминала долгие годы, проведенные в руднике, они казались не менее ужасными. С тех пор как она завладела рудником, жизнь не радовала ее. Она не могла вспомнить ни минуты, когда

ее радовали жизнь или сокровища и когда она чувствовала себя вполне спокойной и уверенной. Когда она вспоминала все те дни, ей было ясно, что она вела самую жалкую жизнь, какую только можно было себе представить, жизнь — хуже, чем у животных. Всегда в панике, всегда в заботах. Ее мучили ночные кошмары, и не было избавления от мучительных мыслей, терзавших днем. Во всей печали ее грустного существования у нее был один, лишь один просвет — она мысленно видела сверкающую картину, как она помещает свое сокровище в сейф королевского правительства в Мехико.

И вот миг, ради которого она влачила свое жалкое существование в течение последних лет, наступил. Она достигла города Мехико, не потеряв ни слитка из своего ценного груза. Ее принял персонально вице-король, и ей была оказана высокая честь: вице-король долго беседовал с ней лично во время частной аудиенции. Она была безгранично благодарна своему высокому собеседнику, когда он пообещал ей, что богатства, добытые таким тяжким трудом, будут храниться в подвалах, где обычно размещаются только королевские сокровища и государственная казна.

Это было выше всего, о чем только могла мечтать донья Мария. Нигде во всей Новой Испании, даже в катакомбах собора или в каком-либо монастыре, ее сокровище не было бы так надежно спрятано, как в крепких подвалах правительства под личную ответственность и ручательство вице-короля — высшей власти в стране. Наконец ее сокровища будут надежно упрятаны до той поры, пока она под охраной войск не перевезет их на корабль, чтобы взять с собой в страну своей мечты. Она обещала вице-королю за его милостивую заботу, которую он оказал ей, часть своего сокровища, достаточно

большую, чтобы сам вице-король Новой Испании мог считать это царским подарком. Затем она расплатилась со своими людьми и отпустила их. После этого нашла себе лучшую гостиницу, какая только была в городе.

И вот наконец спустя столько лет она могла спокойно погрузиться в сон. В первый раз за долгое время она могла вздохнуть и медленно, без помех поест. Наконец-то она могла позволить себе думать о чем-то другом, о приятном, а не о том, что так угнетающе гнездилось в ее мозгу все это время.

Но тут случилось то, чего она совсем не ожидала, хотя в этом не было ничего удивительного, а все было вполне естественно. Сокровище не пропало и не было украдено из подвалов ночью, в тумане. Но исчезло кое-что другое. Донья Мария улеглась в гостинице в мягкую удобную постель и отошла ко сну. Но никто не видел, как она встала. Никто не слышал больше ее речей. Она исчезла, и никто не знал, где она.

— Это очень просто,— закончил Говард свое повествование,— донья Мария забыла, что золото иногда помогает исчезнуть. Я хотел рассказать вам эту историю только затем, чтобы показать, что транспортировка имеет свои трудности так же, как поиск и добыча. И когда ты вполне уверен, что все в полном порядке, то не исключено, что получишь в результате деньги, которых хватит лишь на чашечку кофе. Это одна из причин того, почему золото так дорого стоит.

XVI

— Нельзя ли,— сказал Куртин,— как-нибудь узнать, где был этот рудник? Эта женщина ведь разработала не все, еще вполне достаточно осталось.

— Этот рудник ты найдешь очень легко,— ответил Говард,— но ты опоздал. Он разрабатывается большой рудничной компанией и принес этой компании уже в десять крат больше, чем исчезнувшей сеньоре. Рудник действительно неисчерпаем. Ты сможешь очень легко туда попасть, он называется «Рудник доньи Марии» и расположен вблизи Гуакалы. Можешь там работать за понедельную оплату, если это тебя позабавит.

Мужчины посидели еще немного у затухающего костерка, затем стали подыматься. Они потянулись, поразмяли ноги и направились к палатке.

— Этой истории уже более ста лет,— сказал Лакауд.

— Этого никто не оспаривает,— сказал Доббс.

— Я знаю, однако, историю лишь двухлетней давности, и она интересна так же, если не более.

— А-аа, заткнись,— сказал зевая Доббс,— мы не хотим слушать твою историю, даже если она недельной давности. Твою историю мы знаем, она нас так же мало интересует, как ты сам. И если ты совсем ничего не скажешь, то это нам понравится больше всего. Ты ведь «Вечный».

— Я кто? — спросил Лакауд.

— Ничтожество,— сказал Доббс и потрусил за остальными по направлению к палатке. На следующее утро, в предпоследнее, как они планировали, все трое были так взволнованы, что едва могли овладеть собой, чтобы позавтракать. Они полезли в свои схоронки, и каждый вынул свои добытые кучки. Это были золотые зерна, песок и пыль, заботливо завернутые и перевязанные ниткой. У каждого была довольно ощутимая кучка таких мешочков. Задача теперь состояла в том, как надежнее упаковать мешочки, чтобы они были незаметны. Они завернули их в просушенные шкуры и сделали креп-

ко перевязанные тючки, которые точно напоминали свернутые шкуры и ничего более. Эти тючки положили в мешки, и поклажа была готова. Доббс и Куртин пошли на охоту, чтобы подстрелить какую-нибудь дичь в дорогу. Говард мастерил грузовые седла для ослов и чинил ременные и брезентовые крепления, чтобы они не лопнули от тяжести во время пути. Лакауд снова ушел и шебаршил в кустах вблизи пастбища. Но он не говорил, что он там делает, и из всех трех никто не спрашивал его об этом. Они смотрели на его поведение ни с жалостью, ни с насмешкой. Жалость не была им присуща, а высмеивать его не представляло интереса. Им было теперь совсем безразлично, что он делает, как делает, лишь бы он не причинял им неприятности.

Даже если бы он нашел гору из чистого золота, они бы сильно колебались, нарушить ли им свой план — отложить ли отъезд даже на день. Они так погрузились в свои мечты о немедленном отъезде, что ничто не могло их остановить. Им вдруг стали совершенно непереносимы одиночество, непосильный труд, тяжелые условия жизни, и они не могли назвать ничего, что заставило бы их отложить отъезд хоть на день. Они были так настроены, что до полусмерти избили бы Лакауда, если бы он сделал лишь попытку уговорить их остаться хотя бы на неделю, так как он напал на след, ведущий к большому богатству. Когда Говард так, между прочим обронил, что Лакауд точно знает, чего он хочет, и действует совсем не так, как «Вечный», Куртин возразил:

— Меня ничто не может соблазнить. Он может принести мне самородок величиной с мой кулак. Мне он не нужен.

— Не нужен? Почему же нет? — сказал

Доббс.— Нужен вполне. Но как увезти? Мы едва увезем все, что уже имеем. Мне больше ничего не нужно, или пусть он привозит свои находки прямо в Дуранго. Ну да ладно, довольно об этом.

В этот вечер у костра они были молчаливы. Каждый был слишком озабочен своими мыслями и планами, чтобы что-то рассказывать или воспринимать чей-то рассказ. Было еще темно, когда они сложили палатку, чтобы отправиться в путь.

— Ты, наверное, останешься пока здесь? — спросил Куртин Лакауда.

— Да, у меня тут еще дело, — ответил тот.

— Тогда счастья тебе, парень. Может, потом у нас найдется время выслушать твою прекрасную байку, — смеясь, сказал Доббс. — Тогда сможешь принести и доказательства.

Лакауд, засунув руки в карманы, сказал:

— Доказательства? Ты ждешь доказательств? Я их могу и сейчас принести. Но у вас ведь нет времени.

— Да, и времени тоже нет, — сказал Доббс. — Мы должны сейчас идти. Мы торопимся.

Говард подал Лакауду руку и сказал:

— Я оставил тебе там соль, перец и всякие другие мелочи, которые мы сможем достать в пути. Тебе они могут пригодиться. Здесь вот еще кусок палаточного брезента. Пусть тебе будет чем укрыться от ночного дождя.

— Спасибо, — сказал Лакауд.

Доббс и Куртин пожали ему руку. Доббс дал ему табак, а Куртин горсть патронов. Теперь, когда пришло время проститься, они вдруг стали друзьями.

У Куртина чуть не сорвалось с языка приглашение пойти с ними, ведь Лакауду, вероятно, будет ужасно одиноко торчать одному здесь в чаще

джунглей, где нет надежды что-нибудь найти. Они здесь уже достаточно давно и перевернули каждый камушек и точно знают, что можно и чего нельзя здесь найти.

Но он промолчал об этом, а сказал только: «Ну, прощай».

У Говарда было такое же желание. Он хотел позвать Лакауда уйти с ними и предложить ему должность в своем кино либо оператором, либо управляющим. Но он не предложил этого, подав ему руку, только сказал: «Счастливо!»

А Доббс подумал, что лишний человек в пути может весьма пригодиться, если придется защищаться от бандитов, и потом, если груз разделить на четырех, то он будет меньше бросаться в глаза. Но он лишь крепко пожал Лакауду руку и сказал приветливо: «Пока».

Лакауд тоже сказал каждому несколько слов на прощание, затем постоял некоторое время, глядя им вслед. Когда их больше было не разглядеть, он повернулся к костру, поворошил угольки носком сапога и сказал вслух: «Жаль».

XVII

Путешественники должны были проделать со своим груженым караваном трудный кружной путь, дабы обойти деревню, где Куртин обычно делал закупки, чтобы жители деревни их не видели. Они хотели, чтобы люди думали, что Куртин все еще там, наверху. Когда они были уже далеко от деревни, они тоже старались идти не дорогами, а тропками, где мало вероятности кого-нибудь встретить. Чем дальше они отходили от района своих работ, тем более они начинали верить в то, что могут незамеченными достигнуть города. Если они попа-

дут в город, то они и их богатства будут в безопасности. Там они пойдут в отель, перепакуют все аккуратно и сядут со своими неприметными чемоданами в поезд.

У них почти не было денег в кошельках, всего по несколько песо, и этого должно было хватить до города. Там можно будет продать ослов и вообще все то, что более не понадобится, и этого хватит на проездные билеты. Но до города нужно еще добраться. Это требовало определенного времени, хотя расстояние было не так велико. Дорогами они идти не хотели, там они скорее могли встретить бандитов или полевую жандармерию, чем на укромных тропинках. Чем меньше людей они встречали, тем лучше.

Но тропинки порой вели совсем не туда, куда бы им хотелось. Все тропы вели либо к деревьям, либо к иному жилью. Они вдруг натыкались на какую-то деревню, когда этого совсем и не желали. А если их могли заметить из деревни, то они уже не могли свернуть обратно. Это было бы подозрительно.

Так на второй день они пришли в индейскую деревню. Ее никак нельзя было обойти. Не было ничего необычного в том, что караван ослов проходит через местность. То, что караван ведут только белые, случается реже, но никто не задумывался об этом, потому что у белых иногда бывают очень странные идеи.

Когда они очутились где-то в центре деревни, они увидели, что перед одной хижинкой стоят четыре мексиканца. У трех из них через плечо были одеты патронташи, а на бедре пистолет.

— Это полиция,— сказал Доббс Говарду.— Вот мы и попались.

— Похоже на полицию,— ответил старик.

Доббс придержал ослон, но Говард подтолкнул его и сказал:

— Никаких глупостей. Если мы так просто оставимся или вообще повернем назад, то нам крышка. Тогда они тотчас заметят, что здесь что-то не так. Поедем прямо на них, как будто совесть у нас чиста. Ведь так оно и есть. Кроме налога и неоформленной лицензии.

— Эта встреча может нам стоить всего нашего барахла,— Доббс выругался.

Меж тем подошел поближе и Куртин.

— Чего нужно этому, в очках? — спросил он и указал кивком на человека, который не был вооружен, стоял у входа в одну из хижин и, очевидно, говорил с ее обитателями.

— Это, вероятно, правительственный комиссар,— сказал Доббс.— Черт его знает, что здесь происходит. Давай спокойно пойдем отсюда.

Мексиканцы не заметили прибывших. Лишь когда они достигли места, где стояла хижина, один из полицейских обернулся к ним. Затем он вроде что-то сказал еще одному, и потом все трое обернулись и стали смотреть вслед, а путники медленно удалялись. Когда они уже почти перешли площадь, один из полицейских крикнул им:

— Алло, сеньоры, момент!

— Ну, вот нам и каюк,— вполголоса сказал Доббс.

— Я пойду к ним один,— предложил Говард,— вы останетесь здесь с ослами. Я хочу послушать, чего они хотят.

Говард пошел. Когда он остановился перед этими мужчинами, он сказал:

— Добрый день, чем могу служить?

— Вы сошли с гор? — спросил один из чиновников.

— Да, мы охотники.

— У всех сделаны прививки? — спросил чиновник.

— Что? Сделаны ли у нас прививки? — Говард произнес это с облегчением: наконец-то он узнал, чего хотят эти люди. — Конечно, нам всем делали прививки. Уже в самом раннем возрасте. У нас такой закон. Мне наверняка уже делали прививки десять раз в моей жизни.

— Когда в последний раз?

— Два года тому назад.

— Есть ли у вас справка об этом?

Говард рассмеялся:

— Я ведь не ношу ее с собой в кошельке.

— Конечно, нет, — сказал один из этих людей. — Но тогда я должен сейчас сделать вам прививку. Мы прививочная комиссия и должны делать прививки всем, кого мы встретим в деревнях.

Человек в очках вошел в хижину и вышел со своей коробкой. Он открыл ее, Говард засучил рукав, и человек царапнул иглой кожу.

— С вами нам легче, чем с местными жителями, — рассмеялся он. — Этих людей мы должны подкараулить, они убегают в горы или в чащобу, словно думают, что мы собираемся отрезать им голову.

— Да, — сказал один из полицейских, вынимая какую-то книгу, — здесь переписано все население, которое подлежит прививкам, а сделать их намного труднее, чем захватить целую орду бандитов. Но эпидемия усилится, если мы не сможем сделать прививки всем. Дети, вот что ужаснее всего. Женщины подымают страшный крик, как будто мы собираемся убить детей, и борются с нами, как сумасшедшие, едва мы только хотим дотронуться до них

иглой. Вот видите, мое лицо все расцарапано — это все женщины, а здесь у меня огромная шишка на голове: женщины попали в меня камнем. Мы здесь уже четыре дня. Все попрятались, и нам приходится морить их голодом, чтобы они снова решились выползти. Постепенно они выходят, так как видят, что дети, которым сделаны прививки, все еще живы. Но как же им втолковать, что мы здесь работаем на благо людей и их детей?

За это время он перелистал книгу, пока дошел до чистых страниц.

— Напишите здесь, на этих строках, вашу фамилию,— сказал чиновник. Говард написал и отдал книгу.

— Возраст? — чиновник записал, подписал листок, оторвал половину листа по пунктирной линии и подал Говарду.

— Вот ваша квитанция, вторая часть остается у нас. Позовите также ваших двух товарищей. Это им не помешает, даже если они уже делали прививки десять раз.

— Сколько же мне нужно заплатить? — спросил старик.— У нас очень туго с деньгами.

— Ничего платить не надо. Это ничего не стоит. Платит правительство.

— Вот это действительно дешево,— рассмеялся Говард и спустил рукав.

— Мы ведь знаем, что всем нам были сделаны прививки, или, по крайней мере, мы исходим из этого. Но мы делаем вам прививки с удовольствием. Мы, пожалуй, благодарны вам, что вы явились в самый нужный момент. Местные жители ведь следят из своих укрытий за каждым движением, которое мы делаем. Поэтому мы и выбрали эту хижину, она стоит на самом открытом месте. Если люди увидят, что мы не делаем различия между индей-

цами и белыми, что вы подставили свою руку, будто делаете так всегда, то люди почувствуют доверие и увидят, что жизни это не грозит.

Говард пошел к ослам и послал на прививки Доббса и Куртина.

— Не знаю, что я сделал бы с большим удовольствием,— сказал, смеясь, Куртин.— Каждую минуту я ожидал, что они подойдут и начнут задавать глупейшие вопросы.

— Если это тебя порадует,— сказал Говард,— то ты можешь им рассказать, чем ты занимался в последние месяцы. Они не интересуются твоим семейным положением. Это комиссия по прививкам, и все, что не касается прививок, им безразлично. Они делают прививку беглому бандиту, который случайно оказался тут, и не задерживают его. Это не их дело — ловить бандитов.

— Ну, ну,— прервал Доббс,— лучше бы тебе заткнуться, мы сделаем прививки, и поскорей в путь.

— Разве я сказал, что нам нужно здесь остановиться?

— Но ты говоришь так, будто мы должны кинуться им на шею,— сказал Доббс и потрусил к хижине.

Говард сочувственно покачал головой и обратился к Куртину:

— У этого Доббса нет чувства юмора, я всегда это говорил. По мне лучше кинуться на шею прививочной комиссии, чем попасться в руки отряду полицейских, который идет проверять рудники. Ну, поторопись-ка, Куртин, туда, возьми свою квитанцию, чтобы мы могли быстро продолжить путь.

Вечером они разбили лагерь вблизи местечка Амапули. Они должны были здесь остановиться, так как им сказали, что они не смогут дойти до на-

ступления темноты до следующего пункта, где была бы вода.

Когда они еще готовили себе ужин, четыре индейца из этой деревни подошли к их лагерю. Они поздоровались и очень вежливо спросили, могут ли они присесть.

— Почему же нет? — сказал Говард. — Почему же нет, вы нас ни в какой мере не стесните.

Четверо индейцев посидели немного, следя за тем, как чужаки поджаривали мясо и варили свой рис.

— Вы, очевидно, издалека, — сказал наконец один из индейцев, — и, конечно, хотите ехать еще дальше? Нам кажется, что вы очень умные люди.

Куртин сказал:

— Мы можем читать книги, можем писать письма и считать разные числа.

— Числа? — спросил один из индейцев. — «Числа» — этого мы не знаем.

— «Десять» — это число, — объяснил Куртин, — и «пять» — это число.

— О, — воскликнул один из посетителей, — но это только половина дела. «Десять» это ведь ничего, и «пять» — ничего. Вы имеете в виду десять пальцев или пять бобов или три курицы, не так ли?

— Это так и есть, — вмешался Говард.

Индейцы рассмеялись, так как они все поняли, и один сказал:

— Нельзя сказать просто «десять». Всегда нужно сказать: десять чего? Десять птиц или деревьев или десять человек. Если говорят десять или три или пять, не говоря, что под этим подразумевают, то это просто дыра, пустая дыра.

Затем они снова посмеялись. После довольно длительного молчания один из них сказал:

— Мой сын упал в воду. Мы сразу его оттуда

выудили. Но я не верю в то, что он умер. Он просто никак не проснется. Вы, вероятно, читали всякие книги и знаете, что тут можно сделать.

Говард спросил:

— Когда ваш сын упал в воду? Вчера?

— Нет, сегодня пополудни. Но он не просыпается.

— Я пойду с вами и посмотрю вашего мальчика,— сказал Говард.— Я посмотрю, жив ли он.

Люди поднялись, и Говард пошел с ними. Они вошли в дом из высушенных глиняных кирпичей. На столе была циновка, а на ней лежал несчастный мальчик.

Говард очень внимательно посмотрел на него, поднял веки, приложил ухо к груди, потрогал руки и ноги и сказал:

— Я попробую, смогу ли я привести его в чувство.

Примерно с четверть часа он делал мальчику искусственное дыхание, затем велел сделать горячее обертывание, растирал ему руки и ноги, и, когда снова приложил ухо к груди, он нашел, что сердце стало биться. Спустя час мальчик стал самостоятельно дышать, и еще через несколько минут он открыл глаза.

Мужчины и женщины, стоявшие в хижине, смотрели за действиями чужака, не проронив ни звука. Две женщины, занимавшиеся горячим обертыванием, перебрасывались только шепотом отдельными словами или понимали друг друга по жестам. Даже теперь, когда мальчик полностью очнулся, люди не осмеливались заговорить.

Говард взял шляпу, надел ее и пошел к двери. Никто не останавливал его, никто ему ничего не сказал. Только отец пошел за ним, подал ему руку и сказал:

— Большое спасибо, сеньор.

Затем он снова вернулся в дом. Уже стемнело, и Говарду стоило труда найти лагерь. Зарево костра показало ему наконец дорогу.

— Как это у тебя получилось?—спросил Доббс.

— Пустяки,— сказал Говард.— Искусственное дыхание, а там уже все пошло. У него просто был шок; он, вероятно, и сам бы оклемался через несколько часов. Оставили вы мне хоть кусок мяса?

До рассвета они были снова в пути. Они должны были уже скоро достигнуть Томини и попытаться там пересечь горный кряж. После перерыва на обед они нагрузили ослон, и, когда стали выводить их на дорогу, Куртин сказал:

— Что же это происходит? Похоже на то, что у нас кто-то висит на хвосте.

— Где? — спросил Доббс.— Да, теперь я вижу. Индейцы верхом. Но ведь не обязательно это наш хвост. Это может быть у них просто верховая прогулка или поездка на рынок.

Прошло немного времени, и всадники подъехали. Они узнали четырех индейцев, нанесших вчера им визит, и кроме того, там было еще два человека, которых Говард видел в хижине.

Индейцы поздоровались, и тут один из них сказал:

— Сеньоры, зачем же вы убежали от нас?

Говард засмеялся:

— Мы не убежали, но мы должны продолжать свой путь, мы должны попасть в город. У нас там важные дела, которые не терпят отлагательства.

— О! — сказал индеец, сына которого Говард спас.— Дела могут и подождать, дела неспешная вещь. Есть еще много дней, не только сегодня, не только завтра и не только послезавтра. Но прежде всего я должен вас угостить. Я ведь не могу отпус-

тить вас так. Вы вернули жизнь моему сыну. За это вы должны быть моим гостем. Две недели. Но нет, этого мало. Шесть недель. Вы будете моим гостем. У меня есть земля. У меня много маиса. У меня есть корова и много коз. Каждый день вы будете получать отличного индюка, и яйца, и молоко. Моя жена будет каждый день печь вам лепешки.

— Мы благодарим от всего сердца,— сказал Говард,— но если мы своевременно не прибудем в город, мы потеряем наше дело.

— Дела не убегут,— сказал другой индеец.— Дела растяжимы, как мясо старой козы. От дел появляются заботы. Почему вы хотите навязать себе хлопоты, если вам будет так хорошо у нас. У вас не будет забот, а будут музыка и танцы.

— Нет, мы должны идти, нам необходимо в город,— сказал Доббс, он начал сердиться.

— Мы приняли от вас одолжение,— сказал отец мальчика,— и вы должны принять от нас благодарность.

Когда индейцы увидели, что пришельцев труднее уговорить придти в гости, чем они думали, один из них сказал:

— Двое молодых пусть идут с миром, но ты,— и он повернулся к Говарду,— ты не должен уйти. Сын моего брата точно бы умер, не пригласи мы тебя. Мы должны заплатить за лечение, ведь ты был так добр к мальчику.

Как ни злились трое путников, как ни сопротивлялись, они не могли ускользнуть. Их окружили шестеро, и они были в их власти.

Наконец Доббс набрел на мысль. Он сказал Говарду:

— Глупость, которую мы вчера сделали, уже ничем не исправить. Они будут вполне довольны, если заполучат тебя. Они хотят, чтобы ты остался.

Мы пойдем дальше, а ты приедешь потом. Это единственный выход.

— Ты сладко поешь,— сказал Говард.— Но что будет с моей поклажей?

— Ты оставишь ее при себе,— сказал Куртин. Доббс возразил:

— Я бы этого не советовал. Они будут рыться в поклаже и заберут все себе, или просто будут болтать об этом, все всплывет, и если они тебя не убьют, то об этом прослышат бандиты и подстергут тебя.

— Что же мне делать? — спросил Говард.

— Мы возьмем твою долю с собой и положим в банк на твое имя. Или ты нам не доверишь? — Это сказал Доббс.

— Не доверяю? Почему же не доверять? — Говард смеялся и смотрел то на одного, то на другого.— Мы почти целый год прожили вместе и работали вместе. Тут ведь все время требовалось доверие. Или что-то не так?

Так как ничего другого не оставалось, они пришли к решению, которое устраивало и индейцев. Их заботила мысль, как выразить свою благодарность Говарду. Оба взяли на себя ответственность за доставку доли Говарда и дали расписки, где указали, что получили столько-то мешочков, каждый примерно одинакового веса, и столько-то граммов промытого золота.

— И где вы его сдадите на хранение? — спросил Говард.

— Мы положим его в сейф банкирской конторы в Тампико на твое имя,— сказал Куртин.

— Тогда ладно,— сказал Говард, и они расстались.

— Это лишь на пару недель, старина,— сказал Куртин.— Во всех случаях я жду тебя в Тампико.

Найдешь меня в «Южной» или в «Имперiale». Я бы остался с тобой, но это уж слишком большая потеря времени, а ты ведь знаешь, что меня ждет кое-кто.

Индейцы дали Говарду одну из лошадей, а индеец, отдавший лошадь, сел вдвоем с другим. И они, весело смеясь, отправились в свою деревню, с триумфом поместив в середину кавалькады Говарда.

XVIII

Из-за остановки и длительных переговоров, при которых индейцы не выказывали никакой торопливости, а только упорство в достижении своей цели, пропало полдня. Создалось впечатление, что индейцы были совсем не заинтересованы в том, чтобы оба товарища Говарда обязательно сопровождали его. Если бы Говард пожелал, чтобы их включили в общество, то им пришлось бы пойти и им оказывали бы те же любезности, что и Говарду. Но индейцы, казалось, не испытывали к ним никакой симпатии.

Эта задержка явилась причиной того, что Куртин и Доббс не достигли даже Циенги, крохотной индейской деревушки, и им приходилось идти еще один день, пока они подойдут к тропе в горном кряже, по которой они хотели перевалить через кряж.

Оба они из-за этого случая разозлились и были в плохом настроении. Они едва перебрасывались одним-двумя словами, а если уж нужно было что-то сказать, то ворчали сквозь зубы. Их бесило, что им придется транспортировать долю Говарда, что им нужно будет гнать его ослов, что им надо будет навьючивать и развьючивать его поклажу, что он отсутствует и не делает свою часть работы. А ведь как раз ослы Говарда любили отбиваться от каравана, и как раз его тюки были плохо зашнурованы

и во время передвижения падали с вьючных седел. Они, чертыхаясь, снова упаковывали поклажу. И пока они это делали, остальные ослы разбрелись и их нужно было ловить. Этого не бывало, когда путников было трое.

Но они могли сколько угодно слать проклятия и ругань издалека. Они скоро увидели, как это смешно: ведь Говард не мог всего этого услышать. Они стали тогда проклинать ослов. Но те не отвечали и не принимали это всерьез. Они трусили своей дорогой, то один, то другой хватали то там колосок, то тут веточку с куста, как только выдавалась минутка, и следующее за ним в караване животное не так уж напирало. Под конец обоим парням не оставалось ничего другого, как ворчать друг на друга, упрекать и винить друг друга за давно прошедшие дела только, чтобы слышать ответы и все более распалиться из-за этих ответов. Всегда есть ответы, являющиеся поводом для ссоры. Ни один из них не обладал философским спокойствием, чтобы не отвечать на упреки, обвинения и насмешку. Как раз над ослами, которые терпеливо, кротко, трусцой бежали между этими двумя, они и перекидывались своими милыми, «любезными» репликами. Ослы наставляли уши то вперед, чтобы уловить блестящее проклятие Куртина, то прижимали их назад, чтобы услышать, в каких славных выражениях Доббс прокомментирует брань Куртина и как ответит на нее. Тогда ослы, идущие рядом, становились носами друг к другу, обнюхивались, шептали что-то и ухмылялись во всю морду. Если же тропинка была слишком узкой, чтобы ослы могли подойти мордой к морде, то один из ослов нюхал сзади впереди идущего. Тот оборачивался, кивал и ухмылялся, недвусмысленно давая понять, что он все понял и составил свое мнение. Они передавали

свое мнение все дальше посредством обнюхивания, поворотов, кивков, ухмылок и покачивания длинных ушей. Если бы Доббс и Куртин хоть на миг улучили бы время, чтобы понять, что и как думают об их действиях ослы, то они бы определенно поняли мудрость мира. Но кто опустится до того, чтобы учиться у ослов?

— Я — стоп! — сказал внезапно Доббс. — Я ведь не скотина, чтобы так носиться целый день.

— Ведь сейчас только три часа, старина, — ответил Куртин. Доббс в остервенении закричал над спинами ослов:

— Я ведь тебе не велю разбивать здесь лагерь. По мне ты можешь продираешься сквозь чащу до утра.

— Велишь? Ты? — надсадно заорал в ответ Куртин. — Ты не можешь мне приказывать. Ты здесь не хозяин.

— Может, хозяин ты? Только скажи. Я только и жду, когда я это от тебя услышу. — Доббс побагровел.

— Ладно, — сказал Куртин несколько спокойнее, но все еще сердясь, — если ты действительно больше не можешь...

— Не можешь? Не можешь? — закричал Доббс. — С тобой я еще могу тягаться.

— Ладно, ладно, хорошо. Раз ты не хочешь, ты можешь разгрузить ослов и разбить лагерь. Я согласен.

— Здесь есть вода, — сказал Доббс, также успокаиваясь, — неизвестно, найдем ли мы где вечером воду.

Совместная еда всегда примиряет, так как во время еды не говорят о расходах и издержках. Эта трапеза примирила их, хоть это не была какая-то

особая пища. И они произнесли тосты. Один выпил за другого.

В этот вечер Доббс был оратором. Он сказал:

— Что же будет делать наш старик? — Но при этом он думал не о нем, а о себе, о своих интересах. Конечно, вначале его мысль действительно была о Говарде. Но еще прежде чем он окончил фразу, ему стало ясно, что кое-что ему гораздо ближе Говарда. Он посмотрел на тючки, и его взгляд несколько задержался на тючках Говарда.

Куртин также посмотрел на тючки. Он неправильно понял взгляд «оратора» и сказал:

— Да, я думаю, что мы спокойненько доставим весь груз домой. Мы теперь довольно далеко спустились с горы. Мы не внушаем теперь подозрений. Через два дня, если мы внимательно посмотрим с горы, мы сможем увидеть дымок паровоза.

Доббс ничего не ответил. Он уставился на костер, затем посмотрел туда, где шевелились темные тени пасущихся ослов, и так как он не хотел больше смотреть на огонь, а также на ослов, то взгляд его упал на тючки и остановился на тючках Говарда.

Внезапно он ткнул Куртина кулаком и громко засмеялся. Его смех взорвался прерывисто, захлебываясь и булькая.

Куртин смотрел на него, не понимая, растерявшись немного, потом, заразившись этим смехом, заулыбался, оглядываясь, будто хотел понять причину такого веселья Доббса.

Наконец, тоже смеясь, он спросил:

— Послушай, парень, над чем же ты так ржешь?

— Ох, сынок, сынок,— выдавил сквозь смех Доббс.— Сынок, ведь это так смешно, невероятно смешно...

— Что смешно?

— Только подумай, ведь этот осел отдал нам все свое золотишко. Здесь, в чаще джунглей. Мы ведь так легко можем с ним смыться. И духу от нас не останется. Где он будет нас искать, эта старая перечница?

Куртин перестал улыбаться.

— Я что-то не пойму тебя, Доббс,— сказал он.— О чем ты?

Доббс рассмеялся и снова ткнул Куртина кулаком:

— Не поймешь никак? Ты, божья коровка, откуда же ты взялся?

— Клянусь, я не пойму тебя.— Куртин помотал головой.

— Чего уж тут не понять? Не будь таким толстокожим. Мы уходим.

Куртин ничем не показал, будто понимает, что от него требуется.

— Мы уходим,— пояснил Доббс,— перегрузим все аккуратненько, поделим, и каждый пойдет своей дорогой.

— Я начинаю что-то понимать,— кивнул Куртин.

— Долго же до тебя доходит,— сказал Доббс, похлопывая его по плечу. Куртин встал. Он сделал несколько шагов, затем возвратился к костру. Но он не сел, а продолжал стоять, уставившись в небо. Потом он сказал коротко и жестко:

— Если ты думаешь, что мы присвоим долю Говарда, если ты только думаешь...

— Чего же еще? Конечно, я думаю так. И думаю вполне серьезно.

— Да, так если ты так думаешь,— продолжал Куртин, как если бы его и не прерывали,— я не присоединяюсь. Я не из таких.

— В конце концов,— сказал Доббс, вставая и подойдя вплотную к Куртину,— в конце концов, мне и не нужно твое согласие. Если ты так хочешь знать. Тебя я не спрошу. И если ты не присоединишься, то тебе же хуже. Тогда я возьму всю пенку себе, а ты можешь утереть свою красную рожу, если есть тряпка. Понятно?

— Да, теперь я понимаю.— Куртин засунул руки в карманы и отступил чуть назад, чтобы немного отделиться от Доббса.

— И? — резко спросил Доббс.— И что?

— Пока я здесь, ты не получишь ни грана из того, что принадлежит старику. Я подписал расписку.

— Я тоже, но плевать я хотел на это. Пусть попробует сначала нас найти. Тут я ему и скажу: «Бандиты все у меня отняли». Ясно, как апельсин.

Куртин непоколебимо продолжал:

— Я подписал расписку и дал ему слово, что с тобой или без тебя я все доставлю в сохранности. Это не только из-за расписки или моей подписи или из-за обещания. В жизни так много обещаешь и так много расписываешься, что если бы все это можно было сдержать, то не было бы времени просто жить. Все здесь не так просто. Здесь что-то другое. Он это не украл, не подобрал, он не выиграл это в лотерею или на бирже, или в рулетку в Монте-Карло. Он это заработал честным и тяжким трудом. Я мало что уважаю. Но кое-что я чту. И это то, что кто-то заработал тяжким трудом, своими руками.

Доббс отстраняюще помахал рукой:

— Брось свои большевистские идеи. Ими можно только кур смешить. Их я знаю наизусть.

— Ничего общего с большевизмом,— ответил Куртин.— Возможно, что это и есть мнение боль-

шевиков, коммунистов — потребовать от всех работающих владельцев денег уважения к заработанным деньгам, чтобы платить рабочему плату, которую он действительно заслуживает, и чтобы эту плату у него не выуживали потом всякими путями, правдами и неправдами, и не тратили на всякую ерунду, которая совсем не интересует рабочих. Но это нечто совсем другое. Это их дело. Я ничего общего с этим не имею. А теперь коротко и ясно, парень: пока я стою у каравана или поблизости от него, тебе не видать ни зернышка из того, что принадлежит старику. К его золоту ты не прикаснешься, пока я твердо стою на ногах.

Куртин сел, взял трубку и стал ее набивать. Он старался выглядеть спокойным.

Доббс остался стоять, не сводя глаз с Куртина. Затем он громко и насмешливо расхохотался:

— Ты прав, сынок. Теперь я это знаю, что ты замышляешь. Я уже давно это знаю.

— Что ты уже давно знаешь? — спросил, не глядя на него, Куртин.

— То, что у тебя самого на уме: что ты сегодня или завтра ночью пристрелишь меня и зароешь, какдохлую собаку, а затем с тюками Говарда и моими впридачу уедешь и еще посмеешься в одиночку, какими же идиотами мы были.

Куртин положил трубку, которую он собирался раскурить, и посмотрел вверх. Его глаза были широко раскрыты. Но они были пустыми и бессмысленными. При таком обвинении он потерял способность придать глазам хоть какое-то выражение. О том, что ему здесь предъявили, он никогда и не помышлял. Он никогда не считал себя образцовым человеком. Он мог и схватить что-то, если стоило хватать, и угрызения совести не мучили его. Нефтяные магнаты, стальные короли и гиганты желез-

нодорожных компаний не существовали бы, если бы они руководствовались так называемой совестью.

Почему же он, маленький человек, должен иметь более благородную и чистую совесть, чем те, которых считают звездами нации и которых в газетах, журналах и букварях приводят, как пример деятельности, силы, воли и успеха. Почему? Но то, что Доббс ему здесь предлагает, это было бы самое подлое дело, которое он мог себе только представить. Возможно, он бы считал его не таким уж и подлым, если бы сам набрел на эту мысль. Но так как это было подкинуто ему Доббсом в самом хамском и отвратительном виде, то он нашел эту мысль свинской, хуже, чем он когда-либо слышал.

В том, что Доббс счел возможным довериться ему, он увидел сразу безграничную подлость и низость Доббса. Как мог он такое о ком-то подумать? Только потому, что сам думает об этом. Если он такое задумал, то он, Куртин, уже труп: Доббс не станет медлить, убьет его тотчас же, чтобы завладеть всем добром. И сознание, что речь идет теперь о его жизни, погасило всякую мысль в его глазах.

Он видел опасность и не мог ее избежать. Он был беспомощным. Настолько беспомощным, насколько редко бывает человек. Как мог он оградить себя от Доббса? Им оставалось пути не менее четырех или же пяти дней. Даже если бы они кого-нибудь встретили, это не гарантировало безопасности. Доббсу понадобилось бы лишь намекнуть людям, которые встретились, что он даст им заработать, и они сразу же были бы на его стороне. А если они никого не встретят, тем лучше для Доббса. Одну ночь Куртин сможет, пожалуй, провести без сна и охранять свою шкуру. Но следующую ночь он тогда будет спать еще крепче. Доббсу

не придется даже тратить пулю. Он сможет его связать, стукнуть как следует по голове и зарыть.

Был лишь один выход. Куртину надо было сделать с Доббсом то, что Доббс мечтал сделать с ним. Другого спасения не было. Глотай, а то проглотят тебя. Третьего не дано.

«Его золота мне не нужно, — подумал Куртин, — но его я должен отстранить. Старик получит свой груз, я получу мою долю, а долю этого негодяя я зарюю. Я не хочу обогатиться за его счет, но моя жизнь стоит столько же, сколько его».

Левая рука с набитой трубкой лежала у него подле куртки. Правая рука на колене. Он медленно подтянул правую руку к себе и постарался, чтобы она скользнула в задний набедренный карман. Но в тот же миг Доббс вскинул свой револьвер.

— Еще движение, парень, — крикнул он, — и я спущу курок.

Куртин спокойно сложил руки.

— Руки вверх! — скомандовал Доббс.

Куртин поднял руки.

— Что же, я правильно думал, — язвительно заметил Доббс. — Затуманить, завуалировать все тягучими речами... Это у меня не пройдет!

Доббс приблизился.

— Встань! — сказал он.

Куртин не сказал ни слова. Он побледнел. Когда он встал, Доббс подошел совсем близко, обошел его и взялся за задний карман Куртина, чтобы обезоружить его.

Коротким рывком Куртин повернулся. Доббс выстрелил. Но из-за неожиданного движения Куртина пуля просвистела мимо, и прежде чем Доббс успел второй раз взвести курок, Куртин кулаком ударил его в подбородок, да так, что Доббс рухнул на землю. Куртин сразу бросился на него и взял

его револьвер. Затем он вскочил и отошел на несколько шагов.

— Карты теперь сданы по-другому, Доббс,— сказал он.

— Вижу,— ответил Доббс. Он приподнялся и остался сидеть на земле на корточках.

— Только я хочу тебе сказать, что ты совсем не прав,— высказался Куртин.— Ни одной минуты я не думал о том, чтобы отобрать у тебя что-то или вообще устранить тебя с дороги.

— Ну рассказывай, рассказывай. Но если ты такой честный и чистый ребенок, как говоришь, то отдай мне мою пушку.

Куртин рассмеялся.

— Ее я, пожалуй, оставлю. Эта игрушка не для тебя.

— Понятно,— ответил Доббс и пошел к костру.

Куртин вынул патроны из револьвера Доббса и сунул их в карман. Затем он некоторое время покачивал оружие на руке. Он хотел протянуть его Доббсу, и Доббс было протянул руку. Но Куртин опомнился и также сунул револьвер Доббса в карман своих брюк. Затем он сел к огню, но все время следил за тем, чтобы избежать неожиданной атаки Доббса. Он взял свою короткую трубочку и раскурил ее. Доббс не сказал ни слова, и у Куртина было более чем достаточно времени, чтобы взвесить свои мысли.

Ему не приходило в голову ничего другого, чем полчаса тому назад.

Он не сможет охранять Доббса четыре дня и четыре ночи подряд. В конце концов он заснет, и Доббс одолеет его. Доббсу чуждо милосердие. Ведь он теперь убежден, что все правильно предполагал, и он будет действовать из самообороны, считая себя вынужденным устранить Куртина. Вы-

жить может только один. Двое просто сойдут с ума от страха или переутомления. Тот, кто заснет, станет жертвой другого.

— Не могли бы мы расстаться завтра рано утром или сегодня ночью и пойти каждый своим путем? — спросил наконец Куртин.

— Тебе бы это понравилось!

— Почему?

Доббс насмешливо рассмеялся:

— Напасть на меня сзади? Не так ли? Или травить на меня бандитов?

— Ну, если ты так думаешь, — сказал Куртин, — тогда я не знаю, как нам разойтись. Тогда мне придется тебя связывать, на день и на ночь.

— Да, тебе придется так делать. Итак, подойди и попробуй. Свяжи. Я в твоём распоряжении. — Доббс был прав. Не так-то просто было его связать. Это могло легко привести к тому, что карты будут снова перетасованы. И это было бы уже в последний раз. Доббс был более жестоким, он нападал без оглядки. И благодаря своей жестокости он был сильнейшим из них. Беспощадный всегда переживает нерешительного. Те, кто мгновенные действия предпочитает спокойному тщательному обдумыванию и взвешиванию, являются захватчиками. Здесь, однако, речь и могла идти только о захвате, так как сохранность собственной жизни зависела от безоглядного подавления и уничтожения другого. Власть была у Куртина, но он боялся ее применить.

Доббс, напротив, мог растронжирить, но не промотать. Он мог уничтожить, но не разрушить. И поэтому он не был созидателем; созидатель может промотать и разрушить.

Ужасная ночь настала для Куртина, но не для Доббса. Нашупав слабую сторону Куртина, он почувствовал себя вполне уверенно. Он мог теперь начать игру.

Куртин улегся на таком расстоянии от Доббса, чтобы хорошо его видеть и, одновременно, иметь достаточно пространства, чтобы применить оружие, если тот захочет напасть. Куртин изо всех сил старался бодрствовать. Его утомил дневной переход, и он чувствовал, что ему нелегко будет выдержать бессонную ночь. Ходить вокруг он не хотел, так как полагал, что это еще больше его утомит. Он немного посидел выпрямившись, но и это его утомило. Тогда он подумал, что лучше будет завернуться в одеяло и прилечь. При этом тело отдохнет. Доббс не узнает, если он и вздремнет, он не сможет этого рассмотреть.

Спустя час, когда Куртин перестал двигаться, Доббс привстал и пополз. Тотчас же Куртин вскинул револьвер:

— Ни шагу больше! — крикнул он.

— Хорош ночной сторож! — ответил Доббс и засмеялся. Далеко за полночь Доббс проснулся от рева одного из ослов. Он снова попытался поползти, но Куртин сразу же его остановил.

Теперь Доббс был уверен, что он победит, и крепко заснул. Он хотел обеспечить себе ночью покой, который был нарушен выпадами Куртина. Следующая ночь будет принадлежать ему.

Днем Доббс должен был идти в голове каравана. Ему нечего было возразить. Затем снова пришел вечер, а за ним и ночь. Сразу после полуночи Доббс встал совершенно спокойно, подошел к Кур-

тину и отобрал у него револьвер. Затем он крепко саданул ему под ребро ногой.

— Встать, сволочь,— скомандовал он,— карты снова перетасованы. Это уж в последний раз.

Куртин спросил спросонья:

— Что? Карты, перетасованы? — Затем он понял и захотел встать.

— Сиди,— сказал Доббс и уселся перед ним. Он сунул поленья поглубже в костер, и язычки пламени вспыхнули ярче.

— Много разговаривать нам не стоит,— продолжил Доббс.— Я не намерен изображать из себя няньку, как делал ты прошлую ночь и последний день. Я поступлю просто. Не хочу жить все время в страхе.

— Так что, убийство? — Куртин сказал это вполне спокойно. Он слишком устал, чтобы вполне понимать суть происходящего.

— Убийство? — повторил Доббс.— Кто говорит об убийстве? Я должен просто спасти свою шкуру. Я ведь не твой пленник. Я не хочу взывать к твоему милосердию, ждать, сколько времени ты позволишь мне дергаться на крючке.

— Так просто это не получится,— сказал Куртин, медленно возвращаясь к своим раздумьям.— Старик не даст тебе так легко уйти.

— Не даст? Да все очень просто. Ты привязал меня к дереву и ушел со всем караваном. Это очень легко. Он ищет тебя. Негодяй — ты! Чтобы он не нашел тебя, это уж моя забота. Ну-ка, встань и марш вперед!

— Куда вперед! — спросил Куртин.

— К могиле. Или ты думал, что я приглашаю тебя на танец? Можешь все понимать, как тебе заблагорассудится. Молиться ты, верно, не захочешь. Хотел бы я очень знать кому. Ты уж сам по

себе попадешь куда надо. Поэтому не беспокойся. Я только немного сокращаю время жизни, и это все. Итак, марш, марш вперед.

— А если я не пойду? — спросил Куртин. Он все еще был спросонья и чувствовал себя усталым. То, что творилось вокруг него, все это было горькой действительностью, это он знал точно. Но усталость, навалившаяся на него, не позволяла понять все происходившее полностью, он продолжал все осмысливать до первого выстрела, который бы он сразу услышал. Из-за своей сонливости он не понимал того, что после выстрела с ним будет покончено. Он перестанет существовать. Все, о чем они говорили и что делалось, казалось ему сном. И в этом сне он не полностью потерял мысль о том, что это все сон и ничего более. Завтра утром он проснется и едва сможет припомнить этот сон. Тем не менее он пытался твердо закрепить в своей памяти все события этого сна, чтобы, проснувшись, суметь их повторить. Ему казалось важным не забыть этот сон, потому что он резко и отчетливо высветил фигуру Доббса, каким он ранее никогда его не представлял. Он вспомнил совершенно отчетливо, как он где-то слышал, что во сне человека можно лучше узнать, чем во время бодрствования, и он решил, начиная с завтрашнего утра, с самой рани, еще более быть с Доббсом на чеку.

— Я же могу остаться сидеть и здесь, — сказал он, сидя с закрытыми глазами. — Зачем мне куда-то долго топать, я устал и хочу спать.

— Сможешь потом достаточно выспаться, — сказал Доббс. — Ну-ка, вперед, вставай и пошли!

Громкие, грубые команды Доббса были мучительны для Куртина, и, чтобы не слышать их больше, он встал, качаясь и спотыкаясь. Доббс кулаками подталкивал его вперед. Пятьдесят или шесть-

десять шагов в глубь перелеска. Затем Доббс выстрелил в него.

Куртин сразу упал, как тряпичная кукла. Доббс нагнулся и, не услышав ни вздоха, ни стопа, задул револьвер в карман и пошел обратно к костру.

Здесь он посидел немного и попытался разобраться в том, что ему теперь делать. Но в голове не было ни одной мысли. Он чувствовал себя опустошенным. Он уставился на огонь, подгребая дрова или ногами подталкивая их в самый жар. Затем он разжег свою трубку.

После нескольких затяжек ему вдруг пришла в голову мысль. Он подумал, что он, возможно, совсем не попал в Куртина, что тот просто споткнулся и упал как раз, когда прозвучал выстрел. Он обернулся к перелеску, где лежал Куртин, пристально всмотрелся во тьму, будто ожидал, что оттуда выйдет Куртин.

Затем ему стало неудобно сидеть. Он встал. Несколько раз обошел вокруг костра и поправил носками сапог ветви. Он уселся снова и набросил свое одеяло. Закутался поплотнее и растянулся у костра. Глубоко вздохнув, он решил, что заснет. Но не успел и выдохнуть, как задержал дыхание. Он был теперь уверен, что в Куртина не попал и что Куртин внезапно встанет перед ним со взведенным курком. Этого он вынести не мог. Это мешало ему заснуть.

Он выхватил толстую горящую ветку из костра и пошел с ней в перелесок. Куртин лежал на том же месте, он не дышал, и глаза были сомкнуты. Доббс поднес горящую ветку вплотную к его лицу. Но Куртин не шевельнулся. Рубашка на его груди была пропитана свежей кровью.

Вполне успокоенный, Доббс решил уйти, но,

сделав не более трех шагов, он обернулся, достал револьвер и выстрелил еще раз в Куртина.

Затем он вернулся к костру.

— Совесть, что ли, во мне заговорила, черт? — сказал он, коротко хохотнув.— Когда я только подумаю, что он мог прекрасно еще жить... Но теперь я спокоен.

Это словечко «совесть», о котором он сейчас подумал, крепко засело в его сознании. Он стал думать дальше, и каждая фраза, рожденная им, группировалась вокруг слова «совесть». Не столько вокруг этого понятия, сколько вокруг самого слова. «Хотел бы я посмотреть, сыграет ли совесть со мной какую-либо шутку, — думал он. — Убийство — это самое плохое, что можно совершить. Значит, должна проснуться совесть. Но я никогда не слышал о палаче, которого бы мучила совесть. Мистер Мак-Доллин в Синг-Синге посадил сто пятьдесят человек на электрический стул, и это, казалось, доставляло ему удовольствие. Он спал очень спокойно в своей постели каждую ночь, не ведая угрызений совести. Может, существуют четыре кнопки, и четыре человека нажимают каждый на свою кнопку, и никто не знает, какая кнопка означает смерть. Но мистер Мак-Доллин должен еще каждого парня крепко закрепить на стуле. Он уже умертвил сто пятьдесят человек или более и является все же уважаемым человеком, государственным служащим.

Сколько немцев я тогда убил во Франции? Пятнадцать? Нет, мне кажется, их было двадцать три. «Отлично», — сказал полковник. И я всегда спал спокойно, и ни один немец не явился мне во сне, ни один не потребовал моей совести. И никогда их матери, жены или их маленькие дети не тяготили меня во сне или наяву. Как это было на Арденнах?

Пулеметное гнездо немцев. Черт побери, как храбро они там сражались. Две полные роты не могли туда забраться. Затем их забросали снарядами. Они стали махать белой тряпкой. Там оставалось еще одиннадцать этих храбрецов. Мы пришли. Они все стояли по стойке «руки вверх». Они улыбались нам. Они были честные солдаты. Считали и нас честными солдатами. Мы всех их закололи, как скот. Больше всего колол и бушевал, не оставляя ни одного раненого, некий парень по фамилии Штейнгофер. Он был родом из Германии и переехал во Францию в семнадцать лет. Его родители, братья и сестры все еще в Германии. У него не было никакого сострадания. Были там двое, которые попросили пощады, потому что у них много детей. Что же сказал наш милый Штейнгофер этим отцам? Как же это было? Да, это было отвратительно — он их заколол. Мне помнится, что он заработал медаль. Когда оставалось заколоть последних двоих, которые совсем не сопротивлялись, стояли тихо-тихо, явился английский вестовой, и англичанин сказал: «Грязные собаки, постыдились бы!» Если даже Штейнгофер не стыдился, если не стыдились его соратники, которые становились убийцами немцев, а при объявлении войны называли их «кровавыми джинго», почему же должен стыдиться я? Моя совесть была совершенно спокойна, когда вспоминал тех заколотых ребят, у Штейнгофера, пожалуй, тоже. Почему же меня теперь должна беспокоить совесть из-за этого отвратительного Куртина? Только если он мертв, я буду спокоен. Совесть не спокойна только тогда, когда тебя ждет тюрьма или палач ждет тебя с веревкой. Когда же тебя освобождают или ты отбыл срок, никто больше не думает об убитом. Мысли об убитом возникают лишь тогда, когда чувствуешь страх, что он,

может, и не убит, или боишься, что тебя могут схватить.

И потому, что солдатам и палачам платят, потому совесть их не тревожит, сколько бы еще людей они ни отправили на тот свет. Чего мне страшиться? У меня добыча, а Куртина никогда не найдут. Лучше всего я его рано утром закопаю».

Доббс громко рассмеялся. Ему показалось смешным, что его мысли стали такими точными и так быстро лились. Примечательно, что он стал просто-таки мудрым, ему приходят в голову такие умные вещи. Он думал, что их стоило бы записать и его стали бы считать ученым. Он сам любовался собой, думая, что никогда ранее он не знал, какой он умный и как он может мыслить без всяких предрассудков. Он думал теперь, как легко можно справиться со всякими моралистами, которые всегда мелют свой вздор о совести, не зная, собственно, как эту совесть распознать, где ее применить. Можно доказать им, моралистам, что все то, о чем они говорят и пишут и чем всю жизнь запугивают людей, ни что иное, как мистификация. Если верят в совесть, то, значит, имеют ее, и тогда она тревожит их в определенных случаях; если не верят, то нет ее, и она никогда человека не мучает. Доббс во всю длину растянулся у костра, и когда он уже начал засыпать, он почувствовал, что будет так сладко спать, как давно уже не спал. И действительно крепко проспал до утра.

Он выпил немного вчерашнего кофе и начал паковать груз. Лишь при упаковке он вспомнил, что Куртин умер. Он рассматривал это, как факт, который не затрагивает его больше, будто Куртин умер от какой-то болезни, или его кто-то убил. Он чувствовал себя зрителем. Ни на миг он не чувствовал сострадания или даже раскаяния. Ему не

в чем было раскаиваться. Куртина он убрал с дороги, и это внушило ему полный покой.

Он раздумывал о том, взять ли себе долю Куртина или просто оставить ее здесь. Но, еще не успев додумать, он уже решил. Дикостью было бы оставить здесь тючки. Они стали бы добычей бандитов или мародеров-индейцев. Куртину они ведь больше не понадобятся. И напротив, что же может сделать он, Доббс, с этим дорогим грузом!? Он мог бы, например... И придумать трудно, что он сможет с этим сделать.

Было бы преувеличением сказать, что весь этот груз сделает его очень богатым человеком. Даже просто богатым. Но зажиточным он станет. И он не будет лениво почивать на своих деньгах, а что-нибудь предпримет, например, купит фабрику, или скотоферму, или даже спекульнет, или — нет, спекулировать не нужно. Еще неизвестно, повезет ли ему. Но почему же нет? Из-за небольшого волнения при самообороне? Самым подлым мошенникам больше всего везет. Только приличных, достойных людей всегда постигает неудача, что бы они ни начинали, за что бы ни ухватились. Конечно, если бы он все добро оставил здесь, никто бы не смог упрекнуть его в том, что он из-за этой добычи прибегнул к самозащите. Есть люди, и даже судьи, которые могут все вывернуть наизнанку, так, что в конце концов все оказывается убийством с целью ограбления. Но если оставить долю Куртина здесь, ее подберут другие, и ни одна душа ему не поверит, что он ничего не взял из того, что принадлежит Куртину. Уж лучше он в хорошем, спокойном настроении возьмет все и не будет пока беспокоиться.

Если что и выплывет, то у него всегда будет время сказать:

— Чего же вы хотите, здесь ведь все достояние

этого человека, я ничего у него не украл.— Он лишь посмотрит, до каких пор все будет тихо и как далеко все пойдет.

Так же и с золотом Говарда. Если он его разыщет сразу, то оно все будет в порядке: «Как ты мне передал». Пусть Говард его сперва сразу разыщет. А если он его разыщет попозже, заранее нельзя знать ничего, есть самые невероятные случаи,— тогда все ясно: у него в пути отобрали бандиты, и он мог спасти только жизнь и несколько своих мешочков. Ведь кругом бродит столько бандитов. На них, в конце концов, можно все списать, это будет выглядеть достоверно. Они и Куртина убили. Но, возможно, лучше сказать, что они поругались, затем подрались, затем расстались. Куртин пошел тогда другой дорогой, и что с ним стало, он знать не может. Но ведь лучше сразу же рассказать историю о бандитском нападении. К чему долго ломать голову, что ему рассказать. Достигнуть бы в сохранности города, тогда и найдется выход, как-то все станет более упорядоченно. Можно вполне открыто ждать старика в Тампико и, предупредив его вопросы, рассказать страшную историю так, что он более ничего не захочет расследовать. Один или два мешочка, которые удалось спасти из когтей бандитов, можно будет разделить со стариком. Тогда он будет доволен, что ему хоть что-то досталось, и ни в чем не будет возражать. Может, со стариком по пути к железной дороге что-нибудь случится. Была бы пара метисов под рукой: за двадцать песо они могли бы подстеречь старика и убрать его с дороги, тогда вообще бы никто ничего не узнал об этой истории.

Ослов он нагрузил. Они терпеливо стояли, иногда отступали на шаг-другой в сторону и снова смиренно останавливались. Время от времени они оборачивались. Они ожидали окрика и не понимали, почему его нет. Они привыкли к определенному времени начала пути, а уже было позднее утро. Погрузка заняла у Доббса гораздо больше времени и труда, чем он ожидал. Было совсем нелегко грузить тючки на животных без помощи второго человека так, чтобы тючки не соскальзывали; не мог же он одновременно стоять с обеих сторон осла. Оба боковых тючка невозможно было одновременно уложить на грузовое седло, тючки были слишком тяжелыми, и он не мог их поднять достаточно высоко, чтобы они опустились на седло равномерно и поддерживали равновесие. Если бы ослы при погрузке могли опускаться на землю, как верблюды. Но ослы так не делают, именно потому, что они не верблюды. С таким грузом им было бы не подниматься, хотя с ним они часами могут взбираться на гору и спускаться вниз с горы, не выказывая ни следа утомления.

Наконец Доббсу все же удалось справиться с погрузкой.

Он как раз хотел окликнуть ослон и поддать им как следует, когда вспомнил про Куртина. Он, правда, думал о нем все утро, особенно во время погрузки, но больше просто как об отсутствующем или ушедшем вперед, чем как о мертвом. То, что Куртин умер, умер навсегда, как-то еще не укладывалось в сознании, и он не мог еще думать о Куртине как о мертвом. Но теперь, когда караван должен был тронуться в путь, он вспомнил о трупе Куртина. И тут ему пришло в голову, что он хотел

до ухода похоронить его, так будет надежней. Минуту он колебался, не оставить ли его лежать просто так. Койоты, горные львы, коршуны, муравьи и мухи скоро ничего от него не оставят. Но все же останутся кое-какие кости и тряпки. Это как раз и плохо — кости могут рассказать, что здесь произошло.

Эта мысль натолкнулась на другую, которая ему раньше в голову не приходила, и она сделала его нерешительным. Он подумал, что он, пожалуй, не сможет увидеть труп, не наделав глупостей. Все вокруг было так неестественно пустынно и тихо. Лес был редким, деревья, казалось бы, не доросли немного. Они, похоже, не решили, стоит ли им подрасти или лучше остаться такими недорослями. Засуха слишком долгая, и им не выжить, если они будут требовать слишком много влаги. А так как некоторые, поумнее, не хотели больше расти, а земля вокруг них не соглашалась с этим, то они росли вкривь и вкось, несчастные калеки, пародии на дерева.

Ни птиц не было слышно, ни дичь не сновала в зарослях. В воздухе чувствовался ветерок. Доббс заметил это и по пронсящимся облачкам. Но деревья не шелохнулись. Они словно окаменели. Они казались не зелеными, а серо-голубыми, как хрупкая масса затвердевшей лавы. Воздух вокруг тоже, казалось, принял цвет серой застывшей лавы, и Доббсу почудилось, что воздух окаменел и его едва можно вдыхать. Ослы стояли теперь очень спокойно, будто ждали, пока окаменеют, как все вокруг. Иногда они поворачивали очень медленно голову назад, к Доббсу, и смотрели на него большими черными глазами долго-долго. На миг он испытал страх перед ослиами. И, чтобы стряхнуть страх, он подошел к одному из ослов и крепче

подтянул веревку. Затем подошел к другому и пошевелил тючки, будто хотел убедиться, что они хорошо прилажены и не соскользнут при спуске. Но они сидели достаточно крепко. Похлопывание по спинам животных, ощупывание их шкуры успокоило его, и он забыл взгляд больших стеклянных светящихся углей. «Какие же у него теперь глаза? Открытые ли? Остекленевшие? Пустые и тусклые?» — думал Доббс. Естественно, каждый мертвяк лежит с открытыми глазами и глаза всегда остекленевшие и тусклые. «Нет,— подумал он опять,— они не стеклянные и не светятся, как у ослов, они как ввалившиеся, тусклые, мутные стекла. Они вообще не стеклянные, они застывшие. Лучше, пожалуй, его закопать. О глазах достаточно размышлять. Но его мне лучше закопать».

Он взял из тюков свою лопату. Но, почувствовав ее в руках, снова подумал, что погребение вообще излишне и означает только трату времени. Он может из-за этого опоздать на поезд, а чем скорее он уберется из этой местности, тем будет лучше.

Когда он захотел снова засунуть лопату в тюк, его охватило любопытство, не объели ли уже Куртина коршуны. Если он это увидит, это вселит в него уверенность, подумал он. Он снова взял лопату из тюка и пошел в перелесок.

Он пошел прямо туда, где лежал Куртин. Он помнил направление и мог попасть на это место даже с закрытыми глазами. Но когда он подошел, там было пусто. Он заплутал. Темнота прошедшего вечера и неверный свет горячей ветки спутали направление. Он начал искать, ползком пробирался через молодую поросль и продирался через заросли кустарника. Ему вдруг стало плохо. Он боялся, что неожиданно натолкнется на труп, где его не ожи-

дал. Он хотел бы этого избежать. Ему казалось, что он нечаянно коснется лица трупа. Эта мысль пугала его. Он решил прекратить поиски.

Когда он, однако, уже прошел полдороги назад, он сказал себе, что он никогда не будет иметь покоя, пока не увидит перед собой труп и не сможет убедиться, что Куртин действительно умер и ничего больше не выкинет.

Он снова начал поиски. Вдоль и поперек излазил он буш. Затем он побежал к месту лагеря, чтобы оттуда проложить направление. Внезапно он понял, что не помнит точно, куда он гнал Куртина прошлым вечером. Десять, пятнадцать, двадцать раз бежал он в разных направлениях. Все напрасно. Трупа он не нашел. Неужели он настолько ошибается в направлениях?

Его возбуждение все возрастало. Солнце стояло уже высоко и пекло невыносимо. Он кашлял и обливался потом. Страшная жажда томила его. Он не пил, а просто вливал в себя бездумно большое количество воды.

Когда он снова полз через заросли, он нервно оборачивался через каждые несколько минут. Секунду ему казалось, что это страх. Но он уговорил себя, что это просто сдают нервы. Совесть молчала, это уж точно. Это просто было возбуждение.

Ослы переминались нетерпеливо. Передние уже двинулись. И вскоре пошел весь караван. Рысцой. Проклиная их, он кинулся за ними. Ослы испугались, пришли в замешательство, запутались и пустились бежать. Он должен был перехватить первых, чтобы остановить всех. Это совершенно обессилило его. Он погнал ослов обратно к месту лагеря. Они стали стоять спокойно и начали шипать чахлую травку. То один, то другой оборачивался в сторону Доббса и смотрел на него большими

удивленными глазами. Это опять испугало Доббса, и он решил потом завязать им глаза.

Но он опять начал искать. И когда он уже в сотый раз уверился, что он на том самом месте, где застрелил Куртина, он увидел кусок обугленной ветки. Теперь он знал, что находится на правильном месте. Этот кусок прошлым вечером отломался от ветки, которой он светил.

Земля была перевероршена, поросль изломана. Но это могло быть из-за его собственного ползания и беготни. Кровь он мог не увидеть. На такой почве ее и нельзя было увидеть. Может, Куртина утащил какой-нибудь зверь? Или его кто-то нашел и поднял? Сам он уползти не мог, потому что был мертвым. В этом Доббс был уверен.

Его точно утащил зверь!

Тем лучше, думал Доббс. Тогда вскоре от тупа ничего не останется. Немного успокоившись, он стал думать об отъезде. Но он все еще продолжал оглядываться. То ему мерещилось, что между деревьями он видит Куртина, то он съеживался, думая, что там, в перелеске, бродит кто-то другой.

Он вдруг вскакивал, потому что был уверен, что слышит чьи-то голоса. И если где-то хрустела ветка или скатывался камень, то Доббс был уверен, что вокруг, крадучись, пробирается горный лев, тот самый, который утащил Куртина; ему понравилась человечина, и он хочет сзади напасть на него, Доббса.

Он окликнул ослов, и они пошли вперед. Но марш был куда труднее, чем Доббс предполагал. Если он шел в голове каравана, тогда задние ослы отставали, рассыпались и начинали искать травку на боковых тропинках и в кустарнике. Много раз ему пришлось останавливать караван, чтобы загнать обратно отставших ослов.

Затем он вообще перешел в конец каравана. Но тут разбредались впереди идущие ослы, и весь караван нарушал строй. Затем он брал веревки и привязывал каждого осла к грузовому седлу впереди идущего осла, чтобы они держались вместе. Он снова встал впереди каравана. Но как только один из последующих ослов не поспевал и тянул за седло переднего, передний останавливался и останавливал весь караван. Тут он стал заниматься только с ведущим ослом, нахлестывать его и заставлять подтягивать остальных. Это продолжалось каких-то пятьдесят шагов. После этого этому ослу все надоело. Он остановился, уперся передними ногами, откинул назад свои длинные уши и стоял твердо, как скала. Доббс пытался его стегать или пинать сапогами в пах, осел стоял недвижимо. Он не понимал ведь, что происходит. Он должен был идти вперед и одновременно его тянули назад. Доббс снова изменил тактику и стал сам в голове каравана и тянул впереди идущего осла. Некоторое время все шло отлично. Все ослы следовали за ними, но как только ведущий осел понял, что ему гораздо легче и удобней, чтобы его тянули, чем бежать самому, он стал все более полагаться на то, чтобы его тянули, тогда Доббсу пришлось тащить такой груз, будто на нем висел целый товарный поезд и он тянул его на веревке, перекинутой через плечо. Ему пришлось отказаться от этого и попробовать снова погонять сзади и перебегать все время вдоль каравана, чтобы сгонять в строй отбившихся ослов. Затем вдруг некоторое время караван послушно и без хлопот шел сам по себе. Ослы втянулись в ритм и придерживались тропы. Все шло так мирно и славно, что Доббс безмятежно трусил сзади и даже мог разжечь трубку. И так как ему нечего было больше

делать, как брести своей дорогой, его снова стали одолевать мысли.

«Я недостаточно тщательно искал,— думал он.— Он, может, не умер, а был тяжело ранен. Теперь он ползет по зарослям и попадет наконец в индейскую деревню. Тогда конец». Он резко обернулся, так как подумал, что индейцы, которые гонятся за ним, чтобы передать полиции, уже здесь.

«Но он еще не мог доползти до деревни. Деревни далеко, и если он даже не умер, то так тяжело ранен, что может передвигаться очень-очень медленно. Я должен разыскать его и добить окончательно,— продолжал размышлять Доббс.— Это в любом случае попытка к убийству и грабеж. Это стоит двадцати лет на острове Святой Марии». Наконец он понял, что нет другого выхода, как вернуться и снова искать труп или исчезнувшего Куртина. Ему пришло в голову, что в одном направлении он и вовсе не искал. Это было в направлении, противоположном тому, где он оставил лежать Куртина; через костер в сторону другой части буша. Там он совсем не смотрел. И было совершенно ясно, что Куртин уполз туда, так как это направление вело назад в деревню, которую они видели вчера, проходя мимо около полудня. Доббс спал спокойно, ничего не видел и ничего не слышал. Возможно, Куртин и не подходил близко к лагерю, чтобы не разбудить Доббса и не получить остальной заряд. Обороняться ведь он не мог. Тут не могло быть и тени сомнения, Куртин полз в том направлении, и именно там следовало его искать. Теперь он с тем же пылом и рвением искал в новом направлении, обратном тому, в каком он вел поиски до полудня. Но скоро наступила ночь, и Доббс вынужден был прекратить поиски.

Для него оставался теперь только один выход. Он не мог больше зря растрачивать время на поиски. Завтра рано утром он должен отправиться в путь и как можно быстрее достигнуть станции железной дороги Дуранго, там продать ослов и инструменты, сесть в ближайший поезд, чтобы раствориться в каком-либо большом городе.

О Ларедо, Игл-Пасе, Браунсвилле или другом пограничном городе он пока и думать не мог. Потому что если Куртин действительно достиг деревни или Говард был в пути, то прежде всего его, Доббса, будут искать на границе.

Вчера после обеда Доббс с голой вершины одной из гор видел дымок проходящего поезда. Значит, он уже не очень далеко от железной дороги!

XXI

До зари Доббс был уже на марше. Караван пошел споро, после того как двинулся с места. Животные были более послушными, чем прошлым днем, ведь им не пришлось стоять так долго, как вчера, и к тому же они уже знали первую часть пути. И все же один из ослов вышел из строя, и Доббс не мог водворить его на место. Он вынужден был оставить его, чтобы не терять времени. Пока Доббс гонялся за ним, груз наталкивался на деревья, ремни порвались и осел рысцей убежал без груза. Доббс, однако, потрудился и распределил груз. Скорее всего осел будет следовать за ними и вечером вернется добровольно в лагерь.

Теперь Доббс мог уже постоянно видеть вдали железнодорожную линию. Дорога целый день уводила в сторону, вниз в долину. Он мог легко после обеда в тот же день добраться до станции. До Чиначате или Гуатимапа.

Но в этих маленьких деревеньках он слишком бросался бы в глаза со своим караваном, потому что был совсем один. Это вызвало бы подозрения.

Кроме того, в таком местечке никто бы не мог купить его ослов, инструменты и всякие другие вещи, которые ему нужно было продать, чтобы купить билет и доплатить за скорость.

Поэтому ему не из чего было выбирать, придется проделать путь до Дуранго, где он сможет, не обращая на себя внимания, закончить все дела. Это составляло еще два верных дня пути. Возможно, и три. Если бы хоть знать, остался ли Куртин в живых. Но нужно, в конце концов, положиться на свое счастье — на удачу.

Когда Доббс на этот раз разбил вечером свой лагерь, он чувствовал себя спокойней, чем в два предыдущих дня. Его не мучила совесть. Это было лишь смутное недовольство, что дело сделано лишь наполовину или просто недостаточно хорошо.

Он сделал свою работу более чем недобросовестно. Это мстило за себя. Это вселяло в него неуверенность. Ему следовало полностью раскрыть Куртину череп, воткнуть ему в сердце нож и тут же его закопать. Это была бы отличная работа, которая принесла бы ему полное удовлетворение и покой. «Делай работу в совершенстве и сразу», — так ему внушали еще в детстве. А когда подошло к делу, он сделал работу далеко не в лучшем виде и далеко не сразу.

Тут притрусил осел, который убегал днем и теперь вернулся к своим товарищам. Двое пасущихся ослов вытянули далеко вперед шеи и заревели. Это определенно были его закадычные друзья. Возвратившийся, однако, подошел совсем к другому ослу, обнюхал его шею, почесал ее зубами и начал тогда пастись рядом так безмятежно, будто он отходил

куда-то лишь на несколько минут, а не полный день бежал где-то за караваном.

«Вот мне уже и повезло,— рассмеялся Доббс, увидев притрусившего осла.— Вот и спасены пятнадцать песо. Еще через два дня я смогу спокойно написать старику, а второму парню послать врача. Тогда им меня уж не сцапать».

Он пришел в такое хорошее настроение, что начал насвистывать, а потом и запел. И спал он в эту ночь спокойнее, чем в предыдущую, когда его часто смущали какие-то шорохи, которые пугали его, хотя были вполне естественными. Около полудня на следующий день, когда тропа вела через холм, он смог уже видеть вдаль Дуранго. Дуранго, жемчужину Сьерра-Мадре, которая купается в золотистом свете и которую тихо обдают мягкие теплые ветры; они ласкали ее, как нежные женские руки, бережно уложив между оберегающими ее горами. «Город солнечного сияния» называют ее те, кто ее видел, и те, кто тоскует по ее своеобразной прелести. Удивительное творение, какое едва ли еще где есть, создала мать Земля. 600 миллионов тонн чистого железа. Мать Земля не скупится, когда вздумает делать подарки.

В этот вечер он разбил свой последний лагерь. Завтра к вечеру он будет в Дуранго, а на следующее после этого утро будет сидеть уже в поезде, следующем в Канитас. Продать ослов и остальные вещи не отнимет много времени, он попросит лишь столько, сколько ему примерно понадобится для оплаты дальнейшего пути в поезде.

Он ликовал. Он чувствовал себя уверенно. Когда ветер дул со стороны железной дороги, он различал в тишине ночи свистки товарных поездов. И эти воюющие звуки локомотивов, звучавшие так жутко и призрачно, навевали на него ощущение,

будто он уже устроился в отеле вблизи железной дороги. Это был крик цивилизации. Он знал, что родился под этот крик. Он тосковал по законности, по правосудию, по прочным стенам города, по всему тому, что должно защищать его богатство. Там, где законы защищают собственность и где могущественные силы создают почет закону, он чувствовал себя в безопасности. Там всякое обвинение должно быть доказано. И если доказать ничего не могут, то владелец считается законным хозяином, собственность которого охраняется оружием и тюрьмой.

Но он постарается не связываться с судами и доказательствами. Он пойдет осторожненько, убирая с пути все камни и камушки, о которые можно споткнуться, если глядеть по сторонам. Что сможет сделать Говард? Ничего. Если он попробует достигнуть чего-то с помощью полиции и суда, он и сам попадетсЯ. Он ведь раскопал рудник и эксплуатировал его, не получив разрешения правительства. Он обворовал государство и нацию. Он будет сам опасаться и не посмеет пойти против него, Доббса. А Куртин? Если он все же остался жив, что он может сделать ему? Тоже немного. И он, Куртин, обворовал государство, он ведь должен будет сказать об этом, когда будет давать свои показания. Доббс не обворовывал государство. Что обворовал, этого не докажет никто. Покушение на убийство? И этого Куртин не может доказать. Этого никто не видел.

Рубцы от огнестрельных ран? Кто знает, в какой потасовке или даже при разбойном нападении он получил эти раны. Доббс теперь — утонченный, элегантный, зажиточный господин, который может позволить себе взять дорогого адвоката. Ему поверят, когда брезгливым жестом он покажет, что

те оба — уличные грабители. Стоит только на них поглядеть. Да и, кроме того, они, ведь они не подберутся к нему, поскольку он будет под охраной закона. Как хорошо, что существуют законы. Только здесь, пока он не достигнет станции, пока он не отдаст себя в руки и на попечение закона, те двое смогут что-то предпринять против него.

Но они далеко, и завтра он будет в безопасности. Может, чисто случайно, они и встретят его когда-нибудь, где-нибудь в Штатах, или на Кубе, или в Мексике, или в Европе. Они, конечно, могут смело бросить ему в лицо, что он убийца и грабитель, уличный бандит, просто последняя сволочь. Это они смогут сделать. Против этого ничего не предпримешь. Но наплевать ему будет на это. Если они уж слишком далеко зайдут, он подаст на них жалобу, обвиняя их в клевете и оскорблениях. Потому что это клевета, и ни один судья в цивилизованной стране не поверит, что такие вещи могут вообще твориться на земле. Теперь не могут, сегодня. Это могло быть так лет сто тому назад, может, пятьдесят. Тогда еще случалось. Теперь никогда. Таких отдаленных и незащищенных местностей больше просто нет. Это знает каждый судья. Он просто посмеется над этим. И тогда клеветник должен будет заплатить порядочный штраф или отправиться в тюрьму, потому что Доббс — достойный и зажиточный человек, который составил себе состояние с помощью вполне законных спекуляций.

Старик и Куртин могут его вполне убить из-за угла. Такое они смогут, против такого бессильны все законы. Но за это их повесят или пошлют на электрический стул. Это они знают заранее и, конечно, оставят идею убийства.

Вот снова свистит локомотив в ночи. Для Доббса это лучше всякой музыки. Музыка убежища.

«Примечательно, что Куртин совсем не вскрикнул, когда я в него попал, что он не стонал, не хныкал, не сопел и не вздыхал. Ничего, ничего. Он рухнул, как поваленное дерево. Вытянулся во всю длину и умер. Только рубашка набухла кровью, кровью густой и вязкой. Было лишь единственное движение». Когда Доббс пришел и осветил его горячей веткой, ожидая увидеть что-то ужасное, он увидел только белое застывшее лицо. Его потому ничего и не испугало, что Куртин лежал, уже смешно скорчившись, так, что Доббс едва не рассмеялся над гротескным положением трупа. Доббс и теперь усмеялся в темноте. Он считал очень смешным все, что было связано с Куртином: то, как он безмолвно лежал и как простым нажатием курка погасили его жизнь.

Где же все-таки труп? Его утащил зверь? Его нашли и перенесли в безопасное место? Его сожрал лев или ягуар? Это бы он заметил. Может, он и не умер вообще?

Доббс забеспокоился. Его начало знобить. Он стал шуровать в костре. Затем он оглянулся, осмотрел голые пространства, а потом кустарник за ними. Наконец ему пришлось встать. Он обошел вокруг костра. Он уговаривал себя, что он делает это, чтобы согреться. Но в действительности он сделал так потому, что стоя ему легче было почти одновременно смотреть во все стороны. Порой ему казалось, что кто-то крадется сюда. Потом ему слышалось, что приближаются к костру. И вдруг его охватило чувство, что кто-то вплотную подошел к нему сзади, что он чувствует чужое дыхание у своего уха и что кончик длинного ножа нацелен в его спину. Коротким прыжком Доббс метнулся вперед и обернулся, вскинув пистолет. Но он ничего не увидел. Он не видел ничего, кроме темных

теней ослов, которые лениво паслись или, некоторые, улеглись уже на землю.

Доббс извинился перед собой за то, что все время приходится быть настороже, и решил, что такое поведение никак нельзя осмеивать, но со страхом или совестью это не имеет ничего общего. Тот, кто так, в одиночестве, находится в чаще и везет к тому же ценный груз, всегда несколько нервничает. Это вполне естественно. И кто с этим не согласен, тот обманывает только сам себя.

В эту ночь он спал хуже, чем в предыдущую. Но он знал уже точно причину. Это только потому, что он сильно переутомился. Выход каравана утром затянулся, так как некоторые осла далеко отошли и их следовало пригнать. Доббс очень небрежно прилаживал тючки. Он потерял полных два часа.

Дорога стала лучше, и около двенадцати часов Доббс мог высчитать, что через три часа он будет в Дуранго.

В его планы не входило так, среди дня, появиться в городе, он хотел остановиться в любом трактире на окраине города и разгрузиться. Там он попросит хозяина найти покупателей на ослов, если ему самому не угодно будет приобрести их по сходной цене и совершить тем самым выгодную сделку. Затем весь прочий багаж, то есть мешочки с главным товаром, он погрузил бы на подводу и велел бы ехать к станции, к поезду-экспрессу. В том не было бы ничего бросающегося в глаза. Он объявит, что это сухие шкуры. Заплатит по высшей цене за свои товары, и тогда это больше никого не будет беспокоить.

Дорога стала необычайно песчаной и пыльной. Одна сторона дороги была открыта. С другой стороны возвышалась стена сухой ломкой глины и

выветренного хрупкого камня. То там, то тут вдоль дороги стояли колючий кустарник и кактусы, утомленные, жаждущие, покрытые густым слоем пыли.

Когда подымался ветер и налетал шквал, в воздухе стояли плотные клубы удушливой пыли. Было трудно дышать. А песок засыпал глаза так, что они начинали болеть и моментами казалось, что ты слепнешь. Когда шквал проносился мимо, воздух становился неподвижным, тяжелым, металлическим и давящим. Ветер был раскаленным, и пыль нещадно палила и обжигала кожу.

Земля, месяцами ожидавшая дождя, не могла более выносить угнетающее насилие солнца и отбрасывала его лучи обратно в высоту с мучительной страстью.

Глянцевое мерцание солнечного света слепило человека и животных, действовало на мозг, и они, нетвердо ступая, шатаясь, плелись, закрыв глаза, и не могли думать ни о чем больше, как об окончании этой муки. Ослы передвигались трусцой, тоже полузакрыв глаза; ни один не уходил в сторону, ни один не отвлекался. Они шли, как автоматы. Они едва двигали головами. У Доббса глаза были тоже закрыты. Стоило ему лишь слегка приоткрыть их, палящий поток света становился так ярок, что Доббсу казалось, будто он в миг сожжет глазные яблоки.

Через узкую щель между веками он увидел несколько деревьев на обочине. Он подумал, что хорошо бы здесь остановиться на пять-десять минут, чтобы хоть прислониться к стволу, почувствовать тень и открыть глаза, дать им отдохнуть. Ослам тоже хорошо бы дать передышку, пусть постоят в тени.

Он подошел к деревьям, забежал в голову каравана, повернул ведущего осла, и все останови-

лись. Ослы, теснясь, встали в тень и успокоились. Доббс взял воду из бурдюка и прополоскал рот.

— Есть сигарета, парень? — услышал он чей-то голос.

В первый момент, когда он услышал речь, он подумал о Куртине, затем о Говарде. Но в ту же секунду он сообразил, что вопрос был задан на испанском, и это не мог быть никто из его товарищей. Он повернул голову и за одним из деревьев увидел трех лежащих мужчин. Это были одетые в лохмотья, опустившиеся метисы. Люди, которые довольно давно работали в какой-то компании по эксплуатации рудника, а теперь уже много месяцев были без работы. Вот они и болтались вблизи города, спали, бездельничали, попрошайничали, и если им кое-где удавалось что-нибудь стибрить, они рассматривали это как милость господ бога, который и воробышка не оставляет голодным, хоть тот и не жнет, и не сеет.

Возможно, это были беглые заключенные, которых разыскивает полиция и которые скрываются здесь, пока у них отрастет борода и они смогут вернуться в город, где их не узнают.

То, что город не терпит даже на своих свалках, он вытесняет за его пределы, на дороги, ведущие к нему. Далеко даже от места, куда городская цивилизация сваливает ежедневно ржавые консервные банки, разбитые бутылки, прохудившиеся эмалированные кастрюли, смятые ведра, пожелтевшие обрывки газет и всякие прочие отбросы. В тропиках не лучше, чем где-либо. Ни одно животное не выделяет столько нечистот, кала и мусора, сколько цивилизованный человек, и нечистоты, которые он выдает ежедневно, требуют для их устранения, их вывоза столько же усилий, работы, труда и раз-

мышлений, сколько изготовление и эксплуатация вещей, которые он считает для себя необходимыми.

Доббс достаточно долго прожил в стране, чтобы знать, в каком дьявольском, хуже не придумать, положении он находился. Эти отбросы города он знал. Это были люди, которым нечего было терять, как никакому другому слою общества.

Он думал теперь о том, что совершил жестокую ошибку, отклонившись от дороги, чтобы отдохнуть здесь четверть часика в тени. В полной безопасности он бы не был и на дороге, но уж не в такой ловушке, как сейчас.

— Сигареты нет, уже десять месяцев не пробовал ни одной.

Это звучало вполне убедительно. Тем самым он дал понять, что он бедняк, который не сможет купить и одной штуки.

— Но у меня осталось еще немного табаку,— добавил он.

— Бумага для самокрутки? — спросил один из мужчин.

Эти люди лежали еще на земле, спокойно, в ленивых позах. Все обернулись в его сторону, один полусидя, один опираясь на локоть, а третий и вовсе лежал на животе, вяло повернул голову, чтобы искоса посмотреть на Доббса.

— Кусок газетной бумаги у меня найдется,— сказал Доббс.

Он вынул кисет, кусок бумаги из кармана и протянул тому, кто лежал ближе к нему, так как тот не удосужился даже встать, чтобы взять табак и бумагу.

Каждый оторвал себе кусочек бумаги и насыпал табак. Затем они скрутили себе самокрутки, и передний отдал кисет.

— Спички? — спросил тот, кто вернул кисет.

Доббс полез в карман и вынул спички. Коробку со спичками эти люди тоже вернули.

— В Дуранго? — спросил один из них.

— Да, я хочу продать ослов. Мне нужны деньги. У меня их совсем нет.

«Это был умный ответ,— подумал Доббс,— теперь они знают, что у меня карманы пусты».

Все трое рассмеялись.

— Деньги, это как раз то, что нам нужно, а, Мигуель? Их-то мы и поджидаем, денежки.

Доббс прислонился спиной к дереву так, что все трое были на виду. Он набил себе трубку и закурил. Вся усталость пропала. Он искал выхода из положения. «Я мог бы, пожалуй, взять их погонщиками,— думал он,— тогда не будет бросаться в глаза мое прибытие в город. Это лучше, чем если бы я прибыл совсем один с караваном. Тогда они будут уверены, что у них есть работа, каждый будет ждать свой песо, и у них ничего худого не будет на уме. Они почувствуют вкус пищи и пары теквилы».

— Мне понадобятся два-три погонщика,— сказал он.

— Понадобятся тебе? — рассмеялся один.

— Да, ослы дают мне жизни. Их не собрать вместе.

— Что же ты заплатишь? — спросил другой.

— Один песо.

— Всем трем или каждому?

— Каждому. Конечно, когда мы будем в городе и я получу там деньги, сейчас у меня нет ни центаво.

И снова Доббс подумал о том, какой же это умный и четкий ответ.

— Ты что, совсем один? — спросил тот, кто опирался на локоть.

«Что же мне ответить?» — думал Доббс. Но, чтобы не задерживаться с ответом и тем самым не заронить подозрения, он сказал:

— Нет, я не один. За мной идут еще двое попутчиков с лошадьми.

— Это мне странно, Мигуель. Тебе тоже? — высказался тот, кто растянулся на животе.

— Да, — откликнулся Мигуель. — Это действительно примечательно. Идет совсем один, с большим караваном, а друзей оставляет позади, да на лошадях!

— Видишь ли ты его друзей на лошадях? — спросил тот, что опирался на локоть.

— Посмотрю, — ответил лежащий на животе. Он медленно поднялся, вышел из-под деревьев и посмотрел вдаль вдоль дороги, которая лучше просматривалась вдали, чем на последнем участке.

Он возвратился и сказал:

— Оба его друга с лошадьми еще далеко позади. Не менее часа пути. Это очень странно, Мигуель, ты согласен со мной?

— Действительно, — сказал Мигуель, — я тоже думаю, что это очень странно. Что же это ты там нагрузил? — спросил он затем и подошел к одному из ослов.

Кулаком он свалил тюки.

— Кажется, шкуры, — сказал он.

— Да, и шкуры, — подтвердил Доббс. Он чувствовал себя все более неприятно и подумывал о бегстве.

Двое других расхохотались и схватили второго осла.

— Прочь от ослов, говорю я вам еще раз! — громко крикнул Доббс. Он отскочил чуть назад и вытащил револьвер.

— Твоей железякой нас не испугаешь, — изде-

ваясь, сказал один,— нас не испугаешь. Ты сможешь застрелить только одного, а тому это станет безразлично.

— Назад, и отпустите ослов! — опять крикнул Доббс. И выстрелил в ближайшего. Это был Мигуель.

Но револьвер щелкнул звонко и холодно. Три раза, пять раз, семь раз щелкал револьвер. Выстрелов не было. Доббс тупо смотрел на него, смотрели и эти трое.

От удивления они перестали смеяться и издеваться.

Но один из них нагнулся и поднял увесистый камень.

Последовала одна секунда, только одна. Но за эту секунду столько мыслей нахлынуло на Доббса, что он за этот краткий миг, когда речь шла о его жизни, все же успел подумать: «Как много можно вспомнить за такое краткое время...»

Первая его мысль была о том, как же могло случиться, что револьвер отказал. Тут он вспомнил многое. В ту ночь, когда он застрелил Куртина, он подкрался к спящему Куртину, вытащил его заряженный револьвер и застрелил его потом из этого револьвера. У Куртина были в карманах оба пистолета. Свой и Доббса. Оба револьвера были помечены, и Говард мог сказать как; поэтому Доббс бросил револьвер Куртина, из которого были сделаны выстрелы, рядом с трупом; потом он его снова нашел и выстрелил снова. Свой револьвер он засунул себе в карман.

Так он создал видимость,— в случае если найдут Куртина,— будто на него напали, а он оборонялся. Револьвер Доббса был другого калибра, из его револьвера стрелять не могли. Но Доббс не учел одного. Когда Доббс взял свой револьвер, он

забыл его зарядить. Он забыл, что в ту ночь, когда Куртин взял его револьвер, он его разрядил. Среди всех дум, одолевавших его в эти дни, он ни разу не подумал о том, что его револьвер все еще не заряжен.

И все в ту же секунду Доббс подумал о другом оружии. Он вплотную стоял около осла, к вьюкам которого было привязано мачете. Он протянул руку, чтобы схватить его и защищаться. Возможно, обороняясь мачете, ему удалось бы зарядить револьвер, так как в карманчике рубашки у него было несколько патронов врассыпную.

Но тут секунда кончилась, и камень просвистел у его головы. Он видел его, но не мог достаточно быстро уклониться, так как все последние мысли были заняты мачете.

Камень сбил его с ног, больше из-за тяжести и сильного толчка, чем из-за ранения.

Однако, прежде чем он успел вскочить, Мигуель уже был около мачете, которое он заметил по движениям Доббса. Ловким приемом он вытащил мачете из длинных кожаных ножен, подскочил к лежащему Доббсу и сильным, коротким и уверенным ударом отделил его голову от туловища.

Не столько напуганные, сколько ошеломленные этим быстрым движением, все трое уставились на труп.

Глаза головы, которая была отделена от туловища лишь на ширину мачете, нервно подергивали веками и вдруг, зажмурясь, остановились, прикрытые на три четверти. Обе руки вытянулись и судорожно сжались. Так продолжалось несколько раз. Затем, вонзив в последний раз ногти в мякоть ладони, они вяло раскрылись и так умерли, полуоткрытые.

— Что ты наделал, Мигуель! — тихо сказал один из двух и подошел ближе.

— Заткнись,— рявкнул, расвирепев, Мигуель и так быстро повернулся к говорившему, словно и его хотел убить.— Я-то знаю, кто в него камень кинул. Ты, тюремная вошь! Когда обнаружится все, то вас также расстреляют, как меня. Ведь вы это знаете, я должен буду все рассказать жандармам. Мне все равно, я вам не нянька.

Он рассматривал мачете. На нем было совсем мало крови. Он отер кровь о дерево и сунул мачете обратно в ножны.

XXII

Ослы, которые редко вмешиваются в дела людей, как это охотно делают собаки, небрежно двинулись вперед. Так как они гораздо умнее людей, которые не имели дела с ослами, они потопали по верной дороге в направлении Дуранго.

Бродяги в своем возбуждении совсем забыли про ослов. Они сняли с трупа штаны и сапоги и немедленно надели их. И штаны, и сапоги немного стоили, так как последние десять месяцев они несли такую службу, которую мало какая одежда выдержит.

Но по сравнению с теми обносками, в которые были одеты эти трое, они казались роскошными.

Рубашку, однако, никто надеть не хотел, никто ее не брал, хотя все трое вместо рубашек носили нечто, о чем трудно было сказать, чего в нем больше — дыр или окружающих дыры лохмотьев.

— Почему же ты не хочешь взять себе рубашку и надеть ее, Игнацио? — спросил Мигуель, подталкивая ногой труп, на котором не было никакой одежды, кроме мягкой рубахи защитного цвета.

— Немногого она стоит,— ответил Игнацио.

— И ты смеешь так говорить, ты, собака воющая!? — сказал на это Мигуель.— Да по сравнению с твоей она просто новая!

— Не хочу ее,— сказал Игнацио и отвернулся.— Она слишком тесная по воротнику. Почему же ты ее не возьмешь?

— Я? — спросил Мигуель, наморщив в ярости лоб.— Я не надену рубашку, которая еще хранит тепло тела этого собаки «гринго».

Но, честно говоря, дело было в том, что и для Мигуеля воротник рубашки слишком тесно облегал горло трупа. На ней, правда, не было пятен крови, но все же никто ее не хотел. У них было предчувствие, что им будет неловко в этой рубашке. Они не пытались объяснить это чувство и успокоились все на том, что рубашка слишком тесная по вороту и поэтому ее нельзя считать ценным предметом.

— У этого негодяя в его тюках найдутся еще рубашки,— сказал Игнацио.

Мигуель тотчас набросился на него:

— Придется тебе подождать, пока я там разберусь, а о том, что останется, сможем поговорить.

— Ты что здесь — главарь? — крикнул третий, который все последние минуты простоял совсем безучастно, прислонившись к дереву, так как он присвоил штаны, а Мигуель — сапоги. Только Игнацио остался без всего при этой дележке, так как рубаху он не взял.

— Главарь? Я — главарь? — зарычал разозленный Мигуель.

— Главарь или не главарь, что ты делал до сих пор?

— Разве я не попал ему камнем по черепушке? — похвастался третий.— Ты бы не посмел иначе и подступиться к нему, ты, трус!

— Иди ты со своим камнем,— издевательски протянул Мигуель,— будто это ты его зубочисткой ткнул! Кто из вас обоих, драных кошек, присоединился, чтобы его прикончить? Вы жалкие отребья, вот кто вы! А я, чтоб вы знали сразу, я могу и во второй раз использовать мачете, да и в третий раз, для вас обоих. Я не буду спрашивать у вас позволения.

Он обернулся, чтобы подойти к тюкам.

— Где же ослы, черт их дери? — крикнул он удивленно.

Тут все заметили, что ослы ушли.

— Теперь все вперед, ловить этих извергов, а то они придут в город, и тут-то вокруг нас окажется рой жандармов,— заорал Мигуель.

Бродяги повскакивали и помчались за караваном. Им трудно было догонять, так как ослы, не находя вдоль дороги и сухой травинки, не отвлекались и продвигались бодрой рысцой. Прошло более часа, пока мужчины вместе с животными вернулись к деревьям.

— Давайте его лучше зароем,— сказал Мигуель,— а то тут будут виться коршуны, и кто-то, кому больше нечем заняться, захочет посмотреть, что они нашли здесь.

— Не хочешь ли ты оставить записку со своим именем у трупа? — издеваясь, спросил Игнацио.— Нам безразлично, найдут ли эту падаль или нет. Он уже не расскажет, кого он встретил напоследок.

— Ты однако хитер, моя лисичка! — сказал Мигуель.— Если эту собаку найдут, а у нас его ослы, то тебе ничего не доказать. Но если у нас найдут ослон и нигде не будет трупа, тогда пусть попробуют доказать, что это ты помог «гринго» спуститься в ад. Мы купили у «гринго» ослон. Однако если найдут то, что от него еще осталось, то никто

тебе не поверит, что ослов ты купил. Итак, живо за работу.

И той самой лопатой, которой Доббс хотел закопать Куртина, зарыли его самого. Дело пошло быстро. Парни не особо размышляли. Они сделали лишь самое необходимое, а остальную работу предоставили муравьям и червям.

Затем они приободрились и погнали караван назад, в горы, потому что не отваживались показаться в городе по чисто личным причинам, да и потому еще, что боялись там встретить кого-нибудь, кто знал караван и ожидал его.

Вполне возможно было, что Доббс сказал правду и действительно два всадника следовали за ним. Им казалось странным, что Доббс один следовал с целым караваном. И для того чтобы избежать встречи с теми всадниками, которые, возможно, существуют, они свернули с дороги, по которой, по их мнению, шел Доббс, и пошли по тропе мулов, вверх в горы.

Когда они зашли в буш, они не смогли более сдерживать любопытства. Они хотели узнать, велика ли добыча и какие хорошие вещи есть в тюках.

Стемнело, и буш еще больше затемнял площадку, которую они выбрали себе для ночлега. Чтобы не обнаружить своего пребывания, пока они были еще в этой местности, они не стали разжигать костер.

Они занялись делом. Они развьючили ослов и стали развязывать тюки. Там были еще штаны и две пары легких башмаков. Была также кухонная посуда, но лишь одна горсть бобов и щепоть риса.

— Он действительно был не таким уж богатым парнем, — сказал Игнацио. — Ему, видно, очень надо было попасть в город.

— Денег у него тоже не было,— проворчал Мигуель, просматривая тюк, который он развязал.— У него было еще семьдесят центаво в кармане брюк, у мерзавца. Шкуры тоже оставляют желать много лучшего, будут стоить несколько жалких песо.

Затем он добрался до мешочков.

— Что же у него здесь? Песок, точно песок. Хотел бы я знать, зачем он таскает с собой песок, да еще и в маленьких мешочках?

— Это совершенно ясно,— сказал Игнацио, также нашедший песок в мешочках.— Совершенно ясно. Парень был инженером в горнорудной компании. Он здесь ошивался в горах и теперь вез пробы песка в город, чтобы его исследовали другие инженеры и химики. Тогда американские компании сразу узнают, где им колышками отметить участки.

Он высыпал все мешочки. И Мигуель высыпал песок из мешочков, которые были в его тюке, и когда он увидел, что эти мешочки представляют собой только грязные лохмотья, он проклял бога, черта и всех «гринго».

Стало так темно, что они бы не разглядели характер песка, даже если бы понимали в этом деле.

И Анджел, третий, тоже нашел мешочки в своем тюке. Он иначе толковал их наличие. Он сказал:

— Парень был настоящим американским пройдохой и обманщиком, вот что я вам скажу. Эти мешочки он так ловко спрятал в шкурах и шкуры потом крепко увязал. Знаете почему? Он хотел продать шкуры в Дуранго на вес, и, чтобы шкуры больше весили, он между ними засунул мешочки, а чтобы песок не заметили, разместил его по маленьким мешочкам. Он продал бы шкуры вечером, а завтра утром, прежде чем покупатель заметит

обман, птичка уже улетела бы на поезде. Мы ему испортили его аферу, этой собаке.

И Мигуель, и Игнацио нашли, что это лучшее объяснение всему, и поторопились избавиться от песка.

XXIII

Еще ночью они упаковались и двинулись дальше. После полудня они прибыли в какую-то деревню и спросили индейца, которого встретили около его дома, не знает ли он кого, кто бы хотел купить ослов; у них есть намерение продать нескольких ослов, так как они не находят им применения.

Индеец рассмотрел ослов, обошел вокруг них, посмотрел клеймо, затем рассмотрел тюки, потом мельком бросил взгляд на сапоги Мигуеля и штаны Анджела, как будто он хотел все это купить. Под конец он сказал: «Я не могу купить ослов, у меня сейчас нет денег. Но мой дядя, тот купит, пожалуй, ослов. У него достаточно денег, а у меня нет. Я поведу вас к своему дяде, и с ним вы сможете вести переговоры».

«Нам повезло,—подумали три негодяя,—обычно можно обойти полдюжины индейских деревушек, прежде чем найдешь кого-нибудь, кто может купить осла. Большею частью у людей нет денег, и один песо уже большая сумма».

Через несколько сотен шагов они подошли к дому дяди. Дом, подобно остальным домам, был сложен из просушенных глиняных кирпичей и покрыт травой. Он стоял на большой деревенской площади, где обычно держали рынок, проводили праздник независимости, праздник памяти революции и всякие собрания. В центре площади стоял скромный павильон, где по праздникам играла музыка и где

держали речи ораторы. Из этого павильона обращались к жителям комиссии по здравоохранению, когда они приезжали в деревни и знакомили население с правилами охраны здоровья и ухода за детьми. Рабочее правительство делает в этой области больше, чем все правительства со времени прибытия первых испанцев, вместе взятые.

Индеец вошел в дом своего дяди поговорить о покупке ослов. Вскоре вышел дядя и подошел к троице проходимцам, расположившимся на корточках под деревьями около дома. Дядя был пожилой человек, уже седой, но крепкий и жилистый. Его медно-красное лицо было тугим, совсем не морщинистым, а черные глаза блестели, как у мальчишки. Прямые волосы он носил довольно длинными, убранными с боков назад. Он подошел, очень подтянутый, и остановился перед тремя мужчинами. Поздоровался и сразу направился к ослам, чтобы их осмотреть.

— Очень хорошие ослы, сеньор,— сказал Мигуель,— очень хорошие, прокляни меня бог, не хуже, чем на базаре в Дуранго.

— Это правда,— сказал дядя,— это хорошие ослы. Правда, немного переработали и немного голодны. Вы, вероятно, проделали немалое путешествие?

— О, не такое уж большое, около двух дней,— вмешался Игнацио.

Мигуель поддал ему под ребра и сказал:

— Тут мой друг немного соврал. Мы последний переход делали два дня, после последнего привала. В действительности же мы уже путешествуем несколько недель.

— Тогда не удивительно, что ослы несколько сдали. Мы их уж подкормим.

Когда он это сказал, он более пристально оглядел этих людей, их одежду и порочные лица. На ли-

це его, однако, ничего не отразилось, более того, он делал вид, что совершенно бездумно смотрит на них, а сам мысленно думает о купле и цифрах.

— Сколько же они стоят? — спросил он, все продолжая рассматривать эту троицу.

— О, я думаю,— сказал Мигуель, улыбаясь и доверчиво кивая головой,— я думаю, что двенадцать песо это недорого.

— За всех? — спросил дядя вполне невинно.

Мигуель громко расхохотался, будто услышав хорошую шутку:

— Ну конечно, не за всех, я считаю по двенадцать песо за каждого.

— Это очень дорого,— сказал дядя деловито.— За эту цену я могу их купить на рынке в Дуранго.

— Кто знает? — ответил Мигуель.— Там они гораздо дороже, по пятнадцать или даже по двадцать песо. И затем их нужно еще перегнать домой.

— Правда,— кивнул дядя,— но тогда и по пути они уже зарабатывают себе на хлеб. Я могу закупить товаров и навьючить ослов.

Мигуель усмехнулся во весь рот.

— Я вижу, что имею дело с умным деловым человеком, и мы не будем упорно настаивать на своей цене, мое последнее, самое последнее слово,— тут вы должны согласиться,— мое наипоследнейшее слово это девять песо за каждого осла. Я знаю, у вас тоже негусто, а у нас в этом году была длительная засуха.

— Девять песо,— спокойно сказал дядя,— столько я заплатить не могу. Четыре песо и не centaво больше.

— Сделайте из этого пять — и ослы будут ваши,— сказал Мигуель и засунул руки в карманы штанов, будто деньги уже у него.

— Четыре песо — это моя крайняя цена,— спокойно сказал дядя.

— Вы хотите ободрать меня, как липку, сеньор; но ладно, не видать мне счастья все равно, пусть я ослепну завтра утром, если я не подарил вам просто ослов, продав по такой цене.

Так закончил Мигуель и посмотрел на дядю, потом на племянника и затем на обоих своих спутников. Они кивнули, скорчив мину, означающую что-то вроде печали, чтобы показать, что они только что отдали последнюю рубашку ни за что, ни про что.

Дядя тоже кивнул, но с таким выражением, будто он уже вчера пополудни знал, что сегодня купит ослов по четыре песо.

Он снова подошел к ослам и спросил:

— Вы что, потащите дальше тюки на спине?

— Да, правда, тюки,— сказал ошарашенно Мигуель и посмотрел на своих двух компаньонов, на этот раз не так чванливо, как обычно, а с просьбой подсказать хороший ответ или дать совет.

Игнацио понял его взгляд и сказал:

— Тюки мы тоже хотим продать, мы дальше поедем поездом.

— Да, да,— поддержал Мигуель,— их мы тоже продадим. Таково было наше намерение.

По правде говоря, они просто забыли про тюки, увлеченные продажей ослов.

— Что же у вас в тюках? — Дядя снова подошел поближе и ткнул кулаком в один из тюков.

— Шкуры, — сказал Мигуель, — хорошие шкуры. А также кухонная посуда и еще инструменты. Ружье вы, вероятно, купить не сможете. Оно слишком дорогое.

— Что же это за инструменты? — спросил дядя.

— Да, всего понемножку, — ответил Мигуель, — там лопаты, кирки, ломы и тому подобное...

— Зачем же вам такие инструменты? — спросил дядя как бы походя, будто просто поддерживая беседу.

— А, инструменты — это... — Мигуель вдруг потерял уверенность. Он почувствовал неловкость и должен был пару раз сглотнуть слюну. К такому вопросу он не был подготовлен.

Тут брякнул Игнацио:

— Мы ведь работали в американской руднообогатительной компании, оттуда мы и идем.

— Да, это так, — быстро подтвердил Мигуель и с благодарностью взглянул на Игнацио. Он решил, что никогда не забудет эту поддержку Игнацио.

— Тогда вы украли у компании эти инструменты? — сухо сказал дядя.

Мигуель интимно хохотнул и взглянул на дядю, будто они союзники.

— Не украли, сеньор, — сказал он. — Кражи — это не наше дело. Мы просто не сдали инструмент, когда работали в нашей последней смене. Это ведь никто не назовет воровством. Мы и не просим за них много, может, два песо за все инструменты. Только бы не тащить их к железной дороге.

— Я, конечно, не могу купить всех ослов, — медленно сказал тут дядя. — Такое количество ослов мне просто не нужно. Но я велю созвать остальных жителей. У каждого найдется немного денег, и тогда я могу вам обещать, что вы легко освободитесь от ослов и всего остального. Я постараюсь. Садитесь. Хотите воды или пачку сигарет?

Анджел пошел в дом и вернулся с кружкой воды и пачкой «Супрем».

Дядя переговорил с племянником, и племянник согласился созвать деревенских мужчин. Мужчины пришли. Старые и молодые, они приходили по одному или попарно. У некоторых за поясом было ма-

чете, некоторые несли его просто в руке, а некоторые вообще ничего не несли. Все они заходили сначала в дом дяди и там говорили с ним. Затем они выходили оттуда, тщательно осматривали ослов и затем внимательно смотрели на троих чужаков. Они смотрели на продавцов, пожалуй, более внимательно, чем на ослов, но делали это более незаметно. Эти трое не замечали, что их так тщательно изучают, и считали все обычным любопытством жителей индейской деревни.

Спустя некоторое время сюда проскользнули и жены этих мужчин. Они слегка стеснялись. Все они принесли с собой детей. Некоторые уже умели ходить, бегали кругом матерей, как цыплята вокруг наседки. Наконец мужчины собрались вроде все, никто больше не появлялся. Лишь отдельные женщины еще медленно приближались к дому. Наконец из дома вышел дядя. Все те мужчины, которые были с ним в доме, следовали за ним. Они образовали плотную группу. А другие, которые вышли раньше и рассматривали ослов, остались стоять между ними. Тем самым бандиты, незаметно для них, были окружены. Куда бы они ни повернулись, путь был им заказан.

И тем не менее все выглядело вполне естественно, ведь люди пришли покупать ослов.

— Цены весьма невысокие, — сказал дядя, — мы очень удивляемся, что вы так дешево можете продать таких хороших ослов.

Мигуель широко ухмыльнулся и сказал: «Видите ли, сеньор, нам сейчас нужны деньги, вот в чем дело, и поэтому мы должны все продать».

— Есть у ослов тавро? — спросил как бы мимоходом дядя.

— Конечно, — сказал Мигуель, — у всех есть тавро. — Он оглянулся, чтобы увидеть тавро. Но

мужчины стояли так, что ни один из бандитов не мог разглядеть тавро.

— Что же за клеймо у ослов? — спросил тут дядя.

Мигуель почувствовал беспокойство, а его товарищи начали крутиться и ерзать, чтобы увидеть тавро. Но индейцы как бы случайно оттесняли их все дальше от ослов. Дядя пристально посмотрел на Мигуеля.

А Мигуель становился все более неуверенным. Он чувствовал, что приближается что-то решающее для его дальнейшего существования.

Когда дядя, не повторяя вопроса, снова так жестко взглянул на него, Мигуель знал, что ему следует ответить на вопрос. Он откашлялся, поперхнулся слюной и сказал:

— Тавро — да, тавро, это кружок и черта под ним.

Дядя крикнул мужчинам, стоявшим у ослов, и спросил:

— Такое тавро, люди?

— Нет, — ответили все оттуда.

— Я ошибся, — сказал Мигуель, — клеймо — это кольцо с крестом над ним.

Мужчины сказали:

— Клеймо не такое.

— Я совсем запутался, — сказал тут Мигуель, совсем съежившись. — Клеймо это, конечно, крест и кольцо вокруг креста.

— Это правильно? — спросил дядя.

— Нет, — сказали мужчины, — это неверно.

— Вы ведь мне рассказывали, — сказал спокойно дядя, — что это ваши ослы.

— Так оно и есть, — буркнул Игнацио.

— Но никто из вас не знает клейма, это странно.

— Мы не обращали на это внимания. — И Ми-

гуель попытался скорчить пренебрежительную гримасу.

— Послушайте,— обратился дядя ко всем присутствующим,— видели вы когда-нибудь человека, у которого были ослы или другой скот и который не знал бы никакого своего клейма, даже если клейма были разными и скот приобретен был различных пород?

Мужчины рассмеялись и ничего не ответили.

— Я знаю,— сказал дядя,— откуда эти ослы.

Мигуель оглянулся на своих компаньонов, а те рыскали глазами по сторонам, чтобы найти хоть малейшую щелочку, куда можно было бы улизнуть, пока не прозвучит следующая фраза.

— Ослы принадлежат сеньоре Рафаеле Мотилина из Авино, вдове сеньора Леона. Я знаю его тавро, это альфа и Р обратное в черте альфа. Это так, люди? — крикнул дядя.

И мужчины, что стояли у ослов, крикнули:

— Это так. Клеймо такое!

Дядя всмотрелся в эту группу и крикнул:

— Порфирио, подойди сюда.

Один из индейцев подошел и стал около него.

Тут дядя сказал:

— Меня зовут Альберто Эскалона. Я алькад этого местечка, надлежащим образом избранный и утвержденный губернатором. Этот мужчина, Порфирио,— полицейский нашего местечка.

Трое бродяг тут же смекнули, что все это значит, и поняли, что теперь, когда были названы все титулы, реверансы кончатся. Они встали и попытались ускользнуть без своих ослов. Они бы продали их теперь всех за один песо, они бы их охотно подарили, если бы им позволили покинуть деревушку. Но их недвусмысленно задержали.

Мигуель попробовал взяться за револьвер. Но в

кармане его не оказалось. В том возбуждении, в котором он находился, он даже не заметил, что Порфирио лишил его этого бремени. Револьвер все равно бы был бесполезен, так как все еще не был заряжен. Но люди ведь этого не знали и, возможно, пропустили его, если бы он нацелил на них оружие.

— Что вам нужно от нас? — истерически закричал Мигуель.

— Пока ничего, — сказал алькад. — Мы только удивляемся, почему вы так скоро хотите нас покинуть и не берете своих ослов.

— Мы можем взять своих ослов или их не брать, мы можем делать со своими ослами, что угодно! — свирепо прорычал Мигуель.

— С вашими ослами да, но это не ваши ослы. Я знаю историю этих ослов. Сеньора Мотилина продала этих ослов десять или одиннадцать месяцев тому назад трем американцам, которые собирались поохотиться в сьерре. Я знаю этих американцев.

Мигуель ухмыльнулся и сказал:

— Все совершенно верно. У этих трех американцев мы и купили ослов.

— По какой цене?

— Двенадцать песо за штуку.

— А тут вы согласны продать их по четыре песо? Вы плохие коммерсанты.

Индейцы рассмеялись.

— Вы ведь сказали, — добавил алькад, — что ослы у вас уже очень давно. Как давно?

Мигуель подумал немного и сказал:

— Четыре месяца.

Он вспомнил, что говорил об их работе в руднике и о проделанном потом большом пути.

Алькад сухо сказал:

— Четыре месяца? Странная вещь. Лишь не-

сколько дней тому назад эти американцы спускались здесь с гор. У них были все ослы, которых вы купили четыре месяца тому назад.

Мигуель снова попробовал доверительно улыбнуться:

— По правде говоря, сеньор, мы купили ослов у американцев два дня назад.

— Это уже более правдоподобно. Итак, вы купили их у трех американцев?

— Да.

— Но это не могли быть три американца, так как я знаю, что один из трех находится по другую сторону сиерры, он доктор.

— Это был один американец, у которого мы их купили.

Мигуель стал почесывать лицо и голову.

— И где же именно вы купили ослов? — неумолимо продолжал алькад.

— В Дуранго.

— Это едва ли возможно, — сказал алькад. — Американец не мог еще быть в Дуранго, а если это и так, то вы не смогли бы еще быть здесь.

— Мы шли ночь напролет.

— Это возможно. Но почему американец продал ослов именно вам, если он уже был в Дуранго, где много других покупателей?

Тут вмешался Игнацио:

— Откуда же нам знать, почему он хотел продать ослов нам, а не другим. Может, это была его прихоть!

— У вас, значит, должна быть квитанция, — сказал алькад, — квитанция с ценой и тавром, иначе сеньора Мотилина в любой момент может потребовать ослов, так как зарегистрировано ее тавро.

— Квитанции он нам не дал. Он не хотел купить гербовые марки.

— Эти несколько центаво вам нужно было самим заплатить, чтобы иметь доказательство купли,— сказал алькад.

— Будь все трижды проклято,— заорал Мигуель и погрозил двумя кулаками,— чего же вы, наконец, от нас хотите? Мы спокойно идем своей дорогой, а вы нас тут оцепляете. Мы будем жаловаться на вас губернатору, чтобы вас сместили. Вам это понятно?

— Ну вы перешли все границы! — Алькад улыбнулся.— Вы приходите сюда, в нашу деревню, и хотите продать нам ослов. Мы хотим купить ослов и даже согласовали цену. Но мы имеем право узнать, откуда эти ослы. А иначе завтра утром могут прийти солдаты и сказать, что мы бандиты, что мы увели ослов их законного владельца и убили его, и нас расстреляют.

Мигуель повернулся к друзьям и взглянул на них. Затем сказал:

— Мы теперь вообще не будем продавать ослов. Даже по десять песо за всех. Мы теперь уйдем.

— Но инструменты и шкуры вы бы могли нам продать? — спросил алькад.

Мигуель задумался на некоторое время и, когда он сообразил, что на шкурах и на инструментах нет клейма, сказал:

— Ладно, если вам нужны шкуры и инструменты. Как вы? — обратился он к своим друзьям.

— Мы согласны,— сказали они.— Вещи можно продать.

— Это ведь ваши вещи? — спросил алькад.

— Конечно, — ответил Мигуель.

— Почему же американец не продал шкуры в Дуранго? Зачем же вы тащите шкуры обратно сюда? Вы же не носите воду на ослах в реку.

— Цены в Дуранго были нехороши, и мы хотим дожидаться лучших времен,— Мигуель начал прохаживаться взад и вперед, насколько ему позволяли окружившие его индейцы.

— Что же американец голышом вышел к железной дороге? — Алькад сказал это внезапно.

— Что вы хотите этим сказать? — Мигуель побледнел.

— У вас его сапоги, а тот вон надел его штаны. Почему же никто из вас не надел его рубашки, еще очень хорошей рубашки? Она ведь была как новая по сравнению с теми лохмотьями, которые на вас.

Мигуель молчал.

— Почему же никто из вас ее не взял? — повторил алькад.

— Я могу вам сказать,— продолжал алькад,— почему никто из вас не хотел надеть его рубашку.

Ни Мигуель, ни двое других не стали ждать, чем закончит алькад. Одним прыжком они бросились на близстоящих людей. Для людей это было настолько неожиданно, что они не успели схватить бродяг. Парни вывернулись и пустились вниз по деревенской улице, чтобы выбраться на простор.

Алькад кивнул своим мужчинам, и через несколько минут пятеро всадников помчались за беглецами. Они даже не потратили времени, чтобы оседлать коней, набросили на них лишь веревочные уздечки.

Бродяги недалеко ушли. Индейцы догнали их раньше, чем они достигли последних домов деревни. На них набросили лассо и снова привели на площадь.

— Мы поищем американца и спросим его, почему он продал вам ослов и почему разделся нагишом, чтобы подарить вам свои сапоги и штаны. Мы принесем его рубашку, которую никто из вас взять

не хотел.— Алькад сказал это соболезнующе, не ожидая ответа.

Парней связали и оставили под присмотром трех индейцев, сидевших на корточках с мачете на коленях.

Несколько человек оседлали коней, положили лепешки в лукошки и отправились в путь. Алькад и Порфирио поскакали с ними.

XXIV

Довольно трудно путешественнику в тех местах остаться незамеченным. Даже если он пытается избегать все населенные пункты и всех людей, всегда есть глаза, которые его видят, следят за его путем и наблюдают за его деятельностью. Он сам большей частью не знает, что за ним наблюдают. Те, кто идут ему навстречу, сходят с дороги задолго до того, как он их заметит, и заползают в буш, давая ему пройти, и выходят не ранее того, как он скроется из виду. Они хорошо его рассмотрели, а он и не подозревал, что его вид с головы до ног был подробно изучен и что спустя несколько часов вся деревня будет знать, как выглядит этот человек и что он везет с собой. В оросительных канавах, за холмами, за уступами скал, за кустарником глаза видят каждое движение и каждый шаг постронного.

Всадники следовали путем, который проделал Доббс, а не тем, которым пришли бандиты. Так как они были на конях и у них не было багажа, им удалось уже после обеда быть на том месте, где остановился Доббс. Место было легко найти.

Двое пошли по следу далее в направлении города.

Но они заметили, что ослы только разбрелись, а потом их снова погнало назад.

Теперь для алькада, чистокровного индейца, было пустячным делом объяснить все происшествие. Ослы разбрелись, значит ни у кого не было времени ими заниматься. Следовательно, на этом месте произошло что-то, так захватившее всех присутствующих, чьи следы явственно видны, что они не видели даже, что ослы стали разбредаться. И все это происшествие длилось немалое времени, иначе ослы не ушли бы так далеко.

Ни там, где были деревья, ни там, где догнали ослы, ни от этого места далее, в направлении города, не видно было следов американца. Даже если бы он шел босиком, его следы можно было бы легко распознать. Форма его ноги не такая красивая, как у индейца, потому что он все время в сапогах, и часто в таких, которые уродуют пальцы. Кроме того, ноги белых гораздо больше, чем у индейцев, у которых обычно маленькие и изящные ноги.

Так как от этого места не видно было следов американца, то он должен быть где-то здесь. И потому, что он был зарыт неглубоко и неаккуратно, да еще и не было дождя, его могилу с легкостью нашли.

— В убийстве можно обвинить только тогда, когда предъявишь труп,— сказал Мигуель.

И он был прав. Это закон, и его можно назвать справедливым, так как в больших странах человек может так затеряться, что скорее найдешь труп, чем человека, который захотел скрыться.

Труп был найден, и так как трое ребят присвоили собственность этого трупа, не имея права на владение ею, то это дело в основном было ясным.

Алькад лишь секунду смотрел на труп и сказал:

— Мачете.

Затем люди сняли с тела рубашку, ее взял алькад, а затем индейцы снова похоронили труп. Они все это время были без шляп, и когда могила, которую они углубили, хоть и работали только мачете, была засыпана, они постояли молча, с обнаженными головами вокруг могильного холмика.

Когда люди еще стояли у холма, алькад подошел к ближайшему дереву. Он отрезал мачете тонкую ветку и затем перебил ее пополам. С помощью нитки он сделал крест и воткнул его в изголовье могилы.

На следующее утро они уже были в своей деревне. Алькад показал парням рубаху. Они посмотрели на нее и передернули плечами.

Двое индейцев тем временем поскакали к ближайшей станции за конной полевой полицией. Около полудня прибыли солдаты. Инспектор, посмотрев на арестованных, сказал алькаду:

— За него,— он указал на Мигуеля,— обещана награда. Мне кажется, триста песо или двести пятьдесят. Точно не знаю. Бандит. До этого убил уже двух. Две остальные птички, видимо, той же породы. Их я не знаю. Награда достанется вам, сеньор Порфирио, и остальным вашим людям. Что вы делаете с ослими и поклажей?

— Это мы вернем владельцам,— сказал алькад.— Я знаю, где они. Один из них доктор, его не хотят отпускать индейцы, живущие по ту сторону перевала. Мы тоже хотим, чтобы он задержался у нас с неделю. Он получит свои вещи и не будет торопиться уходить.

Затем трех бандитов забрала полиция. Их не тащили на лассо. Они бежали рысцой, окруженные верховыми полицейскими. Вот рубаха, вот штаны и вот сапоги, а вот ослы и тюки да и крестик на

холмике. И суд будет длиться не более двух часов. Дорогих подмоетков не будет, не надо будет надевать белые перчатки. На такие дела государство расходует немного денег. Деньги следует сохранять для более важного.

XXV

Говард стал очень занятым человеком. Он не мог наслаждаться покоем, как он это себе представлял. Он был великим, прославленным Чудо-Доктором. Индейцы, живущие в горах, все очень здоровый народ; они живут до такого возраста, который европейцу кажется сказочным. Только против привнесенных болезней они беззащитны. Но если даже у них у всех завидное здоровье, они страдают от болезней и недугов, которые они себе внушают до тех пор, пока твердо убеждены в том, что эта болезнь действительно у них есть. Стоит им только рассказать о другой болезни и сказать ее симптомы, не пройдет и трех дней, как у них она уже есть.

По этой причине врачи и церкви делают здесь, в сельской местности, неплохие дела.

К Говарду однажды пришла женщина и хотела узнать, почему у нее вши, а у ее соседки их нету. Что следовало Говарду прописать? Мазь против вшей была бы единственным средством. Но когда она кончится, то снова появятся вши и снова возникнет тот же вопрос:

— Почему у меня вши, а у моей соседки их нет?

Говард вышел из положения самым простым способом, так как он был прирожденный медик.

Он сказал:

— Это все потому, что у вас очень хорошая и

здоровая кровь, которую любят вши, в то время как у вашей соседки очень плохая и больная кровь.

Тогда вскоре пришла соседка, цветущая здоровая женщина, которая просила прописать средство против ее плохой и больной крови. Если бы она поехала в город к ученому врачу, он прописал бы ей сальварсан, хоть у нее нет ни следа болезни, от которой дают сальварсан. Но люди внушили себе, что сальварсан лечит кровь, и врачи прописывают его.

У Говарда не было под рукой сальварсана. У него вообще не было лекарств. Он прописывал всегда: «Пить горячую воду, каждый день два литра». Для того чтобы варьировать назначения, он прописывал то два литра, то три четверти литра или полтора; затем снова горячую воду с лимонным соком, или с апельсиновым соком, или с какими-нибудь травками, или с овощами, которые он знал и которые не принесут вреда.

Примечательно для того, кто не знает целительной силы воды, что мужчины, женщины и дети, осаждавшие Чудо-Доктора, все выздоровели. Так, по крайней мере, они утверждали. И так ведь вообще со всеми болезнями — если твердо убежден, что ты больше не болен, то ты здоров.

От внешних недугов, когда «смерть уже находилась непосредственно под кожей», как говорили люди, они могли ее, смерть, нащупать, если надавливали на кожу, — тут Говард прописывал горячие обертывания. Для разнообразия иногда попеременно с холодными.

Обертывания головы, на затылок, на ладони, на пульс, на нижнюю часть живота, на подошвы ног, в общем, где только находилось свободное место. И люди тоже от этого все выздоровели. Смерть уползла из-под кожи, так как ей было то жарко, то холодно.

С переломами рук и ног, с вывихами и растяжениями люди справлялись сами. Тут им не нужны были никакие врачи. Роды Говарду также не нужно было принимать. С этим все было в порядке.

Слава Говарда росла день ото дня, и если бы он лучше понимал и ценил совместную жизнь с испорченными цивилизацией людьми, то он мог бы здесь в покое и довольстве прожить остатки своих дней. Но он каждый день думал о своем отъезде. Он все думал о своих компаньонах, о том, смогут ли хорошо доставить его груз и удастся ли им добраться благополучно к железной дороге. Он утешался тем, что он сейчас все равно уже ничего сделать не сможет и ему остается только положиться на ловкость и честность своих друзей.

Однажды утром в деревню прискакал индеец, он искал дом, где живет великий доктор. Сначала он переговорил с хозяином дома, затем оба зашли к Говарду.

Хозяин сказал:

— Сеньор, вот человек из деревни по ту сторону хребта. Он хочет рассказать вам одну историю. Лазаро был в буше и жег древесный уголь. Он угольщик. Это было ранним утром. Он как раз уложил слой. Тут он увидел: что-то ползет вроде из земли. Когда он присмотрелся поближе, то увидел, как по земле ползет белый. Он был весь окровавлен и больше передвигаться не мог. Лазаро дал ему попить. Затем он оставил горящую угольную пирамиду, положил больного белого на своего осла и привез его в деревню в свой дом.

Когда он дома положил этого человека на циновку, он увидел, что он мертвый. Но тут подошел другой человек, внимательно посмотрел на белого и сказал: «Он не совсем мертвый. Он либо очень бо-

лен, либо очень слаб. Филомено нужно поскакать к белому Чудо-Доктору, так как у Филомено есть лошадь, а осел так быстро не притрусит».

Я Филомено, сеньор, и у меня быстрая хорошая лошадь. Вот я прибыл. Вы точно можете помочь больному белому человеку, если тотчас поедете со мной.

— Как выглядит белый человек? — спросил Говард. Филомено смог так подробно описать его, будто он стоит здесь рядом, и Говард понял, что это Куртин. Он тотчас собрался в путь. Хозяин хижины, где он жил, и еще три индейца сопровождали его.

Это была долгая, трудная скачка. Но когда они прибыли, Куртин уже немного оправился и казалось, что он уже вне опасности. Людям в деревне Куртин скупно объяснил, что его по дороге обстреляли, он не знает кто. Он не хотел, чтобы преследовали Доббса, так как тогда бы все труды пропали.

— Эта низкая тварь меня хладнокровно пристрелила, — сказал Куртин Говарду, — потому что я не хотел разделить с ним твою долю. Он сначала притворялся, будто он прибегает к самообороне. Но я сразу понял его уловки. Мне бы следовало согласиться на раздел, а когда бы мы пришли в город, все снова поставить на свои места. Но ты мог появиться ранее, чем мы ожидали, и тогда мог поверить, что я согласился на дележ и хотел тебя обмануть. Ты бы никогда не поверил, что я лишь мнимо согласился на раздел. Он всадил мне заряд в левую половину груди и оставил меня в буше, чтобы я там подох. Но у меня две раны, а я могу вспомнить только одну. Я думаю, что, пожалуй, этот подлец позже, когда я лежал без сознания, еще раз вернулся и всадил в меня еще заряд, чтобы быть вполне уверенным в своей работе. Поздно

ночью я очнулся и попытался встать на дрожавшие ноги, потом пополз так скоро, как только мог, чтобы уйти от этого места. Я подумал, что он точно придет утром, прежде чем двинуться дальше, и увидев, что я еще еле, но все же дышу, прикончит меня. Тут я натолкнулся на индейца, который жег уголь в буше. Сначала, увидев меня, он убежал, потому что испугался. Когда же я заговорил с ним и сказал ему, что я нуждаюсь в помощи, он мне тут же помог и привез меня сюда. Без его помощи я бы определенно погиб, так как дальше ползти уже не было сил, и никто бы меня здесь никогда не нашел.

— Значит, парень отправился дальше со всем добром? — спросил Говард.

— Бесспорно.

Старик немного призадумался. Затем сказал:

— Собственно, негодяем он не был. Я думаю, что в глубине души он был честным малым. Ошибка была в том, что он поехал только с тобой. Это отчаянная попытка — с целой кучей золота и только одним попутчиком пробираться боковыми тропинками через пустынный буш. Этот буш манит и манит, и кричит, и нашептывает безостановочно: «Я ничего не разболтаю, бери же, это удобный случай, он может никогда не повториться, я молчаливее могил». Если бы я был так молод, как вы, я не мог бы поручиться, что много дней подряд мог бы противиться такому проклятому соблазну. Ведь это только о секунде, об одной-единственной секунде идет речь. И посчитай сам, сколько секунд в дне, состоящем из двадцати четырех часов. Одна секунда, в которой на миг смещаются понятия, — и прежде, чем понятия в следующую секунду снова пойдут по прежним рельсам, успеваешь нажать курок. Тогда нет дороги назад и нужно работать полным ходом.

— У этого мерзавца не было совести, и все,— сказал Куртин.

— У него столько же совести, как и у нас всех, когда мы считаем, что нужно пустить в ход локти, чтобы подняться наверх. Там, где не ждешь обвинителя, совесть молчит, как пустая водочная бутылка, лежащая в углу в пыли. Совесть оживает лишь тогда, когда ее подстегиваешь. Для этого есть тюрьмы, палачи и круги ада. Есть ли совесть у наших интендантов, поставляющих оружие и получающих свои прибыли на том, что помогали избиению народов Европы? Была ли совесть у нашего мистера Вильсона, когда он позволил убить пятьдесят тысяч наших парней, потому что Уолл-стрит боялась потерять свои барыши, а поставщики оружия хотели улучшить свои дела? Я никогда не слышал об этом. Только маленькие люди должны иметь совесть, другим она не нужна. У нашего друга Доббса может проснуться совесть, лишь когда он узнает, что сделал только половину работы. Нет, милый мальчик, оставь ты меня с этой совестью. Я не верю в нее. Мы должны теперь думать лишь о том, как снова отнять у этого парня нашу добычу.

Говард хотел сразу же скакать в Дуранго, чтобы застать там Доббса или, в крайнем случае, настигнуть его в Тампико, прежде чем он улизнет из страны. Куртин должен оставаться здесь, в деревне, до выздоровления и потом догнать их.

Когда Говард объяснил хозяевам дома, где он гостил, что он должен теперь ехать за своим имуществом, так как Куртин болен и должен остаться здесь, они согласились с ним, что ему следует ехать, как ни трудна им такая скорая разлука. На следующее утро Говард был готов идти в Дуранго. Но друзья-индейцы не хотели отпускать его одного. Они хотели проводить его, чтобы он в целости и со-

хранности прибыл в город и чтобы его не постигла судьба Куртина. Поэтому они все верхами последовали за ним.

Только достигли они соседней деревни, им встретились индейцы с алькадом, которые направлялись к Говарду, чтобы вернуть ему ослов и тюки.

— Где же сеньор Доббс, американец, который должен был доставить весь караван в Дуранго? — спросил Говард, оглядевшись и не найдя Доббса.

— Его убили, — хладнокровно сказал алькад.

— Кто его убил? — спросил Говард чисто механически.

— Три бандита, которых вчера арестовали солдаты.

Говард посмотрел на тюки, и они показались ему неестественно тонкими. Одним прыжком он подскочил к своим тюкам.

Шкуры все были здесь, но мешочки отсутствовали.

— Мы должны догнать этих бандитов, — крикнул он. — Я должен их кое о чем спросить.

Сопровождающие его были согласны. Караван погнался в деревню, где лежал Куртин. Остальные прямыми тропами помчались за солдатами.

Солдаты не очень торопились. При таких патрульных поездках всегда посещают поселки, расположенные враспынную вблизи главной дороги, чтобы послушать, что где случилось, чтобы показать мирному индейскому населению, что правительство помнит о них и они находятся под его защитой. Арестанты, которых они ведут, только усиливают впечатление, производимое на индейское население, что правительство все делает правильно и крепко преследует бандитов и бродяг и что они, индейцы, могут спокойно продолжать свою работу. Бандиты и те лица, которые, быть может, помыш-

ляют заняться бандитизмом, на примере арестованных видят, какова судьба, что их ожидает, что, пойдя на преступление, они столкнутся и с теневыми сторонами этого.

Такие предупреждения более действенны, чем статьи в газетах, которые сюда не доходят и которые здесь нельзя почитать.

На следующий день солдат и арестованных догнали. Алькад представил Говарда офицеру как законного владельца ослов и тюков, и Говард без проволочек получил позволение расспросить бандитов.

Как они покончили с Доббсом, его не интересовало, алькад уже рассказал ему об этом вполне подробно.

Он хотел бы только знать, где мешочки.

— Мешочки? — спросил Мигуель. — Ах да, эти маленькие мешочки, мы их все высыпали. Там был только песок, чтобы утяжелить шкуры.

— Где же вы высыпали эти мешочки? — спросил Говард.

Мигуель рассмеялся.

— Откуда мне знать? Где-то в буше. Один мешочек тут, другой мешочек там. Было темно. Мы потом пошли дальше, чтобы уйти оттуда. Мы не ставили крестиков там, где высыпали мешочки. Песку всюду полно. Вам нужно только нагнуться. А если вы хотите найти именно тот песок, который был у вас, возможно, образцами, не думаю, чтобы вы нашли хоть песчинку. Позапрошлую ночь здесь была сильная буря, она все унесла, даже если бы я точно знал, где все это было, где мы высыпали мешочки. Я бы все вам охотно сказал за пакетик табаку. Но я ничего не знаю и не могу заработать себе табак.

Говард не знал, что тут сказать. Все, что он мог сделать, это громко расхохотаться, так, что остальные, да и солдаты, не могли удержаться от смеха, хоть и не знали, в чем соль. Но хохот был так заразителен, что смеялись все.

Говард бросил бандитам пакетик с табаком, поблагодарил офицера, попрощался с ним и поскакал со своими друзьями обратно.

— Ладно, мой мальчик,— сказал Говард, присев на край постели, где лежал Куртин.— Золото уплыло туда, откуда оно пришло. Эти великолепные мерзавцы посчитали его песком, которым мы хотели утяжелить вес шкур при продаже торговцу мехами в городе. И эти бараны весь песок высыпали. Где? — они и не представляют, так как было темно. А потом ураган все унес в позапрошлую ночь. За понюшку табака мы бы получили сейчас все золотишко, за которое мытарились десять месяцев.

И он принялся хохотать так, что сгибался весь, потому что заболел живот.

— Как ты можешь сейчас смеяться, я никак не понимаю,— сказал Куртин, начиная сердиться.

— А я не понимаю тебя,— сказал Говард, смеясь все сильнее.— Если ты не можешь рассмеяться до колик, тогда ты не понимаешь, что такое хорошая шутка, и тогда тебя можно только пожалеть. Эта история стоит десяти месяцев труда.— И он опять расхохотался так, что слезы лились по щекам.— Меня они сделали Чудо-Доктором,— выдавил, смеясь, старик,— у меня было больше удавшихся излечений при применении минимума лекарств, чем у лучшего врача в Чикаго. В тебя два раза стреляли в упор, и ты все же живой, а миляга Доббс настолько потерял голову, что он даже не может

пойти ее поискать. И все это из-за золота, которое принадлежит нам и о котором никто не знает, где оно, и которое стоит менее, чем пакетик с табаком за тридцать пять центаво.

Тут наконец и Куртин рассмеялся и хотел сделать это так же сильно, как старик. Но Говард прикрыл его рот ладонью:

— Не так громко, мальчик мой, а то у тебя может лопнуть легкое! А тебе нужно себя побережь, не то мы не попадем в Тампико. С железной дорогой у нас не выйдет. Нам придется возвращаться на ослах, а тех, которых мы не можем использовать под седлами, нам нужно продать, чтобы купить, по крайней мере, лепешек. Мы же миллионеры!

— Чем же мы должны все же заняться теперь? — спросил Куртин спустя некоторое время.

— Я уже раздумываю над тем, не остаться ли мне здесь лекарем на длительное время. Мы можем заниматься этим вдвоем. Мне одному все равно не справиться. Мне нужен ассистент, и я покажу все свои рецепты. Они хороши, это я тебе гарантирую.

Когда Говард стал тщательно рассматривать все тючки, он нашел тюк, из которого не высыпали мешочки. Либо их не заметили, либо тот бродяга, который присвоил этот выюк, был слишком ленив, чтобы расшнуровать все тюки, намереваясь сделать это позднее, когда они перестанут торопиться.

— Этого как раз хватит, но для чего? — сказал Говард.

— С кино, видимо, ничего не выйдет? — спросил Куртин.

— Для этого не хватит. Но я подумал, может, завести совсем маленький магазинчик деликатесов и консервов?

— Где? В Тампико? — Куртин приподнялся в постели.

— Конечно. А где же ты думал? — ответил Говард.

— Но в последний месяц нашего пребывания в Тампико в течение шести недель обанкротились ведь четыре больших магазина деликатесов.

Куртин считал необходимым напомнить об этом Говарду.

— Это так, — сказал Говард. — Но это было двенадцать месяцев тому назад. Положение могло измениться. Нужно иногда надеяться на свое счастье.

Куртин подумал и сказал:

— Быть может, твое первое предложение лучше всего. Попробуем некоторое время заняться медициной, тут нам, по крайней мере, обеспечены еда и кров. Будет ли так с деликатесами, я не уверен.

— Но, дружище, ты ведь там будешь прямо среди разной еды. Там тебе нужен только консервный нож, и ты можешь вскрыть банку, а то и две, если захочется.

— Ладно, хорошо. Но ты должен мне раньше сказать, что ты будешь есть, если придут и опечатают магазинчик деликатесов. Тогда тебе не добратся до консервных банок.

— Об этом я не подумал, — опечаленно сказал Говард. — Так вполне может быть, и тогда нам не подойти к коробкам и самый хороший консервный нож теряет цену. Я думаю, что лучше, вероятно, отставить пока деликатесы, а нам податься в медицину. Кроме того, медицина очень почетная профессия. Продавцом консервов ведь может стать каждый осел, а медиками могут стать далеко не все люди. С этим нужно родиться. И это я с полным правом могу сказать про себя. Вот придешь за перевал ко мне в деревню, там ты кое-что увидишь, кое-чему научишься. Придется тебе шляпу снять передо мной, мой мальчик, когда ты увидишь,

что за уважаемая персона я там. Уже несколько дней, как они хотят сделать меня должностным лицом. Что они под этим подразумевают, я так и не мог понять.

В этот момент вошел хозяин дома, где квартировал Говард.

— Сеньор,— сказал он,— нам сейчас нужно уезжать. Только что прибыл человек из-за хребта. Он говорит, что в нашей деревне скопилось столько людей, которые хотят видеть доктора, что жители деревни просто испуганы. Поэтому нужно сейчас же по коням.

— Ну вот, слышишь?— обратился Говард к Куртину, пожимая ему на прощанье руку.

Куртин рассмеялся и сказал:

— Я думаю, что денька через три смогу перебраться на ту сторону и увижу Чудо-Доктора.

У Говарда не было времени ответить. Индейцы подхватили его, вынесли и взгромоздили на лошадь.

Затем они ускакали с ним.

ОБ АВТОРЕ И ЕГО КНИГАХ

«Сокровище Сьерра-Мадре» — вторая книга писателя Бруно Травена, выходящая в Калининградском книжном издательстве: в 1986 году увидел свет его роман «Корабль мертвых», изданный в серии «Морской роман». Книга вновь привлекла читательское внимание к этому незаслуженно забытому у нас имени.

Перу Бруно Травена принадлежит около двадцати романов и много рассказов. По большей части творчество писателя связано с Мексикой, где он живет с начала двадцатых годов. Его сочинения по праву можно назвать эпопеей жизни простых мексиканцев. Джозеф Линкольн Стеффенс, «величайший репортер Америки», в свое время сам писавший о революционной Мексике, так высказался о Бруно Травене: «Этот человек выразил подлинную душу Мексики». Это свидетельство особенно примечательно потому, что оно принадлежит человеку, близкому нам по духу: Стеффенс с большим сочувствием относился к идеям Октября, не однажды посещал нашу страну, встречался с В. И. Лениным.

В тридцатые годы Травен широко издавался во многих странах. Он был антифашистом, выступал против несправедливости и неравенства, за переустройство мира, сочувствовал тем, кто боролся за свободу: испанским республиканцам, мексиканским индейцам, которых нещадно эксплуатировали на нефтепромыслах и лесоразработках.

В своем ироничном по форме, но суровом по сути социально-психологическом анализе Травен четко показывает, как дурно устроенное общество насильно изымает нравственного по природе человека из сферы гуманных человеческих связей, уродует его духовный облик, толкает на преступление. Ведь именно нищета, бесприютность, отсутствие нормальных бытовых условий, семьи морально опускают человека до уровня бродяги, которому безразлично, кому и где продавать свой труд, какую память о себе он оставит в том или ином чуждом ему месте. «Грязь и пот уродуют человека внутри еще больше, чем снаружи», — пишет Травен. «Сокровище Сьерра-Мадре» как бы еще раз подтверждает и иллюстрирует эту мысль писателя.

Как бы ни трепала жизнь трех героев романа — Доббса, Куртина и Говарда — но, даже хлебнув безработицы, тяжкого временного труда на нефте-разработках, смирившись с примитивным бытом ночлежки, они в начале своей золотоискательской эпопеи еще чувствуют себя товарищами по нелегкому и опасному предприятию и дружно протестуют против пророчества самого умудренного из них — Говарда, что золото внесет в их отношения волчью мораль. Зловещим предупреждением звучит рассказанная Говардом история поисков заброшенного рудника, когда гибнут все участники этого предприятия. Доббс склонен считать, что «это проклятие, которое тяготеет над золотом», и,

может быть, поэтому именно он первым потом преступает все моральные человеческие запреты, лишь бы разбогатеть. Ведь он еще неосознанно уже как бы оправдывает самую возможность преступления: человек, в сущности, не властен над собой, если сбывается мистическое проклятие над золотом.

Двое спорящих еще не знают, что одному из них предстоит стать убийцей, а другому — жертвой, но тот, кому будет отведена обстоятельствами жертвенная роль, возражает своему собеседнику: «Проклятие на золоте? Не вижу этого. В чем же проклятие? На нем столько же благословения. Все зависит лишь от того, в чьих оно руках. Различные черты характера его обладателя создают проклятие или благословение». Травен устами одного из своих героев как бы переводит оценку всего, что должно произойти в повести, в моральный план. Но в том-то все и дело, что самая мораль в обществе, где живут и действуют его герои, навязывается им этим обществом. Попытавшись убить Куртина, чтобы завладеть золотом своих компаньонов, Доббс размышляет о совести. И здесь Травен заставляет своего героя подняться до больших социально-философских обобщений. Если совесть не мучает палача, отправляющего свои жертвы на электрический стул и считающегося уважаемым человеком, государственным служащим; если не мучает она солдат, убивших пленных во время одного из эпизодов первой мировой войны, то, считает Доббс, не должна мучить совесть и его самого. «Солдатам и палачам платят, и потому совесть их не тревожит, сколько бы еще людей ни отправили они на тот свет», — заключает Доббс.

Ни Доббс, ни Куртин, ни Говард, выброшенные жизнью на обочину, ставшие деклассированными элементами общества, не способны сознательно

воспринять идеи большевиков, коммунистов. Но Травен показывает, как близко лежат к этим идеям даже чисто стихийные представления о социальной справедливости. «Я ничего общего с этим не имею», — отрешивается от большевизма Куртин, но он же замечает: «Возможно, что это и есть мнение большевиков, коммунистов — потребовать от всех неработающих владельцев денег уважения к заработанным деньгам, чтобы платить рабочему плату, которую он действительно заслуживает, и чтобы эту плату у него не выуживали потом всякими путями, правдами и неправдами, и не тратили на всякую ерунду, которая совсем не интересует рабочих».

В романе сильна и антиклерикальная направленность: Травен настаивает на том, что в Латинской Америке именно церковь еще со времен инквизиции помогала властям держать коренное население в плену у суеверий и невежества, именно католическая религия с ее культом мученичества становилась для непросвещенных индейцев настоящей школой изуверства.

Занимаясь, в сущности, самой оперативной и острой социальной публицистикой, Травен на протяжении всей своей жизни избегал различных интервью, встреч с журналистами и читателями, что позволило прессе и критикам говорить о «загадке», «феномене» писателя. Только после его смерти некоторым исследователям удалось приблизиться к решению этой загадки. Есть версия, что Бруно Травен, родившийся в Чикаго, в период первой мировой войны жил в Германии, вплоть до 1915 года под именем Рет Марута выступал на сцене в Эссене, а затем поселился в Мюнхене и целиком посвятил себя литературе. Рет Марут был плодовитым публицистом с четко выраженной антибур-

жуазной и антивоенной направленностью. В дни Баварской Советской республики он как никогда близок к идеям большевизма, объявляет себя сторонником диктатуры пролетариата, занимает активную политическую позицию. После того как республика пала, Рет Марут заочно приговорен к смертной казни, но некоторое время работает нелегально. Затем он исчезает, но в двадцатых годах в Мексике заявляет о себе писатель-публицист Бруно Травен, творческий почерк и политические убеждения которого очень близки публицистике Рет Марута.

Вероятно, как и многие другие загадки истории литературы, «феномен Травена» еще будет привлекать многих исследователей и рождать противоречивые версии. Но его книги, написанные десятилетия назад, еще не раз окажутся неожиданно современными.

Н. Волгина

Бруно Травен

СОКРОВИЩЕ СЬЕРРА-МАДРЕ

Редактор Н. К. Зверева. Художественный редактор В. М. Ласточкин. Технический редактор М. С. Гайдукова. Корректор Н. С. Гайдученок.

ИБ № 776

Сдано в набор 13.06.88. Подписано в печать 23.12.88. Формат бумаги 70×100/32. Бумага для бланков. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,05. Усл. кр.-отт. 1125 т. Уч.-изд. л. 11,15. Тираж 100 000 экз. Заказ 859. Цена 1 р. 30 к.

Калининградское книжное издательство, 236000, Калининград, Советский просп., 13.

Типография издательства «Калининградская правда», 236000, Калининград, ул. Карла Маркса. 18.